

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В О П Р О С Ы Я З Ы К О З Н А Н И Я

ГОД ИЗДАНИЯ

VII

5

~~СЕНТЯБРЬ~~ — ОКТЯБРЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА — 1958

РЕДКОЛЛЕГИЯ

*О. С. Ахманова, Н. А. Баскаков, Е. А. Бокарев, В. В. Виноградов (главный редактор),
В. П. Григорьев (и. о. отв. секретаря редакции), А. И. Ефимов, В. В. Иванов
(и. о. зам. главного редактора), Н. И. Конрад, В. Г. Орлова, Г. Д. Санжеев,
Б. А. Серебренников, Н. И. Толстой, А. С. Чикобава, Н. Ю. Шведова*

Адрес редакции: Москва, К-12, ул. Куйбышева, 8. Тел. Б 1-75-42

СОСТОЯНИЕ РАЗРАБОТКИ И ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА О ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ РУССКОГО ОБЩЕНАРОДНОГО ЯЗЫКА *

Разработка вопроса о диалектной основе русского общенародного (а также литературного) языка имеет большую давность в науке о русском языке. Исследователи раннего периода, начиная с XVIII в., в каком бы аспекте — историческом или нормативном — ни рассматривали процесс образования национального русского языка, находящего свое выражение как в литературно-письменной, так и в устно-разговорной речи, единодушно сходились на том, что общерусский (великорусский) язык формировался на базе говоров территории, окружающей Москву, и самой Москвы как центра государства. Уже ранние исследователи отчетливо представляли себе также, что наш общенародный разговорный язык соединяет черты говоров северновеликорусского и южновеликорусского наречий. Достаточно сослаться на Ломоносова и Даля как на типичных представителей этого мнения.

Развернувшись со второй половины XIX в. работы по описательной и исторической диалектологии, основанные на огромном материале, собранном несколькими поколениями диалектологов (вплоть до нашего времени), не поколебали исходных установок ранних исследователей, хотя в ряде положений существенно развили и дополнили их.

Выводы из диалектологических и историко-языковых исследований о диалектной основе общерусского (великорусского) языка сводятся к следующему. В процессе формирования великорусской народности на территории Ростово-Суздальской земли как исходной первоначальной базе, в полосе Москвы, растущем центре великорусской государственности, в результате взаимодействия говоров северновеликорусских (восходящих к говорам словен-кривичей) и говоров южновеликорусских (в основном восходящих к говорам вятичей) складываются говоры переходные, или средневеликорусские. В отношении согласных звуков эти говоры имеют ряд характерных особенностей северновеликорусского происхождения, а в отношении гласных — ряд особенностей, в частности систему безударных гласных, южновеликорусского происхождения. При этом средневеликорусские говоры представляют не простое соединение черт строя тех и других говоров, а новую по своему качеству своеобразную языковую систему.

Средневеликорусские говоры, окружающие Москву, стали говорами центра русского государства. Следует еще иметь в виду, что говор Москвы, получив закрепление в деловой письменности, оказывал в дальнейшем большое влияние на язык письменности других областных центров. Эти предпосылки сыграли решающую роль в том, что общенародный русский язык оформился именно на базе говоров Москвы и окружающих ее терри-

* Настоящая статья подготовлена Комиссией по изучению диалектной основы русского литературного языка при Бюро Отделения литературы и языка АН СССР.

торий. Это положение с теми или иными вариантами всегда являлось общепризнанным в нашей науке. Непосредственно воспринимаемая близость фонетического и грамматического строя народных говоров, окружающих Москву, к общенародному устно-разговорному языку не давала основания для пересмотра этих положений.

Отметим также, что указанный вывод согласуется и с теми положениями исторической науки, согласно которым совершавшийся уже в XVII в. процесс развития русской (великорусской) народности в нацию, связанный с образованием всероссийского рынка, развитием обмена между областями, ростом товарного обращения и территориальным разделением труда, центром своим всегда имел Москву и прилегающие к ней области, как северновеликорусские, так и южновеликорусские по своей диалектной принадлежности. Эти обстоятельства и создали необходимые предпосылки для тесного взаимодействия двух наиболее резко различающихся диалектных сфер русского языка именно в полосе Москвы.

Таким образом, выдвинутое И. В. Сталиным в 1950 г. положение о том, что в основу русского национального языка лег курско-орловский диалект, находилось в противоречии со сложившейся трактовкой вопроса и притом не сопровождалось обосновывающими его аргументами или ссылками на источники научно-исследовательского характера.

Не являлись значительными в научном отношении и также не были основаны на привлечении и исследовании новых материалов и те работы (преимущественно принадлежащие перу историков), которые посвящались разработке гипотезы о курско-орловском диалекте как основе русского национального языка (обычно фактически всегда имелась в виду его общенародная форма).

Такова, например, статья историка И. М. Ионенко¹, уже получившая оценку в печати². И. М. Ионенко исходит в своей статье из представления о том, что уже в XII в. курско-орловский диалект существовал как основа языка великорусской народности (наличие которой в это время допустить невозможно). Оставляя за Москвой роль центра, вокруг которого собиралась и объединялась Русь, И. М. Ионенко считает, что лаборатория языка Московского государства находилась к югу от Москвы, т. е. в отрыве от населения его центральных территорий, что вообще трудно себе представить.

Б. А. Рыбаков обосновывал гипотезу И. В. Сталина указанием на то, что главные диалекты русского и украинского языков (курско-орловский и полтавско-киевский) территориально совпадают с древней Русью VI—VII вв., считая возможным тем самым установить непосредственную преемственную связь между диалектами глубокой доисторической поры и теми диалектами, которые сформировались к национальному периоду³. Тем самым Б. А. Рыбаков игнорирует присущие этому периоду закономерности. С точки зрения языковедческой такой подход является совершенно неправомерным.

Г. И. Зиксев сохраняет общепринятое у историков представление о ведущей роли Москвы в формировании основных признаков русской нации, но считает при этом, что московский говор стал основой русского литературного языка и письменности, а основой русского национального

¹ И. М. И о н е н к о, Об исторических условиях превращения курско-орловского диалекта в основу русского национального языка, ВИ, 1952, № 7.

² Р. И. А в а н е с о в, К вопросам образования русского национального языка, ВЯ, 1953, № 2. Необходимо отметить также колебания самого Р. И. Аванесова в решении вопроса о диалектной базе национального русского языка.

³ Б. А. Р ы б а к о в, Проблема образования древнерусской народности в свете трудов И. В. Сталина, ВИ, 1952, № 9.

языка стал курско-орловский диалект¹. С лингвистической точки зрения подобное противопоставление остается совершенно непонятым; автор его не обосновывает.

В статьях лингвистов (если не считать те статьи, авторы которых ограничивались цитированием высказывания о курско-орловском диалекте) намечается определенно выраженная тенденция заменить представление о роли курско-орловского диалекта представлением о роли в образовании общенародного языка южновеликорусского наречия в целом. Значение тех наиболее распространенных южновеликорусских черт, которые характерны для всех подгрупп этого наречия, не отрицалось и раньше; при анализе данных, относящихся к средневеликорусским говорам, всегда отмечали представленный в них южновеликорусский элемент.

Признание роли южновеликорусских говоров в формировании русского общенародного языка само по себе никогда не означало и не может означать, что эти говоры, а тем более какая-то одна из групп этих говоров, явились основой национального русского языка. По отношению к южновеликорусскому вкладу в общенародный язык оставался ряд неясных моментов, например по вопросу о том, в каком смысле и с какого времени можно говорить о влиянии южновеликорусского наречия как об основном и, может быть, нарастающем в русском общенародном разговорном, а затем и в национальном литературном языке. Весьма важным и до сего времени не разработанным является и вопрос о соотношении южновеликорусского и северновеликорусского элементов в таких наименее изученных с этой точки зрения сторонах языка, как словообразование и лексика, а во многом и в области морфологии.

Наличие ряда неясных вопросов, возникших после опубликования работы И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», указывает, что проблема диалектной основы русского общенародного языка требует в настоящее время углубленной разработки источников в следующих направлениях.

1. Проводимое современными методами детальное изучение говоров русского языка, которое дало бы основу как для определения состава групп в пределах каждого из наречий русского языка, так и для широкого сравнительно-исторического изучения северновеликорусского и южновеликорусского наречий в целом. Наибольшую роль здесь должно сыграть: а) составление атласов русских народных говоров; б) составление словарей основных групп говоров русского языка и сводного словаря диалектной лексики; в) дальнейшее монографическое изучение ряда средневеликорусских говоров с целью выяснения типичных соотношений элементов южновеликорусского и северновеликорусского происхождения в этих говорах.

2. Дальнейшее изучение и систематизация данных, характеризующих отражение живого произношения в памятниках письменности (особенно относящихся к начальному периоду образования национального языка, т. е. к XVI, XVII и началу XVIII в.).

3. Изучение устно-разговорного языка Москвы и Подмосковья, а также и более широкое изучение устно-разговорной речи лиц, говорящих на литературном языке, для определения характера развития современных орфоэпических норм.

Остановимся на характеристике того состояния, в котором находится разработка указанных вопросов, и тех перспектив, которые здесь могут быть намечены.

¹ Г. И. Зикеев, К вопросу об исторических условиях развития русского национального языка на основе курско-орловского диалекта, ВИ, 1953, № 2.

I. В настоящее время вышел в свет «Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» (М., 1957), а также закончено составление карт «Атласа русских народных говоров центральных областей к западу от Москвы» и «Атласа русских народных говоров юго-западных областей». Карты этих атласов дают возможность представить себе характерные особенности западной части территории, занимаемой южновеликорусским наречием, т. е. той, в состав которой входят и говоры курско-орловской группы. Говоры восточной части в настоящее время подвергаются обследованию, и потому весьма важными данными о говорах рязанской группы мы располагаем еще не в полной мере.

В стадии собирания материала находится в основном также подготовка атласов по говорам северновеликорусского наречия. Картографирован лишь материал по говорам северо-запада (вокруг Пскова и Новгорода) в «Атласе русских народных говоров северо-западных областей», а также по говорам вокруг Владимира (в «Атласе центральных областей к востоку от Москвы»).

Давные средневеликорусских говоров представлены на картах двух атласов — центральных областей к востоку и к западу от Москвы.

В отношении южновеликорусского наречия прежде всего следует отметить, что границы языковых явлений на территории его западной части, особенно в области фонетики и морфологии, отличаются большой определенностью, четкостью и выделяют значительные пространства, занятые теми или иными явлениями, причем оказывается, что территории распространения многих языковых явлений приблизительно совпадают.

Кроме того, карты показывают, что черты сходства между отдельными группами южновеликорусского наречия имеют определяющее значение и преобладают над имеющимися различиями, в связи с чем южновеликорусское наречие предстает перед нами как определенное единство. Все эти данные колеблют существующее до последнего времени в нашей науке представление о южновеликорусском наречии как весьма пестром и неоднородном по своему составу и о южновеликорусском населении как позднем по своему формированию, распадающемся на ряд групп, лишенных единства.

Говоры орловской (курско-орловской) группы, разделяя основные наиболее существенные черты окружающих южновеликорусских говоров, выделяются среди них некоторыми особенностями. Одни из этих особенностей за пределами курско-орловских говоров не имеют столь последовательного распространения. Это такие черты, как, например, утрата затвора в аффрикатах (*шай*, *к'риса* вместо *чай*, *к'рица*), произношение *a* вместо *и* в случаях типа *брóсья*, *выляя* и др.

На территории этих же говоров имеются очаги, в которых сохраняются в наиболее архаическом виде некоторые явления, уже утраченные говорами, ранее испытавшими влияние общенародного языка (древние типы диссимильативного аканья, яканья, произношение *ê*, *ô* и под.).

Развитие узко местных особенностей, а отчасти и сохранение архаических черт может свидетельствовать о том, что носителям курско-орловских говоров приходилось переживать периоды относительно обособленного существования. Исторические данные делают это предположение также вполне допустимым.

В курско-орловских говорах не находим черт, которые указывали бы на их большую близость к литературному языку по сравнению с другими группами южновеликорусского наречия, среди которых они скорее даже выделяются своеобразными местными особенностями.

Взятые в совокупности, данные атласов, относящиеся к южновеликорусским говорам, являются материалом для пересмотра традиционной

трактовки процесса образования южновеликорусского наречия и его территории, согласно которой весь юг России, начиная с Орловской губернии, в XIV—XV вв. был совершенно пустынным. По мнению историков, это являлось результатом резкого и почти полного отлива населения после татарско-монгольских погромов.

Заселение данной территории объясняли позднейшей колонизацией из Рязанской земли, районов южного Подмосковья, из западных областей, а также с Украины, причем предполагали, что первыми поселенцами явились те самые степняки, которые перед этим искали спасения в лесной полосе. Старое степное население, согласно изложенной точке зрения, явилось лишь первой волной колонизации. Последующие волны были уже инодиалектными. Таким образом, утверждалось, что в пределах южновеликорусской территории древняя преемственность языкового развития была нарушена, и южновеликорусское наречие представало перед нами как образование сравнительно недавнего времени, лишенное глубоких исторических корней. В своем крайнем выражении подобная точка зрения приводила к отрицанию какого бы то ни было единства южновеликорусских говоров.

Составленные карты атласов, а также некоторые монографические исследования ясно показывают, что география важнейших языковых особенностей, которую мы здесь находим, не могла сложиться в короткий срок заселения курско-орловской земли волнами поздней колонизации. Составленные карты атласов должны стать объектом пристального изучения при дальнейшей разработке данного вопроса.

Карты «Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» дают материал и для характеристики средневеликорусских говоров, окружающих Москву, исследованию которых за последнее время также был посвящен ряд монографий историко-диалектологического характера. Поскольку эти говоры ближе других к устно-разговорной форме общенародного языка, складывавшейся на протяжении XVII—XVIII вв., большой интерес представляет вопрос о том, каков удельный вес южновеликорусского и северновеликорусского вклада в различных группах этих говоров. Проведенное исследование материала и его картографирование показали неправомочность точки зрения, согласно которой все эти говоры имеют северновеликорусскую основу и южновеликорусское наложение, так как в ряде подобных говоров наблюдаются отношения обратного порядка, на что справедливо указывал в свое время Р. И. Аванесов, выступавший против традиционной трактовки образования средневеликорусских говоров¹. (Ср. также точку зрения проф. А. М. Селищева)².

При изучении средневеликорусских говоров необходимо определять, к каким группам южновеликорусского наречия наиболее близки отдельные группы средневеликорусских говоров.

II. В решении вопроса о диалектной основе общенародного русского языка большое значение имеют данные словарного состава и его истории. Чтобы ответить на вопрос, какой из местных диалектов играл преимущественную роль в образовании словаря общенародного русского языка, необходимо осветить целый ряд проблем исторической лексикологии. Прежде всего нужно установить, чем отличались друг от друга по словарю местные диалекты эпохи становления национального языка, какие слова выходили из употребления в результате вытеснения их однозначными

¹ Р. И. А в а н е с о в, К истории средневеликорусских говоров, «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», вып. 1, 1946.

² «Элементы московской речи XIV—XVI вв., — писал А. М. Селищев, — необходимо рассматривать в связи с элементами русских говоров соседних областей и ближе всего Рязанского края» (А. М. С е л и щ е в, Критические заметки по истории русского языка, «Уч. зап. МГПИ», т. V, Кафедра русского языка, вып. 1, 1941, стр. 178.

словами ведущего местного диалекта, какие слова, наоборот, из диалектных превращались в общенациональные и какому диалекту (или диалектам) эти слова принадлежали. Современное состояние исторической лексикологии русского языка не позволяет ответить на эти и другие не менее важные вопросы.

Изучение лексики местных русских диалектов всегда отставало от изучения фонетико-грамматических диалектных явлений. Нам известны (особенно в результате работы над диалектологическим атласом русского языка) некоторые словарные особенности местных диалектов, однако эти сведения касаются лишь немногих слов. Основная масса диалектной лексики не подвергалась сравнительно-историческому изучению. Мы еще не имеем даже словарей большинства говоров. Особенно плохо обстоит дело со словарями южновеликорусских говоров. Имсющиеся словари Е. Ф. Будде, В. Резанова, А. И. Сахарова, А. Никольского, П. Н. Тиханова, А. В. Миртова и др., как и печатающийся словарь курско-орловских говоров С. М. Кардашевского, по своему составу в значительной мере случайны, выполнены далеко не на одинаковом научном уровне и не позволяют делать какие-либо обоснованные обобщения. Что же касается особенностей лексики русских диалектов более ранних времен (например, XVII в.), то они нам пока что почти вовсе не известны.

На основании имеющихся в современной науке данных можно сделать лишь самые предварительные обобщения. В словарный состав русского национального языка вошли (вероятно, в одинаковой мере) как северновеликорусские, так и южновеликорусские словарные диалектизмы. Можно полагать, что такие слова современного литературного языка, как *квашня*, *повытчик* (исторический термин), *бороновать* и некоторые другие, являются по происхождению северновеликорусскими. Слова *пахать* (с производными *пахня*, *пахота* и т. п.), *пложой*, *ружье*, *хата*, *лачуга* и др. — южновеликорусские по происхождению. Впрочем, это предположение еще нуждается в каждом отдельном случае в специальном обосновании.

Если можно в какой-то мере гипотетически предполагать преимущественное воздействие какой-то группы диалектов на словарный состав складывавшегося в XVII—XIX вв. русского национального языка, то речь может идти только о южновеликорусском наречии в целом. В XVII—XVIII вв. в лексике русского языка происходят процессы, которые можно истолковать как вытеснение из сферы письменности северновеликорусских словарных элементов. Так, например, в XVII—XVIII вв. еще употреблялись в книжной речи без заметной стилистической окраски такие явно северновеликорусские слова, как *баса* (наряд, краса и др.), *баской* (красивый, красный, цветистый и пр.), *векша* (белка, переносно — блок для подъема тяжестей; это слово приводится как обычное для литературного языка даже в «Русской грамматике» А. Ф. Востокова), *вить* (участок земли, податная единица и пр.), *живёт* (бывает, существует), *гораздо*, *гораз* (очень) и ряд других слов. Что же касается курско-орловского диалекта (точнее, курско-орловской группы говоров), являющегося составной частью южновеликорусского наречия, то данные лексики (правда, как указывалось выше, еще скудные и неудовлетворительные) ни в какой мере не позволяют утверждать, что именно этот диалект лег в основу русского национального языка. Мы еще не знаем, чем курско-орловские говоры в своем словарном составе отличаются от других южновеликорусских говоров (для того чтобы это установить, нужны разработанные на должном научном уровне областные словари южновеликорусских говоров и соответствующие сравнительно-исторические исследования). Специфическая лексика курско-орловских говоров XVII—XVIII вв. нам вовсе не известна. Современные курско-орловские говоры, насколько они

нами изучены, по своему словарному составу несколько не ближе к национальному языку, чем любые другие говоры русского языка.

Обсуждать проблему диалектной основы русского национального языка по данным лексики вообще пока преждевременно. Нужно сначала провести соответствующие исследования. Особенно важно развернуть работу по составлению местных областных словарей и сводного областного словаря русского языка.

III. Процесс образования национального разговорного языка неотделим от процессов развития письменно-литературного языка. Литературно-языковые традиции юга, Киевской Руси не прервались в древнерусском литературном языке и в период формирования великорусской народности. Литература и письменность Северо-Восточной Руси долгое время питались наследием языковой культуры древнерусской народности. Особенно сильно сказывалась связь с литературным языком Киевской Руси в развитии книжно-славянского типа русского письменно-литературного языка (ср., например, язык житийной и религиозно-дидактической литературы Северной Руси и т. п.). Однако новое этнографическое окружение, народно-диалектные волны, влиявшие на разговорную речь Ростова, Суздаля, Владимира и особенно Москвы, не могли не изменить норм — произносительных, грамматических и лексико-фразеологических — русского литературного языка, по крайней мере того его типа, который можно назвать литературно обработанным народным типом и который был тесно связан в своем развитии с живой народно-разговорной речью и со стилями устного народно-поэтического творчества. Воздействие московского государственного языка распространялось и на письменную речь других феодальных княжеств, присоединившихся к Москве и влившихся в состав Московского государства. Само собой разумеется, что обработанный народный тип литературного языка в своем развитии на протяжении XIV—XVII вв. отражал, хотя и в своеобразной форме, исторические изменения в структуре средневеликорусских говоров, окружавших Москву, и говора самого города Москвы.

Многими историками русского языка (начиная с акад. А. А. Шахматова) высказывалось предположение, что эти изменения народного типа литературного языка состояли главным образом в утрате некоторых фонетических и грамматических (в том числе и синтаксических) черт северновеликорусского наречия и в приобретении черт южновеликорусских (аканье). Однако до сих пор эта гипотеза не является достаточно обоснованной фактами исторической диалектологии и показаниями письменных памятников. Во всяком случае в XVI—XVII вв. нормы русского литературного языка в основных чертах уже вполне определились. В эту же эпоху начинают складываться различия между тремя стилями русского литературного языка. Необходимо отметить также возрастающее, особенно интенсивно с XVI в., взаимодействие между литературным языком и деловой речью, которая оказывает очень сильное влияние на развитие «простого» («низкого») и «среднего» («посредственного») литературных языковых стилей.

IV. Большую роль в разрешении вопроса о диалектной основе общенародного русского языка играет дальнейшее изучение памятников делового языка различных областей Московской Руси, особенно относящихся к периоду XV—XVII вв. Черты живого произношения, отраженные в этих памятниках, должны изучаться с точки зрения отнесения их к тем или иным диалектным группам. Особое внимание должно быть уделено изучению морфологии и лексики памятников, так как им обычно уделялось меньше внимания, а между тем их роль в формировании норм общенародного языка весьма существенна.

Сравнение данных памятников, имеющих различную территориальную локализацию, и сопоставление этих данных с показаниями современных говоров даст необходимый материал для разрешения ряда вопросов. Оно позволит охарактеризовать процессы развития соответствующих диалектных групп и пережитые ими изменения, поможет наметить последовательную смену одних явлений другими в системе литературного языка в период его первоначального становления как общенародного языка нации.

Однако изучение языка памятников письменности, являющиеся вообще отсталым участком работы, особенно сильно отстает в отношении поздних памятников деловой письменности XVI—XVII вв. и, в частности, в отношении памятников южновеликорусского происхождения, находящихся в огромном количестве как в центральных, так и в периферийных хранилищах. Хранение этих ценных рукописей порой не отвечает даже элементарным требованиям. В связи с этим остро стоит задача — издать эти памятники в соответствии со всеми филологическими требованиями.

Обзор основных групп источников, необходимых при дальнейшем изучении вопроса о диалектной основе русского общенародного языка, и состояния их разработки не дает основания для пересмотра того положения, что именно средневеликорусские говоры, окружающие Москву, и говор самой Москвы (в широком смысле слова) явились основой русского общенародного языка. Об этом свидетельствует и современная близость этих говоров к устно-разговорной форме русского общенародного языка.

Дальнейшая разработка проблемы должна идти, как было показано выше, и в собственно диалектологическом плане (для выяснения вопроса о том, каков удельный вес отдельных диалектных групп в системе средневеликорусских говоров и общенародного русского языка), и в направлении широкого сравнительного изучения лексических данных основных групп говоров и лексики общенародного языка, и по линии изучения памятников деловой письменности позднего периода. Необходимо также систематически изучать развитие норм как устно-разговорного, так и письменного языка для выяснения его современных связей с основными диалектными группами русского языка.

А. В. ДЕСНИЦКАЯ

О МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА

Албанский язык до сих пор привлекал к себе мало внимания со стороны представителей как общего, так и индоевропейского языкознания, поскольку с точки зрения классического сравнительного языкознания, стремившегося прежде всего определить древнейшее общесходное состояние, этот язык давал мало материалов для реконструкции. Между тем албанский язык является единственным живым представителем исчезнувшей группы индоевропейских языков, которую очень условно (имея в виду, что здесь речь идет, в сущности, о почти неизвестной величине) можно обозначить как «иллиро-фракийскую». Восстановление основных элементов структуры древнеалбанского языка могло бы стать дополнительным источником сведений об исчезнувших группах индоевропейских языков, исследование которых за последние годы сильно продвинулось вперед благодаря новейшим открытиям. Изучение грамматической структуры албанского языка важно не только с точки зрения обогащения материалов сравнительной грамматики индоевропейских языков, но и с точки зрения грамматической типологии этих языков в их современном состоянии; структура албанского языка представляет не меньший интерес, чем структуры других современных языков индоевропейской семьи, и при постановке вопроса о том, в каком направлении происходило и могло происходить развитие грамматического строя отдельных индоевропейских языков.

Начало сравнительно-исторических изысканий в области грамматики албанского языка было положено еще в XIX в. работами Фр. Боппа и Г. Мейера. Исследование некоторых особенностей албанской морфологической структуры было позднее существенно углублено в трудах Г. Педерсена и Н. Йокля. Однако общего описания основных элементов албанской морфологии в свете данных сравнительной грамматики индоевропейских языков нет до сего времени¹. Такое описание в настоящий момент еще не может быть сделано, так как большинство вопросов, связанных с происхождением и историей развития элементов морфологической структуры современного языка, пока остается неисследованным, и картина соотношения очень многих албанских форм с общеиндоевропейскими все еще недостаточно ясна. Статья, предлагаемая вниманию читателей, представляет собою опыт общей характеристики морфологического строения албанского языка.

*

Структура албанского языка в общих своих чертах сходна со структурами большинства современных индоевропейских языков, в которых

¹ «Грамматика албанского языка» Г. Пекмези (G. P e k m e z i, Grammatik der albanesischen Sprache, Wien, 1908) этой задачи далеко не разрешает, хотя и является единственной грамматикой, составленной с учетом результатов сравнительно-исторических изысканий в области албанографии, достигнутых во второй половине XIX в.

остатки древней флексии переплетаются со вновь созданными продуктивными рядами флексивных форм, а также с разного рода описательными формами.

Действовавшие на протяжении многих веков фонетические процессы, в том числе процесс редукции гласных и согласных конечных слогов, а также процессы морфологического переразложения основ привели к тому, что лишь в очень немногих формальных элементах албанского слова, притом с большим трудом, определяются остатки общиндоевропейских флексивных показателей. В то же время характерной чертой развития морфологической структуры албанского языка явилось образование новых флексивных форм, возникавших как путем переразложения основ, так и путем сращения аналитических сочетаний.

Пример возникновения новых рядов словоизменительных форм путем превращения элементов основы в окончания или в части окончаний дает наиболее продуктивный тип глагольного спряжения, имеющий в настоящем времени индикатива следующую парадигму:

Единственное число		Множественное число	
<i>ripoj</i>	«работаю»	<i>ripojmë</i>	«работаем»
<i>ripop</i>	«работаешь»	<i>ripopë</i>	«работаете»
<i>ripop</i>	«работает»	<i>ripojnë</i>	«работают»

С точки зрения системы современного языка в качестве основы здесь выделяется *ripo-*, а элементы *-j*, *-n*, *-jmë*, *-në*, *-jnë* рассматриваются как личные окончания¹. Между тем исторически основой форм настоящего времени этого глагола являются варианты *ripop-*, *ripoj-* (<*ripopj-*)², а остатки древней индоевропейской глагольной флексии можно усмотреть лишь в элементах *-më*, *-i*, *-në*, выступающих в составе современных окончаний множественного числа.

Рассматриваемый весьма продуктивный разряд албанских глаголов в морфологическом отношении может быть возведен к древнему типу производных глаголов с суффиксом **-nio-*³. Формы единственного числа 1-го лица *ripoj* (в южнотоскск. еще сохраняется более старая форма *ripopj*), 2-го лица *ripop*, 3-го лица *ripop* с исторической точки зрения представляют собой варианты основы, которая некогда изменялась в сочетании с личными окончаниями, в дальнейшем подвергшимися редукции. Эти же варианты основы мы видим и в формах множественного числа — *ripojmë*, *ripopë*, *ripojnë*. Но в то время как во множественном числе конечный элемент основы *-j/-n-* присоединился к старым личным окончаниям, в единственном числе *-j* и *-n* сами по себе приобрели функцию личных окончаний.

Аорист глаголов этого типа (в отличие от формы настоящего времени — также и исторически) имеет основу с исходом на гласный звук (*ripo-*), выступающую в двух вариантах — *ripo-* /*ripia-*, которые возникли в результате специфически албанского фонетического чередования. См., например:

¹ Такой принцип членения указанных форм глагола принят, в частности, в албанской школьной грамматике (см. L. D o d b i b a, S. S p a s s e, Gramatika e gjuhës shqipe. Për kl. e V-të dhe të VI-të të shkollave shtatëvjeçare. Botim i tretë, I, Tiranë, 1955, стр. 175).

² Для большинства албанских диалектов характерно изменение *-nj-*, *-nj* > *-j-*, *-j*.

³ См. G. P e k m e z i, указ. соч., стр. 152.

Единственное число	Множественное число
<i>ripoga</i> «я поработал» ¹	<i>ripuat</i>
<i>ripove</i>	<i>ripuat</i>
<i>ripoi</i>	<i>ripuan</i>

С точки зрения современного языка здесь выделяется следующий ряд личных окончаний: *-va-*, *-ve*, *-i*, *-m*, *-t*, *-n*².

Исторически же в единственном числе остатками старой индоевропейской флексии являются лишь элементы *-a*, *-e*, *-i*. Входящий в состав окончаний 1-го и 2-го лиц единственного числа согласный *-v-* появился чисто фонетически на стыке двух гласных (конечного гласного основы *-o-* и окончаний *-a*, *-e*), благодаря чему оказалось ликвидированным нетерпимое для албанского языка зияние³.

Примером возникновения нового ряда флективных (или, скорее, агглютинативных) форм путем сращения аналитических сочетаний могут служить формы особой модальной категории так называемого адмиратива (по-албански *mënyga habitore*—«наклонение изумления»), которая выражает неожиданное, вызывающее изумление действие, имеющее при этом оттенок результативности. См. настоящее время адмиратива:

Единственное число			
1-е лицо <i>ripuakam</i>	«я, оказывается, работаю, поработал»	<i>hapkam</i>	«я, оказывается, открываю, открыл»
2-е лицо <i>ripuake</i>	«ты, оказывается, работаешь, поработал»	<i>hapke</i>	«ты, оказывается, открываешь, открыл»
3-е лицо <i>ripuaka</i>	«он, оказывается, работает, поработал»	<i>hapka</i>	«он, оказывается, открывает, открыл»
Множественное число			
1-е лицо <i>ripuakemi</i>		<i>hapkemi</i>	
2-е лицо <i>ripuakeni</i>		<i>hapkeni</i>	
3-е лицо <i>ripuakan</i>		<i>hapkan</i>	

Формы эти образованы путем сращения краткого причастия *ripua-*, *hap(ë)*- и спрягаемого по лицам в настоящем времени вспомогательного глагола *kam* «имею» (ср. самостоятельный ряд спряжения этого вспомогательного глагола: ед. число — 1-е лицо *kam*, 2-е лицо *ke*, 3-е лицо *ka*; мн. число — 1-е лицо *kemi*, 2-е лицо *keni*, 3-е лицо *kanë*). Аналогично образуются имперфект (прошедшее длительное) адмиратива: ед. число — 1-е лицо *ripuakësha* «я, оказывается, работал», *hapkësha* «я, оказывается, открывал», 2-е лицо *ripuakëshe*, *hapkëshe* и т. д. (ср. имперфект глагола *kam*: ед. число 1-е лицо *kisha*, 2-е лицо *kishe* и т. д.).

Характерно, что, в сущности, одинаковый с формами адмиратива состав (т. е. личные формы вспомогательного глагола «иметь» в сочетании с при-

¹ Предлагаемые нами здесь и ниже переводы временных форм албанского глагола крайне приблизительны, так как большинство этих форм не имеет себе соответствий в русском языке. Особенно это касается так называемых относительных времён — плюсквамперфекта, будущего II и др. (см. ниже).

² См. L. Dodëbiba, S. Spasse, указ. соч., стр. 175.

³ См. об этом H. Pedersen, Bidrag til den albanesiske Sproghistorie, в сб. «Festskrift til Vilhelm Thomsen...», København, 1894, стр. 254. Ещё ранее такое же объяснение было предложено О. Дозоном (см. A u g. D o z o n, Manuel de la langue chkipre ou albanaise. Grammaire, vocabulaire, chrestomathie, Paris, 1879, стр. 242).

частью спрягаемого глагола), но при обратном расположении своих элементов, имеют аналитические формы перфекта и плюсквамперфекта. Ср. 1-е лицо ед. числа в индикативе: перфект — тоск. *kat punuar* «я работал», *kat hapur* «я открыл», гегск. (с краткой формой причастия) *kat punue*, *kat harë*, плюсквамперфект I — тоск. *kisha punuar* «я работал», *kisha hapur* «я открывал», гегск. *kisha punue*, *kisha harë* и т. д. Эти аналитические формы индикатива, имеющие структурно и семантически вполне адекватные себе параллели во многих современных индоевропейских языках (например, в германских и романских), не обнаруживаются, однако, в албанском языке никаких тенденций к сращиванию.

Возможность образования особых рядов флективных форм адмиратива путем сращения аналитической конструкции была, как нам кажется, связана с постпозицией служебного слова, содействовавшей превращению его из самостоятельной лексической единицы в формальный показатель — в соответствии с традиционным для индоевропейских языков порядком расположения морфем в составе флективного слова. Постановка на первое место лексически полнозначной части аналитического сочетания (*punua-*, *harë-*) в свою очередь могла быть обусловлена эмфатическим выдвиганием вперед семантически более важного элемента. В сравнении с нейтральными в модальном отношении формами перфекта и плюсквамперфекта индикатива подчеркнутая экспрессивность албанского адмиратива получала таким образом некогда формальное выражение при помощи особого порядка слов, обусловившего с течением времени возможность сращения аналитического сочетания в одно целое и создания нового словоизменительного ряда.

С другой стороны, возможно, что в период зарождения аналитических сочетаний, послуживших основой для образования форм адмиратива, первый элемент этих сочетаний, который является особой краткой формой причастия, в настоящее время сохранившейся только в гегском диалекте, был собственно не причастием, а именем действия и выполнял роль инфинитива. История отдельных индоевропейских языков знает немало случаев образования новых флективных форм путем сращения сочетаний имен действия с тем или иным вспомогательным глаголом¹, причем во всех подобных случаях возможность сращения была обусловлена наличием определенного порядка слов внутри сочетания, а именно — положением изменяемых по лицам форм вспомогательного глагола в конце сочетания. Для форм албанского адмиратива, помимо присущего им резко модального характера, особенно специфична прозрачность их строения, позволяющая назвать весь этот словоизменительный ряд скорее агглютинативным, чем флективным.

Своеобразное сочетание остатков старой индоевропейской флексии с новыми флективными формами наблюдается и в албанском именном склонении. Это особенно ярко выступает при сопоставлении неопределенных и определенных (образованных при помощи суффиксированного артикля) форм; ср., например, в им. падеже ед. числа жен. рода: неопред. *natë* «ночь» — опред. *nata*, а также в род. падеже ед. числа неопред. *nate* — опред. *natës*. На первый взгляд может показаться, что именно определенные формы *nata* и *natës* являются непосредственным продолжением индоевропейских форм им. падежа ед. числа на *-ā и род. падежа ед. числа на *-as. Однако в действительности это не так. Остатками индоевропейских показателей являются -ë (сильно редуцированный гласный смешанного ряда)

¹ Ср. образование форм латинского имперфекта и германского слабого претерита, происшедшее задолго до появления письменных памятников; в новое время во французском, испанском и итальянском аналогичным путем возникли формы простого будущего.

в неопределенной форме им. падежа ед. числа и *-e* в неопределенной форме род. падежа ед. числа. Окончания же определенных форм возникли в результате наращения к имени постпозитивного артикля. В частности, появляющееся в род. падеже ед. числа (*natës*) окончание *-s* генетически не имеет ничего общего с индоевропейской флексией родительного падежа, но представляет собой начальный согласный местоименной основы, выступающей в косвенных падежах ед. числа артикля женского рода (в самостоятельном употреблении *së*); ср. также окончание *-t* в определенной форме род. падежа ед. числа муж. рода (*birit* «сына»), имеющее себе соответствие в форме косвенных падежей самостоятельно употребляющегося артикля муж. рода (*të*).

Определяя общий тип морфологической структуры албанского языка, мы можем отметить, что, хотя вся система унаследованных от общеиндоевропейского состояния именных и глагольных флексий в албанском языке подверглась существенной перестройке и выступает в едва узнаваемом виде, структура в целом продолжает сохранять синтетический флективный характер. Наличие большого числа аналитических рядов глагольных форм не противоречит этому определению, так как в состав каждого такого ряда всегда входят изменяемые по лицам формы вспомогательного глагола. Если входящие в состав глагольной формы служебные частицы не подлежат изменению, спрягается по лицам сам основной глагол (ср. тоскские формы будущего I — ед. число 1-го лица *do të punoj* «я буду работать», 2-го лица *do të punosh*, 3-го лица *do të punojë* и т. д.). В таких случаях вряд ли можно говорить об аналитических формах в обычном значении этого термина.

В связи с тем, что основная роль в системе выражения грамматических отношений принадлежит формам словоизменения, порядок слов является относительно свободным, хотя и существуют определенные нормы обычного расположения членов предложения¹. Отступления от этих норм, встречающиеся постоянно как в письменном языке, так и в устной речи, всегда связаны с моментами смыслового и стилистического порядка.

*

Глагол в албанском языке характеризуется категориями лица, числа, времени, наклонения и залога. Все эти категории выражаются морфологически, в основном при помощи средств словоизменения. Система форм албанского глагола очень дифференцирована и включает как простые формы, так и описательные (аналитические).

Лицо и число (единственное и множественное) выражаются обычно (но не всегда) посредством специальных окончаний, иногда также при участии флексии основы. Для единственного числа настоящего времени индикатива единные окончания во всех типах спряжения установить невозможно, так как старые индоевропейские окончания полностью редуцировались (за исключением нескольких реликтовых форм, представляющих глаголы на **-mi*), а новые различия в оформлении связаны исключительно с изменениями (или иногда с отсутствием изменений) конечного звука основы.

Как мы видели выше, для продуктивного разряда глаголов, 1-е лицо которых в единственном числе оканчивается на *-j* (<*-nj*), а основа с точки зрения современного состояния языка имеет конечным звуком гласный или дифтонг (например: *punoj* «работаю», *thaj* «сушу», *kthej* «поворачиваю», *çkrij* «расплавляю, -юсь», *shkrualj* «пишу», *thuej* «ломаю» и др.), функцию окончаний приобрели элементы *-j* и *-n*, бывшие некогда составной частью

¹ См. M. D o m i, Gramatika e gjuhës shqipe, II—Sintaksa, Tiranë, 1955, стр. 157,

основы. Огромное количество глаголов этого типа и, в частности, исключительная продуктивность глаголов на *-oj* обусловили возможность морфологизации первоначально чисто фонетического чередования.

Но не могло произойти морфологизации аналогичного по своему происхождению чередования (*-s < *-lj*) в глаголах типа *flas, flet, flet* «говорю, -ишь, -ит», *bërtas, bërtet, bërtet* «кричу, -ишь, -ит», число которых в языке ограничено и сам тип мало продуктивен. Здесь имело значение также и то, что наряду с этими глаголами существует большое количество глаголов (непроизводных) с исходом основы на согласный или гласный и не имеющих никаких окончаний во всех трех лицах единственного числа. В глаголах типа *flas, flet, flet* «говорю, -ишь, -ит», *pëlcás, pëlcët, pëlcët* «взрываюсь, трескаюсь, -ешься, -ется» чередование согласных является таким же элементом флексии основы (внутренняя флексия), как и чередование гласных, а личные окончания единственного числа настоящего времени отсутствуют.

Для очень многих глаголов характерна омонимия форм для двух, а часто и для трех лиц ед. числа наст. времени. Лишено каких-либо формальных показателей лица в ед. числе наст. времени индикатива большое количество глаголов, относящихся к древнейшей исконной части словарного состава, например: 1-е, 2-е и 3-е лицо ед. числа *hap* «открываю, -ешь, -ет», 1-е, 2-е и 3-е лицо *lë* «оставляю, -ешь, -ет» и др. Сопоставление с четко дифференцированными формами мн. числа *hapim, hapni, hapin* «открываем, -ете, -ют» дает возможность говорить в подобных случаях о нулевой флексии.

Несмотря на это, личные формы албанского глагола, в частности формы 1-го и 2-го лица, не должны обязательно сопровождаться личным местоимением (как это характерно для современных германских и, частично, для романских языков), в чем албанский язык, таким образом, продолжает сохранять старый индоевропейский тип употребления личной глагольной формы. Постановка личного местоимения в албанском, будучи факультативной, дает лишь возможность подчеркнуть указание на определенное лицо.

Албанский язык не имеет грамматической категории глагольного вида. Видовые значения в известной мере сопутствуют временным, например формы настоящего времени и имперфекта всегда выражают длительное действие, аорист означает недлительное, завершенное действие в прошлом или же передает совершившееся действие, взятое вне отношения к времени его протекания.

Так же, как это было характерно для древних индоевропейских языков, в албанском с видовременной дифференциацией связано различие в оформлении основы настоящего времени (длительное действие), с одной стороны, и основы аориста (недлительное действие), с другой. Ср., например, в 1-м лице ед. числа:

	Наст. время	Аорист
<i>flas</i>	«говорю»	<i>fola</i>
<i>bërtas</i>	«кричу»	<i>brita</i>
<i>bredh</i>	«бреду, б	<i>brodha</i>
<i>mërdhij</i>	«мерзну»	<i>mardha</i>
<i>ngreh</i>	«поднимаю»	<i>ngrita</i>
<i>zë</i>	«хватаяю»	<i>z ura</i>
<i>marr</i>	«беру»	<i>mora</i>
<i>ha</i>	«ем»	<i>hëngra</i>
<i>fle</i>	«сплю»	<i>fjeta</i>

Но такая дифференциация имеет место только внутри системы построения форм одного и того же глагола. В глагольном же словообразовании

различия видовых значений не играют роли и поэтому не получают никакого выражения. Очень распространенные в албанском языке глагольные приставки никогда не выступают как средство перфективации и служат исключительно для лексической модификации значения соответствующего глагола (например: *vesh* «одеваю» — *çvesh* «раздеваю», *vendos* «помещаю» — *çvendos* «перемещаю») или для образования глагола от какой-либо другой части речи (например, наречие *poshtë* «внизу, вниз» — глагол *mposht* «подчиняю, порабошаю»).

Для албанского глагола характерна очень разветвленная система временных форм. Только в индикативе действительного залога насчитывается восемь времен (первые три из них являются простыми, а остальные аналитическими): 1) настоящее; 2) прошедшее несовершенное, или имперфект; 3) аорист, или (согласно терминологии, принятой в албанской школьной грамматике) «простое совершенное»; 4) перфект (образуется аналитически при помощи форм настоящего времени глагола *kam* «имею» и причастия спрягаемого глагола, например: тоскск. *kam hapur*, гегск. *kam hapë* «я открыл»); 5) преждепрошедшее I, или плюсквамперфект I, его значение — длительное действие, предшествовавшее другому действию в прошлом (образуется аналитически путем сочетания форм имперфекта глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: тоскск. *kisha hapur*, гегск. *kishe hapë* «я открывал»); 6) преждепрошедшее II, или плюсквамперфект II, его значение — недлительное завершённое действие, предшествовавшее другому действию в прошлом (образуется путем сочетания форм аориста глагола «иметь» с причастием спрягаемого глагола, например тоскск. *pata hapur*, гегск. *pata hapë*); 7) будущее I (в тоскском диалекте образуется при помощи превратившейся в неизменяемую частицу *do* формы глагола *dua* «хотеть», союза *të* и личных форм конъюнктива настоящего времени спрягаемого глагола, например: *do të hap* «открою», *do të hapësh* «откроешь»); в гегском диалекте образуется из личных форм индикатива настоящего времени глагола *kam* «иметь» и аналитической формы инфинитива спрягаемого глагола, например: *kam te hapë* «открою»); 8) будущее II — сравнительно редко употребляемая форма, передает действие, предшествующее в будущем другому действию (в тоскском диалекте представляет собою сочетание частиц *do* и *të*, личных форм конъюнктива настоящего времени глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: *do të kem hapur*; в гегском диалекте — сочетание личных форм наст. времени индикатива глагола «иметь» и сложной аналитической формы инфинитива прошедшего времени, состоящей из предлога *te*, причастия вспомогательного глагола «иметь» и причастия спрягаемого глагола, например: *kam te pasë hapë*¹).

Те же восемь форм имеет индикатив возвратно-страдательного залога. Кроме того, по четыре временных формы имеет конъюнктив (сослагательное наклонение) в действительном и в страдательном залоге. По две временных формы имеют в каждом залоге оптатив (желательное наклонение) и кондиционалис (условное наклонение). Наконец, по четыре временных формы в каждом залоге может иметь адмиратив.

Таким образом, переходный глагол, будучи спрягаем в двух залогах и в шести наклонениях (включая повелительное), может образовать до 42 различных временных форм. Конечно, все эти формы употребительны далеко не в равной мере. Такие относительные времена, как плюсквамперфекты I и II, а также будущее II, принадлежат, в основном, сфере письменного языка, а в живой речи встречаются сравнительно редко. Но в целом

¹ Мы не привели здесь некоторых еще более сложных аналитических временных форм, употребляемых редко и имеющих в значительной мере искусственный характер.

соотношение временных форм албанского глагола представляет собой стройную и вполне продуктивную систему, с которой тесно связана система наклонений, имеющих каждое свой особый морфологический ряд.

Типы спряжения албанских глаголов отличаются значительной пестротой и могут быть подразделены на: 1) регулярный и продуктивный, 2) регулярный, но не продуктивный, 3) нерегулярный, или неправильный¹. Как известно, во всех индоевропейских языках, в результате длительных процессов переоформления, взаимодействия и выравнивания морфологически различных рядов спряжения, происходил отбор того или иного морфологического типа, приобретающего в условиях данного конкретного языка или группы языков наибольшую продуктивность. Остальные же типы, при всей их значимости для системы языка более древнего периода, отодвигались на второй план, с тенденцией к переходу в ряды так называемых «неправильных глаголов».

В албанском языке наибольшее распространение приобрел тип глаголов, восходящий к старому тематическому образованию производных глаголов на **-n-io-* (в основе настоящего времени). Этот тип послужил исходным пунктом для развития самой продуктивной для современного албанского языка модели глагольного словообразования.

Значительно меньшее распространение имеют глаголы, морфологически восходящие к старому типу с суффиксом **-tjo-* в основе настоящего времени и обнаруживающие в современном языке чередование *-s/-t-* в исходе основы². Старый индоевропейский тип первичных тематических глаголов, основа которых не имела в своем составе суффикса **-i-*, также сохраняется в албанском языке как пока еще довольно обширная, но уже совсем непродуктивная группа. Из регулярной системы албанских глагольных спряжений совершенно выпадает спряжение глаголов *jam* «я есмь», *kam* «имею», *thom* «говорю», восходящее к индоевропейскому тематическому спряжению глаголов на **-mi*.

Простые формы прошедшего времени (имперфект и аорист) представляют собой результат своеобразного переоформления старых индоевропейских временных форм. Особенно характерен в этом отношении аорист, который, подобно латинскому перфекту и германскому сильному претериту, образовался путем смешения и объединения форм старых перфекта и аориста. Так, например, формы албанского аориста с огласовкой *-o-* в корне, образуемые от глаголов с дифтонгом *-ie-* (из **-e-*) в формах настоящего времени (например: наст. время *djeg* «жгу» — аорист *dogja*, наст. время *pek* «пеку» — аорист *poqa* и др.), восходят к древним индоевропейским формам перфекта с огласовкой *-ē-* в корне³.

В то же время некоторые, очень немногие глаголы сохраняют остатки форм сигматического аориста, например при наст. времени *jam* «я есмь» — супплетивный аорист *qeshë* «я был»; наст. время *thom* «говорю» — аорист *thashë* «я сказал»; наст. время *lë* «оставляю» — аорист *lashë* «я оставил»; наст. время *shoh* «вижу» — супплетивный аорист *pashë* «я видел, увидел»; наст. время *ap* «даю» — супплетивный аорист *dhashë* «я дал» и др.

Как и в других современных индоевропейских языках, в албанском архаические по своему формообразованию глаголы относятся к числу наиболее важных и часто употребляемых. Поэтому наличие довольно

¹ В грамматиках албанского языка классификация глаголов по типам спряжения производится обычно в зависимости от исходного звука основы.

² К этой группе примыкает известное количество глаголов, заимствованных из славянского в форме инфинитива на *-ti*, например *gosit* «угощаю», *grabit* «граблю», *zbavit* «забавляю, развлекаю» и др.

³ Этот факт был впервые установлен Г. Мейером (G. Meyer, Zum indogermanschen *ē*-Perfektum, «Indogerm. Forsch.», Bd. V, Hf. 2, 1895, стр. 181).

обширной группы непроизводных глаголов, характеризующихся разного рода отклонениями от регулярного типа спряжения, представленного преимущественно глаголами производными или заимствованными, составляет одну из специфических черт морфологической системы албанского языка.

Сложность глагольного формообразования усугубляется значительным количеством исторических чередований как гласных, так и согласных звуков в составе основ довольно большого числа глаголов. Так, например, глагол *marr* «брать» имеет в настоящем времени индикатива следующий ряд форм: ед. число: 1-е лицо *marr*, 2-е лицо *merr*, 3-е лицо *merr*; мн. число: 1-е лицо *marrim*, 2-е лицо *merrni*, 3-е лицо *marrin*; в имперфекте: ед. число 1-е лицо *mirja*, 2-е лицо *mirje* и т. д.; в аористе ед. число: 1-е лицо *mora*, 2-е лицо *more*, 3-е лицо *mori*; мн. число: 1-е лицо *tuarmë*, 2-е лицо *tuartë*, 3-е лицо *tuarnë*. Ср. спряжение глагола *djeg* «сжигать»: наст. время 1-е лицо ед. числа *djeg*, 2-е лицо мн. числа *digjni*; имперфект 1-е лицо ед. числа *digja*; аорист 1-е лицо ед. числа *dogja* и др.

Некоторые глаголы из числа наиболее употребительных имеют супплетивное формообразование, т. е. в одном ряду спряжения стоят формы, происходящие от разных корней. Ср., например, наст. время 1-е лицо ед. числа *kam* «имею» — аорист 1-е лицо ед. числа *pata*, причастие *pasur*; *jam* «я есмь» — аорист *qeshë*, причастие *qënë*; *ap* «даю» — аорист *dhashë*, причастие *dhënë*; *bie* «несу» — аорист *prura*, причастие *prurë*; *bie* «падаю» — аорист *rashë*, причастие *rënë*; *rri* «сизу, пребываю» — аорист *ndëjta*, причастие *ndënjur*; *shoh* «вижу» — аорист *pashë*, причастие *parë*; *vij* «прихожу» — аорист *erdha*, причастие *ardhur*.

Если учесть, что простые временные формы индикатива действительного залога, отличающиеся, как мы видим, значительным разнообразием, лежат в основе построения простых, полуаналитических и аналитических форм других наклонений, а также в основе формы страдательного залога, следует признать, что спряжение глагола в албанском языке представляет собой очень сложную, морфологически довольно пеструю, но в то же время весьма стройную систему.

В сравнении с богатством личных форм именные формы албанского глагола не отличаются разнообразием. В албанском языке существует собственно только одно причастие — причастие прошедшего времени, оформление которого различно в двух основных албанских диалектах.

По своему происхождению форма тоскск. *hapur*, гегск. *hapin* «открытый» восходит к индоевропейскому причастию на *-ono-¹. Происхождение краткого *hapë*, выступающего в качестве основной формы причастия [рядом с формами на -*m(ë)* и -*min*] в гегском диалекте и сохранившегося в тоскском лишь в составе форм адмиратива (ср. *hapkam* «оказывается, я открыл»), остается неясным; вероятнее всего это было некогда имя действия, непосредственно связанное с глаголом². Албанское причастие имеет страдательное значение для переходных и активное для непереходных глаголов; оно играет очень большую роль в построении аналитических форм. Выступая в качестве определения, причастие ничем не отличается от обычных прилагательных. Случаи лексического обособления причастий и превращения их в нормальные прилагательные встречаются очень часто. Значение «сопровождающего действия» (в албанской грамматике *mënyra*

¹ См. об этом: N. J o k¹, *Linguistisch-kulturhistorische Untersuchungen aus dem Bereiche des Albanischen*, Berlin und Leipzig, 1923, стр. 189.

² По мнению Г. Пекмези, первоначально это был инфинитив (см. G. P e k m e z i, *указ. соч.*, стр. 78).

përcjellore «сопроводительное наклонение»; ср. в русском деепричастие настоящего времени) передается с помощью аналитического сочетания причастия с частицей тоскск. *duke*, гегск. *tue*, например: тоскск. *duke hapur*, гегск. *tue harë* «открывая».

Особой формы инфинитива албанский язык не имеет. В тоскском диалекте соответствующие значения передаются при помощи сослагательного наклонения (конъюнктива), например, *dua të hap* «хочу открыть», или посредством специального целевого описательного оборота — *për të hapur* «чтобы открыть», в состав которого входит причастие. В гегском диалекте существует и очень широко употребляется описательная конструкция, состоящая из предлога *me* «с» и краткого причастия — *me harë* «открыть». Эта форма по своему значению более всего соответствует инфинитиву в обычном понимании данного термина.

Различия в формах причастия и в их употреблении, различия в построении форм будущего времени, отсутствие инфинитива в тоскском при наличии специального аналитического выражения его значения в гегском — все это вместе составляет круг наиболее значительных расхождений, существующих в грамматической системе двух основных албанских диалектов.

*

Имени существительному в албанском языке присущи категории рода, числа, падежа, а также определенности и неопределенности. Категория определенности свойственна многим индоевропейским языкам (например, современным романским и германским, из славянских — болгарскому и македонскому). Формальным ее выражением является система артиклей, из которых определенные всегда восходят к указательным местоимениям. Специфической особенностью албанского языка является выражение определенности существительного при помощи постпозитивных артиклей, слившихся с основой слова в единое целое и превратившихся таким образом из некогда самостоятельного служебного слова в формальный аффикс (ср. аналогичный способ выражения определенности в румынском, болгарском, македонском и скандинавских языках). Артикли эти различаются в зависимости от грамматического рода соответствующего имени существительного. Неопределенная, или общая, форма характеризуется отсутствием артикля. Значение неопределенной единичности передается при помощи так называемого неопределенного артикля, собственно числительного *një* «один». Ср. в женском роде: *va jzë* «девушка вообще», *një vajzë* «одна (какая-либо) девушка» и определенная форма — *va jza* «данная конкретная девушка». Или в мужском роде: *fshatar* «крестьянин вообще», *një fshatar* «один некий крестьянин» и *fshatari* «данный определенный крестьянин».

Помимо суффиксированного артикля, служащего для выражения грамматической категории определенности, в албанском языке имеется второй тип артикля также местоименного происхождения, но употребляющийся отдельно как служебное слово. Основная функция этого артикля — связывать определение с определяемым, например *djali i urtë* «умный мальчик», *biri i partizanit* «сын партизана», *vajza e urtë* «умная девочка», *bija e partizanit* «дочь партизана».

Кроме того, так называемый изолированный артикль обычно ставится перед субстантивированными прилагательными, а также перед терминами родства, если они не имеют при себе притяжательного местоимения или другого определения, например: *i ati* «отец», *e motra* «сестра» (но *im ati* «мой отец», *ime motra* «моя сестра»). Изолированный

артиклъ не служит для выражения категории определенности и поэтому не может заменять собой суффиксированного артикла.

В албанском языке существует категория грамматического рода. Преобладающая часть словарного состава распределяется по двум родам — мужскому и женскому. Слов среднего рода очень мало. В первую очередь это названия некоторых веществ, применяемых в питании, например (в определенной форме): *mjaltët* «мед», *gjalpët* «сливочное масло», *vaji* «растительное масло», *misht* «мясо», *djathët* «сыр», *ujët* «вода» и т. д. Употребление их в среднем роде очень неустойчиво. Наблюдается сильная тенденция к переводу этих существительных в категорию мужского рода: (опред.) *mjalti*, *gjalpi*, *vaji*, *mishi*, *djathi*, *uji*. Так же неустойчиво употребление в среднем роде абстрактных существительных, образуемых путем субстантивации прилагательных и причастий, например: *të mirët* «добро», *të thënët* «судьба» (буквально «сказанное»). Существительные этого типа в настоящее время чаще употребляются в женском роде: *e mira*, *e thëna*. Местоимения совсем не имеют форм среднего рода.

В общем можно сказать, что средний род в албанском языке — это категория, находящаяся на пути к исчезновению¹. В албанском, как и в других индоевропейских языках, дифференциация имен существительных по родам используется при согласовании определения с определяемым. Определение обычно согласуется со своим определяемым в роде — при помощи стоящего перед определением связующего артикла, например: *ixhënës* (неопред.) *i zgjuar* «развитой ученик».

В построении аналитических глагольных форм категория рода не участвует. Причастия спрягаемого глагола, входящие в состав этих форм, не изменяются ни по родам, ни по числам; ср., например, формы перфекта страдательного залога *jam lidhur*, «я связан, -а, меня связали», *jemi lidhur* «мы связаны, нас связали». Те же причастия, попадая в определительное словосочетание или будучи субстантивированы, получают вместе с изолированным артиклем категорию рода, например *armiku i lidhur* «связанный враг», в субстантивированном виде: *i lidhuri* «связанный», *e lidhura* «связанная».

Одной из наиболее характерных черт именного словоизменения в албанском языке является подчеркнутое противопоставление основ единственного и множественного числа у преобладающего большинства (хотя и не у всех) имен существительных. В неопределенных формах им. и вин. падежей обоих чисел эти основы выступают, лишенные каких-либо добавочных показателей. В остальных падежах неопределенного склонения и соответствующим основам присоединяются падежные окончания.

Типы образования основы множественного числа, особенно у существительных мужского рода, очень разнообразны, что находит свое объяснение в истории. Прослеживая сохранение в качестве аффиксов множественного числа старых окончаний именительного и винительного падежей, выделение в качестве специальных показателей множественности конечных звуков основы и создание флексии основы путем использования фонетических чередований, надо иметь также в виду процессы взаимодействия отдельных типов, распространение более продуктивных типов за счет менее продуктивных, что способствовало затемнению картины непосредственной преемственности между древним и новым состоянием языка в отношении не только отдельных форм, но и отдельных морфологических рядов.

¹ См. об этом Н. Pedersen, Das albanesische Neutrum, «Zeitschr. für vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen», Bd. XXXVI (Neue Folge, Bd. XVI), 1900.

В албанском языке существуют два типа склонения — неопределенное и определенное. Последнее образовано путем суффиксации падежных форм постпозитивного артикля. В современном литературном албанском языке имеются следующие падежи: именительный, родительный, дательный, винительный и отложительный.

Склонение существительных мужского рода

	Неопред.	Опред.	Неопред.	Опред.
	Единственное число			
Им. п.	<i>mal</i>	«гора» <i>mali</i>	<i>plak</i>	«старик» <i>plaku</i>
Род. п.	<i>mali</i>	<i>malit</i>	<i>plaku</i>	<i>plakut</i>
Дат. п.	<i>mali</i>	<i>malit</i>	<i>plaku</i>	<i>plakut</i>
Вин. п.	<i>mal</i>	<i>malin</i>	<i>plak</i>	<i>plakun</i>
Отлож. п.	<i>mali</i>	<i>malit</i>	<i>plaku</i>	<i>plakut</i>
	Множественное число			
Им. п.	<i>male</i>	<i>malet</i>	<i>pleq</i>	<i>pleqtë</i>
Род. п.	<i>maleve</i>	<i>malevet</i>	<i>pleqve</i>	<i>pleqvet</i>
Дат. п.	<i>maleve</i>	<i>malevet</i>	<i>pleqve</i>	<i>pleqvet</i>
Вин. п.	<i>male</i>	<i>malet</i>	<i>pleq</i>	<i>pleqtë</i>
Отлож. п.	<i>malesh</i>	<i>malevet</i>	<i>pleqsh</i>	<i>pleqvet</i>

Склонение существительных женского рода

	Неопред.	Опред.	Неопред.	Опред.
	Единственное число			
Им. п.	<i>vajzë</i>	«девушка» <i>vajza</i>	<i>grua</i> ¹	«женщина» <i>gruaja</i>
Род. п.	<i>vajze</i>	<i>vajzës</i>	<i>gruaje</i>	<i>gruas</i>
Дат. п.	<i>vajze</i>	<i>vajzës</i>	<i>gruaje</i>	<i>gruas</i>
Вин. п.	<i>vajzë</i>	<i>vajzën</i>	<i>grua</i>	<i>gruan</i>
Отлож. п.	<i>vajze</i>	<i>vajzës</i>	<i>gruaje</i>	<i>gruas</i>
	Множественное число			
Им. п.	<i>vajza</i>	<i>vajzat</i>	<i>gra</i>	<i>gratë</i>
Род. п.	<i>vajzave</i>	<i>vajzavet</i>	<i>grave</i>	<i>gravet</i>
Дат. п.	<i>vajzave</i>	<i>vajzavet</i>	<i>grave</i>	<i>gravet</i>
Вин. п.	<i>vajza</i>	<i>vajzat</i>	<i>gra</i>	<i>gratë</i>
Отлож. п.	<i>vajzash</i>	<i>vajzavet</i>	<i>grash</i>	<i>gravet</i>

Формы род. и дат. падежей совпадают во всех случаях, что как будто дает основание говорить о единой форме род.-дат. падежа. Однако значения этих форм вполне дифференцированы. Род. падеж выступает только в определительных сочетаниях (обязательно с препозитивным артиклем), дат. падеж — только как падеж косвенного объекта. Отложит. падеж по своему оформлению также совпадает с род. и дат. падежами; исключение составляет неопределенная форма множественного числа этого падежа, которая имеет свой особый показатель *-sh*. Отложит. падеж отличается значительной широтой функций и может употребляться как самостоятельно, так и в сочетаниях с предлогами.

Им. и вин. падежи, по форме совпадающие в неопределенном склонении и во множественном числе определенного склонения, четко дифференцируются в единственном числе определенного склонения. В целом формы определенного склонения более четко, чем формы склонения неопределенного, охарактеризованы при помощи специальных флективных показателей. Несмотря на частичную омонимию форм, албанские падежи сохраняют свою грамматическую значимость, и употребление предлогов лишь дополняет и лексически разнообразит систему значений, выражаемую при помощи падежных форм.

Своеобразные черты имеет оформление и употребление прилагательных в современном албанском языке. Так как этот вопрос нуждается в более

подробном освещении в связи с общим вопросом о всей системе выражения определительных отношений, отметим кратко лишь несколько характерных моментов.

Прилагательные подразделяются на две категории: 1) употребляемые с артиклем, например *pusi i thellë* «глубокий колодезь», *puna e madhe* «большой труд», и 2) употребляемые без артикля, например *pusi vajguror* «нефтяная скважина (колодезь)», *puna paqësore* «мирный труд».

Основной для языка категорией являются прилагательные, употребляемые с артиклем. Структура определительного сочетания, включающего такое прилагательное, совпадает со структурой сочетания, в котором в качестве определения выступает форма род. падежа имени; ср. *zoti i urtë* «умный хозяин» и *zoti i shiëpisë* «хозяин дома», *maja e lartë* «высокая вершина» и *maja e malit* «вершина горы».

Когда определение находится в своей нормальной позиции, т. е. после определяемого, прилагательное по падежам не изменяется и сохраняет свою неопределенную форму. Согласоваться с определяемым именем оно может лишь в роде и числе, что, однако, происходит не во всех случаях. В основном функция согласования в роде, числе и падеже выполняется артиклем.

Если, в порядке инверсии, прилагательное в определительном сочетании попадает на первое место, тогда определяемое существительное оказывается в неопределенной форме и не склоняется, прилагательное же получает падежные окончания, например им. падеж ед. числа *i dashuri mik* «милый друг», вин. падеж ед. числа *e dashurin mik* «милого друга» и т. д.; ср. при нормальном, неинверсированном порядке слов: *miku i dashur, mikun e dashur*.

Предложенный нами обзор ряда особенностей морфологической структуры албанского языка не может, конечно, дать полного представления об этой структуре. Перед автором стояла цель — сделать лишь первый шаг по пути включения албанского материала в круг типологических сравнений языков индоевропейской семьи, осуществление чего является, как нам кажется, неотъемлемым моментом изучения истории этих языков.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ

К КРИТИКЕ НЕКОТОРЫХ МЕТОДОВ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

1

Развитие современного языкознания характеризуется значительным оживлением интереса к типологическим исследованиям. Как известно, на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло, состоявшемся в августе прошлого года, был прочитан специальный доклад Р. Якобсона «Типологические исследования и их значение для сравнительно-исторического языкознания». Основные положения этого доклада сводятся к следующему:

1. Современное языкознание не может не учитывать значения типологических исследований, поскольку в самых различных языках наблюдаются явления изоморфизма.

2. Генетический метод имеет дело с родством языков, ареальный — с их сходством, а типологический — с изоморфизмом. «В отличие от родства и сходства, — говорит Р. Якобсон, — изоморфизм не включает в себя ни фактора времени, ни фактора пространства. Изоморфизм может объединять различные состояния языка или две фазы двух различных языков, независимо от того, существуют ли они одновременно или разделены временем, являются ли сравниваемые языки смежными по территории, родственными или не родственными»¹.

3. Основой типологического исследования является не инвентаризация элементов языка, а анализ его системы. Для того чтобы понять систему, недостаточно простого перечисления ее компонентов. Типологическое сравнение различных систем должно учитывать сложную иерархию элементов, образующих систему. Лингвистическая типология, базирующаяся на произвольно выбранных особенностях, не может дать положительных результатов (стр. 5).

4. Типология вскрывает законы импликации, лежащие в основе фонологической и, по-видимому, морфологической структуры языков: присутствие элемента А предполагает присутствие (или, наоборот, отсутствие) элемента В. Таким путем в языках мира выявляются однородности (uniformities) или, как говорят антропологи, близкие однородности (near uniformities).

¹ R. J a k o b s o n, *Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics*, «Reports for the Eight International congress of linguists», Suppl., Oslo, 1957, стр. 5 (указания на страницы доклада Р. Якобсона даем дальше в тексте в скобках).

Необходимо поставить вопрос о лингвистических, особенно фонемных, универсалиях. Даже если в каком-нибудь одном языке обнаруживается особенность, ставящая под сомнение существование какого-либо типологического закона, — это не обесценивает общего вывода, сделанного на материале значительного количества языков, изученных ранее (стр. 6). Р. Якобсон приводит далее некоторые примеры константных явлений. Есть языки, в которых отсутствуют слоги с начальными гласными или слоги с конечными согласными, но нет языков, лишенных слогов с начальными согласными или слогов с конечными гласными. Есть языки, в которых нет фрикативных согласных, но нет языков, лишенных смычных согласных. Нет языков, имеющих противопоставление смычных и аффрикат (например, [t]—[c]), но не имеющих фрикативных (например, [s]). Нет языков с округленными гласными переднего ряда, но лишенных округленных гласных заднего ряда (стр. 7).

5. Типологические исследования дают возможность установить, какие пути развития языка (если исходить из данной синхронной системы) могут быть весьма вероятными, какие являются менее вероятными, а какие вообще невозможными. Противоречие между реконструированным состоянием языка и общими законами, вскрываемыми при помощи типологических исследований, ставит под сомнение правильность реконструкций.

Следует отметить, что доклад Р. Якобсона, к сожалению, не дает читателю представления о том, каким путем устанавливаются в языках общие закономерности, как осуществляется этот строжайший учет иерархического подчинения одних компонентов системы языка другим компонентам и т. п. Конкретный метод исследования и система доказательств выдвигаемых положений остаются без объяснения.

Очевидно, для получения ответа на данный вопрос нужно обратиться к другим работам этого ученого. Метод исследования и система доказательств могут быть легко установлены, если учесть, что содержание доклада Р. Якобсона на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло является непосредственным продолжением содержания его статьи «Язык детей, афазия и общие звуковые законы»¹. Р. Якобсон в указанной статье пытается доказать, что в развитии звуков различных языков есть определенная последовательность. Эта последовательность совпадает с последовательностью усвоения ребенком звуков речи.

Попытаемся ознакомиться с аргументацией Р. Якобсона, применяемой им для подтверждения этого основного тезиса. «В качестве первой гласной в речи ребенка, — пишет он, — обычно выступает гласный *a*, тогда как губной смычный *p*, ртовый или носовой звук выступают в роли первого противопоставления этого гласного (примерно *papa* — *tata*). Затем следует противопоставление губных или зубных (примерно *papa* — *tata* — *nana*). «Если мы обратимся теперь к живым языкам земного шара, то заметим, что эти два противопоставления образуют так называемый минимальный консонантизм. Это единственные звуки, которые не могут отсутствовать в языках мира» (стр. 34).

Далее в речи ребенка, говорит Р. Якобсон, появляется первое вокалическое противопоставление. Широкий гласный противопоставляется узкому, например *papa* — *pipi*; на следующем этапе происходит расщепление узкого гласного на палатальный и велярный: *papa* — *pipi*, *puu*, или по-иному третья, средняя степень раскрытия рта, например *papa*, *pipi*,

¹ См. R. Jakobson, *Kindersprache, Aphasie und allgemeine Lautgesetze*, «Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar», Uppsala — Leipzig, 1942 («Uppsala universitets årsskrift», 1942, 9). Указания на страницы этой статьи даем дальше в тексте в скобках.

пере. Каждый из этих двух процессов ведет к созданию системы трех гласных, составляющих минимальный вокализм. Первая разновидность этого минимального вокализма, так называемый «основной треугольник», встречается в детском языке, а часто также и в народных языках (Völkersprachen). В качестве примера Р. Якобсон приводит персидский и арабский языки. Другой разновидностью этого вокализма является так называемый линейный вокализм. Степень раскрытия рта в таких случаях является обусловленной (*relevant*). Гласные, произносимые с одинаковым раскрытием рта, или представляют чисто факультативные, лишённые значения варианты, или определяются качеством соседних звуков. Так, например, Р. Якобсон сообщает, что одна чешская девочка в возрасте года последовательно произносила звуки *o* и *u* после губных и соответственно звуки *e*, *i* после зубных согласных (стр. 35 и 36). Ссылаясь на Трубецкого, Якобсон находит параллель этого явления в языках Западного Кавказа, где выбор между гласными одинакового раскрытия всецело зависит от качества соседнего согласного.

После того как дети усваивают этот минимальный вокализм и консонантизм, они начинают усваивать другие звуки. По утверждению Р. Якобсона, обнаруживается удивительно точное соответствие между временной последовательностью этих приобретений звуков и всеобщими законами одностороннего фундирования (т. е. необходимого связывания двух элементов), характерными для синхронного состояния всех языков. Так, например, усвоение щелевых звуков предполагает в языке детей усвоение смычных. Первые, т. е. щелевые, в языках мира могут отсутствовать, но нет языка, в котором отсутствовали бы смычные (стр. 37).

Усвоение согласных заднего ряда предполагает усвоение детьми согласных переднего ряда. Существование согласных заднего ряда в языках мира сопровождается наличием согласных переднего ряда (стр. 39). Географическое распространение носовых гласных относительно ограничено, и эти фонемы соответственно появляются у французских и польских детей только после усвоения других гласных, большей частью на третьем году жизни, тогда как носовые согласные существуют во всех языках мира и раньше всего усваиваются детьми (стр. 43—44).

Число языков, в которых наличествует только один плавный (*l* или *r*), необычайно велико. По мнению Якобсона, Бенвенист справедливо указывает в этой связи на тот факт, что ребенок долгое время довольствуется одним плавным и приобретает другой плавный в числе самых последних звуков (стр. 44). Наиболее устойчивыми в языках мира оказываются те звуки, которые раньше всего усваиваются детьми в процессе обучения речи, и, наоборот, более редкими и менее устойчивыми являются звуки, труднее усваиваемые детьми. Звуки, усваиваемые в последнюю очередь, оказываются наименее распространенными в языках мира. В случае патологических нарушений речи исчезновение звуков происходит в обратной последовательности. Исчезает раньше всего то, что позже приобретается.

Вторичная ценность (*ein sekundärer Wert*) в языке не может существовать без ценности первичной (*ein primärer Wert*). Первичная ценность не может исчезнуть из системы языка без утраты вторичной ценности (стр. 45). В явлениях прироста и утраты элементов любого языка прослеживается одинаковая иерархия ценностей. Законы так называемого одностороннего фундирования определяют состав фонем вообще, а также относительную интенсивность их употребления (стр. 44). Они являются панхроническими и сохраняют свое значение для каждого состояния языка (стр. 45). Эти законы свидетельствуют о ступенчатом строении системы языка (в особенности системы фонем), доказывают их всеобщность и постоянство иерархического распределения (*Konstanz der Rangordnung*) (стр. 50 и 51).

После изложения этой системы доказательств становится совершенно ясным, каким путем выведены общие типологические закономерности, приводимые Р. Якобсоном в качестве примеров в его докладе на VIII лингвистическом конгрессе. Р. Якобсон по существу привел в докладе те же примеры, какие он приводил в указанной статье «Детский язык, афазия и общие звуковые законы», что может быть легко доказано простым сопоставлением соответствующих мест. В докладе говорится: «Есть языки, лишённые фрикативных, но нет языков, где бы отсутствовали смычные» (стр. 7). В статье об этом же сказано на стр. 37, 38. В докладе говорится: «Нет языков, где бы существовало противопоставление смычных и аффрикат, например [t] и [c], но отсутствовали бы при этом фрикативные» (стр. 7). О том же самом сказано в его статье на стр. 42. В этой статье Р. Якобсон говорит о том, что дети не различают округленных гласных по степени открытости, пока это противопоставление отсутствует у неокругленных гласных, т. е. пара *u* — *o* не может предшествовать паре *i* — *e* (стр. 43). В докладе это же явление уже формулируется как типологическая константа: «Нет языков, в которых существовали бы округленные гласные переднего ряда, но отсутствовали бы округленные гласные заднего ряда» (стр. 7).

Используя некоторые закономерности, наблюдаемые в процессе усвоения звуков речи детьми, Р. Якобсон строит общую схему последовательного усвоения звуков речи детьми всех народов. Различные категории звуков в звуковой системе каждого языка накладываются последовательно друг на друга, составляя компоненты звуковой системы, находящиеся в строгом иерархическом подчинении. Эта система, по утверждению Якобсона, и определяет все изменения звуков. Ничто в языке не может возникнуть раньше, чем возникает что-либо другое, исторически ему предшествующее. Точно так же ничто в языке не исчезает, прежде чем исчезнет что-то другое, поскольку, как уже говорилось, люди, страдающие различными расстройствами речи, раньше начинают утрачивать те звуки, которые детьми усваиваются позднее.

Всякая панхроническая закономерность, естественно, должна быть доказана. Она должна быть доказана на материалах огромного количества различных языков. Необходимо тщательно проверить, действительно ли в процессах изменения звуков, происходивших в истории различных языков, наблюдается такого рода ступенчатость. У Якобсона фактически такой проверки нет. Все доказательства строятся на сведениях, полученных из вторых рук (показания врачей, психологов), или на разрозненных примерах, характеризующих синхронное состояние некоторых современных языков, т. е. на данных, не имеющих к истории конкретных языков никакого отношения. Здесь попросту самим Р. Якобсоном создана определенная схема и механически пересажена на все языки мира. Строжайший учет иерархического подчинения элементов системы конкретного языка фактически подменен учетом иерархии компонентов им самим сконструированной системы. Отсюда становится совершенно понятным положение Р. Якобсона о том, что изоморфизм не включает в себя понятия пространства и времени, что он может объединять состояния одного языка или два периода двух разных языков, независимо от того, родственны они или не родственны, разобщены временем или существуют одновременно. Все это объясняется тем, что метод доказательства у Р. Якобсона антиисторичен по своей сущности.

Р. Якобсон пытается сопоставить совершенно несопоставимые явления. Почему постепенно совершенствующиеся органы речи ребенка и развитые органы речи взрослого человека должны быть причиной каких-то совершенно одинаковых закономерностей в процессе усвоения или со-

здания звуков речи, или почему человек, обладающий нормальным развитием органов речи, с течением времени должен утрачивать некоторые звуки своего языка в такой же последовательности, как это делает человек, у которого нарушены какие-то речевые центры?

7. Отметим, что в докладе Р. Якобсона есть некоторые примеры, не связанные с его статьей «Язык детей, афазия и общие звуковые законы», но эти примеры лишь свидетельствуют об отсутствии стройности его концепции и находятся в противоречии с его методологическими установками, целиком вытекающими из основного содержания упомянутой статьи. Все эти соображения заставляют нас сомневаться в правильности выводов, сделанных Р. Якобсоном в рассматриваемой статье, а также в его докладе на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло.

2

1. Результаты наблюдений над общими явлениями развития звуков и грамматических форм в различных языках мира, полученные учеными на основе применения сравнительно-исторического метода, неизбежно заставляют прийти только к одному выводу: типологические исследования должны быть необходимым продолжением сравнительно-исторических исследований, их естественным синтезом.

Нельзя сказать, что этот тезис является каким-то откровением в лингвистической науке. Сущность его прекрасно изложил в свое время А. Мейе. «Все лингвисты, — замечает он, — которым приходилось заниматься рассмотрением фонетических изменений и устанавливать регулярные соответствия между разными языками, замечали, что изменения эти следуют каким-то общим типам. Некоторые типы изменений встречаются очень часто. Например, взрывные согласные, обычно называемые задненёбными, подвержены палатализации, когда предшествуют передненёбным звукам: полугласному \tilde{i} , гласным i , e и даже передвинутому в передний ряд a . Мы отмечаем это явление (т. е. переход $k, g > k', g'$) в таком, например, французском слове, как *qui* „который“, где первый согласный звучит иначе, чем в *soi* „себя“. Палатализованные k' и g' в дальнейшем могут перейти в аффрикаты $tʃ, dʒ$ (\tilde{c}, j) или ts (c), dz , а аффрикаты могут упроститься в спиранты \tilde{s}, \tilde{z} и s, z . Так, лат. *cinere(m)* дало франц. *cendre* „зола“, а лат. *carbōne[m]* > франц. *charbon* „уголь“. Подобные изменения встречаются чуть ли не во всем мире, в языках самых различных семей”¹.

А. Мейе утверждает, таким образом, что закономерность изменений устанавливается в процессе изучения конкретных языков, что в этом смысле не существует никаких универсалий, констант и т. д. При этом А. Мейе совершенно определенно имеет в виду типы изменений, которые встречаются чуть ли не во всех языках мира. Он замечает, что в морфологии правила не так строги, как в фонетике, но морфология, как и фонетика, развивается по общим формулам². В качестве примера таких изменений А. Мейе указывает на закономерное сокращение флексии в индоевропейских языках в области имени и стремление к сохранению глагольной флексии. Те же в сущности процессы имели место в семитских языках. И в данном случае Мейе имеет в виду типы изменений, общие формулы развития, устанавливаемые в процессе изучения истории конкретных языков.

Перефразируя А. Мейе, мы могли бы основную задачу типологических исследований сформулировать следующим образом: типологические исследования имеют своей основной целью выявление в различных язы-

¹ А. Мейе, Сравнительный метод в историческом языкознании, М., 1954, стр. 74, 75.

² См. там же, стр. 79.

ках общих типов изменений в области фонетики и морфологии, синтаксиса и развития значений.

Приведем несколько наиболее наглядных примеров, иллюстрирующих типы изменений звуков.

Начальное *j* во многих языках мира превращалось с течением времени в *dž* или *ž*. Ср. лат. *jugum* «ярмо», но итал. *giogo* [džioɔgɔ]; др.-индийск. *javan* «молодой», но тадж. *džuvon*; турецк. *jol* «путь», но кирг. *džol* и т. д.

Звук *z* в интервокальном положении и как согласный, замыкающий слог, во многих языках превращался в *r*. Ср.: татар. *qazan* «котел», но чуваш. *xıran*; лат. *genus* «род», но род. падеж ед. числа *generis* (из *genesis*); гот. *maiza* «больше», но др.-сканд. *meire*, др.-англ. *māra*, др.-сакс., др.-в.-нем. *mēro*; гот. *dags* «день», но др.-сканд. *dagr* (из *dagaz*).

Звук *l* в истории различных языков нередко превращался в *r*. Ср.: др.-инд. *rōate* «светит», авест. *raoah* «свет», но др.-арм. *lois*, лат. *lux*; лат. *filum* «нить», но рум. *fir*; груз. *dzaḷi* «собака», но мшигр. *džogori*.

В истории ряда языков начальное древнее *s* превращалось в *h*. Ср.: татар. *sat* «продай», но башк. *hat*; лат. *serpo* «ползу», но др.-греч. *herpo*; литов. *senas* «старый», лат. *senex* «старик», но авест. *hano* «старый», арм. *hin*; халха-монг. *sar* «луна», но бурят. *hara* и т. д.

Безлрное *l* в конце закрытого слога в истории многих языков превращалось в *ç* (в ряде случаев в *v*). Ср.: коми-зырян. *kiv* «язык» из *kil*, ср. также удм. *kil*; в некоторых севернорусских говорах *воцк* вместо литературного *волк*; укр. *дав* «дал», *бие* «бил», *добати* «долбить». Аналогичный процесс имел место в истории сербского языка. Ср. серб. *вук* «волк», *пук* «полк»; голл. *koud* «холодный» (произн. [kout]), *oud* «старый» (произн. [out]); ср. нем. *kalt*, *alt*; эрзя-морд. *с'оков* «соловей», но в некоторых диалектах *с'окol*¹. Аналогичное явление засвидетельствовано в некоторых диалектах древнегреческого и чувашского языков, например: в греческих диалектах *ausos* «роща», но литерат. греч. *alsos*; чуваш. *ылтан* «золото», но в говоре дер. Багуйлово Козловского р-на Чуваш. АССР *автан* и т. д.²

Безлрное *q* с течением времени может превратиться в *x*. Ср., например, в некоторых монгольских языках и диалектах: могор. *qola* «далеко», но дагур. *xola*, монг. *xulo*, калм. *xol*³; тув. *xar* «снег», но татар. *qar*; чуваш. *xıra* «черный», но татар. *qara*; селькуп. *qalı* «рыба», ненец. *xal'a*; селькуп. *qā* «береза», но ненец. *ho* и т. д. Известны также многочисленные случаи превращения первоначального *ç* в *s*, конечного *m* в *n*, сочетаний «гласный + *n*» или «гласный + *m*» в носовые гласные, сочетаний *k'i* в *çi*, *k'e* в *çe* и т. д. В связи с этим возникает вполне законный вопрос, в какой мере эти общие типы изменений могут быть использованы при изучении конкретных языков.

Наблюдения показывают, что эти общие типы изменений звуков, или типовые линии развития (как мы их будем называть в дальнейшем), обладают разными свойствами. Для историка, по нашему мнению, наибольший интерес представляют однонаправленные типовые линии, т. е. когда изменение звука идет только в одном направлении. Особенно показательными примерами однонаправленных изменений являются такие случаи, как превращение групп «гласный + *n*» или «гласный + *m*» в носовой гласный или изменение групп *k'i*, *k'e* в *çi*, *çe*. История языков не знает

¹ См. Н. Раасонен, *Mordvinische Lautlehre*, Helsingfors, 1903, стр. 47.

² См. Т. Бардасова, Особенности говора чуваш д. Багуйлово Козловского района (на чувашском языке), «Труды научн. студ. об-ва [Чувашск. гос. пед. ин-та]», вып. 1, Чебоксары, 1957, стр. 57.

³ См. N. Ропре, *Introduction to mongolian comparative studies*, Helsinki, 1955, стр. 131.

таких случаев, как обратное превращение носового гласного в сочетание «гласный + *n*» или «гласный + *m*». Она не знает также случаев обратного превращения групп *ei*, *ēe* в *k'i*, *k'e*; *f* в *bh* и т. д. Точно так же не наблюдается случаев обратного превращения в таких звукопереходах, как *z* ~ *r*; *q* ~ *x*; *j* ~ *dž*, *ž*; *s* ~ *h*; *al*, *ol* ~ *au*, *ou* и т. д.

Относительная хронология изменений звуков в подобных случаях устанавливается без особого труда. Даже не имея ни малейшего представления о предшествующем состоянии языка, историк языка может утверждать, что гот. *dags* древнее, чем др.-норв. *dagr*, турецк. *jol* древнее, чем казах. *žol*, лат. *serpo* лучше сохраняет древнее состояние по сравнению с греч. *herpo* и т. д. Наличие известной последовательности в подобного рода звуковых переходах объясняется не особенностями панхронической стратиграфии звуков в системе языка, а отсутствием точек опоры для обратного перехода; например, в соответствии *bh* > *ph* > *f* спирант *f* не может перейти обратно в *bh*, так как в нем отсутствуют элементы смычности.

Иначе приходится рассуждать, когда мы имеем дело с разнонаправленными типовыми линиями, т. е. когда развитие звука в одном направлении допускает потенциальную возможность развития этого же звука в обратном направлении. Так, например, *s* в некоторых языках может превращаться в *š* или иногда в переходную ступень между *š* и *s* — шепелявое *s*. Ср. превращение древнего *s* в *š* в марийском языке и карельских диалектах, возникновение шепелявого *s* из *s* в испанском, североосетинском, финском и т. д. Вместе с тем наблюдаются случаи возникновения *s* из более древнего *š*. Ср. в казахском языке такие слова, как *bas* «голова», татар. *baš*. Превращение древнего *š* в *s* имело место также в истории арабского языка. Разнонаправленным может быть изменение *b* в *p*; ср. чуваш. *puš* «голова» из *baš* (татар. *baš*), но коми-зырян. *bur* «хороший» (где *b* возникло из более древнего *p*), мордов. *paro* «хороший», марийск. *porə* «добрый».

Разнонаправленность звуковых изменений особенно часто проявляется в области исторических изменений гласных. Так, например, одинаково возможными являются изменения как *o* в *a*, так и *a* в *o*. Ср. изменение индоевропейского *o* в *a* в индо-иранских языках и, наоборот, изменение более древнего *a* в *o* в истории бенгальского языка. Гласный *o* может измениться в *u*; например, турецк. *jol* «путь», но татар. *jul*; турецк. *o* [l] «он», но татар. *ul*; коми-зырян. *dor* «край», но удм. *dur*; коми-зырян. *ozir* «богатый», но удм. *uzir*; однако исторически может быть и *u* > *o*. Ср. вульгарн. лат. *lupi* «волк», но исп. *lobo*; лат. *culmen* «вершина», но итал. *colmo* «высшая ступень»; венг. *domb* «холм» из более древнего *dumb*; венг. *oros* «русский», турецк. *urus*¹ и т. д.

Возможен переход древнего *i* краткого в *e*. Ср. лат. *minus* «меньше», но итал. *meno*; ср. также изменение первоначального *i* в *e* в туркменском языке; но *e* может также переходить в *i*. Ср. фин. *käsi* «рука» из более древнего *käte*; лат. *edo* «есть», но гот. *itan* и т. д.

Гласный *a* переднего ряда [ä] может превращаться в *e*; например: мокша-мордов. *k'äd* «рука», но эрзя-мордов. *k'ed*; мокша-мордов. *läm* «мя», но эрзя-мордов. *l'em*. Однако есть случаи, когда *e* превращается в *ä*; например: эрзя-мордов. *k'äd* «кожа», но мокша-мордов. *k'ed*; эрзя-мордов. *s'elme* «глаз», но в некоторых диалектах *s'älmä*².

Относительную хронологию развития звуков в перечисленных выше случаях без знания предшествующего состояния языка или каких-либо косвенных доказательств установить довольно трудно. Но все же эти факты можно рассматривать как потенциальные возможности развития

¹ См. V á r g s z i Géza, Magyar hangtörténet, Budapest, 1954, стр. 30, 31.

² См. H. P a a s o n e n, указ. соч., стр. 72, 73.

звук. Основная причина возникновения одинаковых или сходных типов звуковых изменений заключается в сближении артикуляционных установок. Эти произносительные конвергенции в благоприятствующих условиях могут дать одинаковые результаты в самых различных языках земного шара. Они могут возникнуть в разные исторические эпохи. Здесь абсолютно нет никакой стадильной последовательности.

А. Мейе совершенно справедливо замечает, что формулы общей эволюционной фонетики означают возможность, но не необходимость. Можно определить, каким образом должен измениться согласный, оказавшись между гласными, но из этого не следует, что он изменится¹. Материалы конкретных языков полностью подтверждают это верное наблюдение. Когда мы утверждаем, что задненёбное *q* способно превращаться в *x*, это вовсе не значит, что оно не может вообще сохраняться или способно превратиться только в *x*. В литературном турецком языке и в западном диалекте татарского языка оно превратилось в простое *k*, а в касимовском диалекте татарского языка — в гортанный смычный.

Если мы утверждаем, что сочетание, состоящее из гласного + *n* или *m*, может дать носовой гласный, — это опять-таки не означает, что данное изменение имеет абсолютный характер. В венгерском и пермских языках носовые согласные выпадали, не вызывая назализации предшествующего гласного, например: венг. *lud* «гусь», хант. *loud*, кольско-саам. *lout* «птица»; коми-зырян. *pad* «дорога»², хант. *pant* «путь», осет. *fändäg*, русск. *путь* из *pot'*. В латышском языке из древних сочетаний «гласный + *n*» или «гласный + *m*» также не развивались носовые согласные; ср. литов. *ranka* «рука», но латыш. *roka* (произн. [rūka]). Поэтому все типы изменений звуков, происходившие в языках мира, представляют известную сумму потенциально возможных изменений звуков разной степени частотности и узуальности. Они не имеют характера обязательных законов, определяющих развитие фонетической системы языков мира.

Конечно, нельзя отрицать той большой пользы для сравнительно-исторического изучения языков, которую приносят типологические исследования, производимые в этом плане. Четкое представление о возможных путях развития звуков в разных позициях, об их однонаправленности дает возможность с большей уверенностью производить реконструкцию, но этим, собственно, и исчерпывается все их значение. Типы и формулы общих звуковых изменений, установленные лингвистами-компаративистами, отражают реальную историю конкретных языков. Универсалии и константы, установленные Р. Якобсоном, не отражают никакой конкретной истории. Они призваны иллюстрировать панхроническую схему развития звуков, созданную антинаучными методами.

Поиски типовых линий развития можно производить также в области морфологии. Так, например, давно подмечена связь между родительным падежом и аблативом или аблативными конструкциями. (Ср. историю образования родительного падежа от основ на *e, o* в литовском, латышском и славянских языках или наличие аблатива в функции генетива в пермских языках, случаи замены древнего родительного падежа аналитическими конструкциями с предлогом «от» в истории некоторых германских и романских языков и т. д.). Древний латив довольно часто используется для образования инфинитивов, особенно так называемых супинов, обозначающих цель действия. В образовании так называемых континуозных форм настоящего и прошедшего времени во всех языках почти всегда присутствует вспомогательный глагол *быть* или его заменитель. Ингрессивные

¹ См. А. Мейе, указ. соч., стр. 78.

² В сложном слове *padvež* «перекресток».

глаголы очень часто используются для образования аналитических форм будущего времени. 3-е лицо единственного числа глагола часто бывает лишено личных окончаний. Причастия настоящего времени могут служить материалом для создания форм настоящего времени и т. д. Наблюдаются также сходные типовые линии в развитии синтаксических конструкций. (Ср., например, довольно широкое распространение эргативной конструкции в самых различных языках мира.)

Типовые линии в развитии морфологической структуры, так же как и типовые линии в развитии звуков, не имеют характера непреложных законов. Например, использование аблатива для выражения родительного падежа есть лишь один из возможных путей его образования. Так называемый *n*-овый генитив в финно-угорских языках, по-видимому, произошел из прилагательного. Ср. фин. *kansan* «народа», но марийск. *užan* «умный» (т. е. «имеющий ум»; *už* «ум»). В образовании будущего времени могут участвовать не только ингрессивные глаголы. Ср., например, будущее время в латинском языке типа *laudabo* «я буду хвалить», в образовании которого участвовал глагол *быть*.

При создании *present continuous* не обязательно может быть использован глагол *быть*. В казахском языке для этих целей используется глагол *žat*, буквально означающий «лежать», например *žazyр žatamyn* «я пишу в данный момент».

М. М. Гухман, ставя вопрос о применимости сопоставления сходных конструкций для реконструкции общиндоевропейского языка, выдвигает три основных положения: 1) данное явление для большинства языков должно быть узувальным, 2) типологически оно должно быть более древней моделью, 3) подобные тенденции должны быть общими закономерностями развития языковой структуры¹. Необходимо заметить, что история различных языков никогда не давала и вряд ли даст положительный ответ на эти вопросы. Данное явление может быть типичным вследствие наибольшего числа случайно сложившихся конвергенций, в то же время по своей природе оно не типично, поскольку его проявление не регулируется постоянно действующим законом. Типологически оно может быть более древним по отношению к последующему состоянию, в то же время здесь нет никакой исторической последовательности, поскольку конвергенции цикличны по своей сущности, не говоря уже о том, что они не могут иметь характера абсолютной общности.

Типовые линии могут проследиваться не только в области развития звуков, форм и синтаксических конструкций. Они существуют также в области развития значения слов. Этимологические исследования показывают, например, что слова различных языков могут иногда восходить к этимону с одинаковым значением. Так, глаголы со значением «жениться» (*casarse* в испанском языке и *evlenmek* в турецком) связаны со словом «дом» (*casa* в испанском и *ev* в турецком); глагол со значением «охотиться» в финском и коми-зырянском языках связан со словом *лес*; ср. фин. *metsästää* от слова *metsä* «лес», коми-зырян. *vzavni* от *ver* «лес». Глагол «посылать» в турецком *yollamak* и в сербскохорватском *упутити* связан со словом *путь*; ср. турецк. *yol* «путь» и сербскохорв. *пѹт*. Глагол «понимать» в латышском и татарском языках связан со словом «ум», «разум», например латыш. *saprot*, литов. *pratas* (лат. *protis* «ум»), татар. *aqlar-ya* (*aq* «ум»). Название устья реки в казанско-татарском, болгарском и венгерском языках связано со словом «горло»; ср. татар. *tamaq*, венг. *torkolat* и болг. *гърло*.

¹ См. М. М. Г у х м а н, Индоевропейское сравнительно-историческое языковедение и типологические исследования, ВЯ, 1957, № 5, стр. 53.

Однако подобные случаи сравнительно редки. Существует такое огромное количество различных импульсов для возникновения значений и такие широкие возможности для действия всевозможных ассоциаций, что каждый язык приобретает свой путь. Типовые линии в области развития значений чрезвычайно многочисленны и, кроме того, могут устанавливаться по другим признакам. Тесные связи между современными народами нередко ведут к заимствованию различных образцов, способствуют образованию различных калек. Совершенно невозможно допустить, чтобы русск. *кран*, связанное с нем. *Kranich* «журавль», и новогреч. *γερανός* «кран», связанное со словом *γερανός* «журавль», возникли самостоятельным путем.

Гораздо большей устойчивостью отличаются типовые линии в области развития значений грамматических форм. На базе локативного значения может развиваться значение орудийного или творительного падежа; ср. наличие комитативного и орудийного значения у локатива в самодийских и обско-уйгурских языках, генетическую связь инструментального и местного падежей в финно-угорских языках и т. п.

Значение нерзальности действия может превратиться в значение действия, проецируемого в план будущего; ср., например, возникновение некоторых форм будущего времени на базе форм конъюнктива в латинском языке, связь между формами сослагательного наклонения будущего времени в диалектах армянского языка и т. д. Пересказочное наклонение в целом ряде совершенно различных языков, таких, как, например, болгарский, эстонский, финский, пермские, марийский, мордовский, персидский, грузинский, возникает на базе значения перфекта. Типологическим для многих языков является превращение первоначального значения причастия в прилагательное и т. п. Суффиксы понудительных глаголов в некоторых языках приобретают значение, аналогичное значению страдательного залога в русском языке. Сходные линии в развитии значений также не имеют характера обязательных законов. Это только потенциально возможные пути развития значений. Исследование типовых линий может производиться как на материале неродственных, так и на материале родственных языков. Нам кажется, что типологические исследования, производимые в описанном выше плане, могут принести больше пользы для сравнительно-исторического языкознания.

В публикуемой в этом номере статье «Типология и сравнительно-историческое языкознание» Вяч. В. Иванов заявляет о совершенной необоснованности нашей критики, подменяющей, по его мнению, анализ доклада Р. Якобсона на конгрессе в Осло замечаниями по поводу изданной 15 лет назад книги. Эта книга, оказывается, имеет лишь косвенное отношение к содержанию доклада¹.

Считаем своим долгом заметить, что указанная статья представляет простой пересказ содержания доклада Р. Якобсона, голый декларативный перечень отдельных «достижений» в области изучения языковой типологии. Она лишена какой-либо аргументации и доказательной силы. В задачу типологических исследований должно входить не только выявление типов изменения звуков, форм, синтаксических конструкций и значений слов. Объектом этих исследований может быть также проблема степени сохранности типов языка-основы в его потомках, проблема образования новых языковых типов в результате влияния соседних языков, субстратов и т. п.

¹ См. примечание 4 к стр. 41 статьи Вяч. В. Иванова.

ВЯЧ. В. ИВАНОВ

ТИПОЛОГИЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ
ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1. Возрастающее внимание к типологическим исследованиям и стремление использовать результаты этих исследований при сравнительно-исторических реконструкциях составляет одну из отличительных черт современной индоевропеистики¹. Эту особенность сравнительно-исторических работ последних десятилетий никак нельзя считать случайной. Она объясняется тем, что все более отчетливо осознается единство языкознания и взаимосвязь различных его разделов, исследующих разные стороны одного явления — человеческого языка. Разрозненное изучение отдельных частей уступает место исследованию целого, что находит выражение в структурном анализе языковой системы, в широких типологических сопоставлениях систем разных языков и, наконец, в понимании самой науки о языке как единого целого, как целостной структуры, связанной с рядом смежных наук². Станшее уже общепризнанным положение о том, что границы между науками превращаются в центры науки, справедливо не только применительно к связям языкознания с другими науками (математикой, психологией, поэтикой, историей), но и применительно к границам между отдельными лингвистическими дисциплинами. Учитывая место сравнительно-исторического языкознания среди дисциплин, исследующих отношения между языковыми системами³, можно понять значение этой области науки о языке не только для других традиционных разделов лингвистики, но и для новых, бурно развивающихся ее отраслей⁴. В свою очередь типоло-

¹ Ср., например: P. H a r t m a n n, Zur Typologie des Indogermanischen, Heidelberg, 1956; J. C h m i e l e w s k i, Uwagi o znaczeniu języków neindoeuropejskich dla nauki o języku, I, сб. «Rozprawy komisji językowej [Łódzk. t-wa naukowego]», t. I, Łódź, 1954; Z. R y s i e w i c z, Językoznawstwo porównawcze a badanie języków żywych, в кн.: Z. R y s i e w i c z, Studia językoznawcze, Wrocław, 1956, стр. 338—339; J. K n o b l o c h, Die historisch-komparative Methode und die allgemein vergleichende Methode, «Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 9, Hf. 4, 1956; J. E l l i s, General linguistics and comparative philology, «Lingua», vol. VII, 2, 1958, стр. 171.

² Как правильно заметил еще 11 лет назад А. А. Фрейман, «в языкознании появилась и укрепляется тенденция уйти от мелких частных вопросов к целому, или, точнее, стремление не забывать, что частные вопросы приобретают свой настоящий смысл лишь когда перед ними стоит вопросы выяснения общего движения человеческой речи. Одни стремятся к целому на путях типологических сравнений сходных категорий различных систем или в структурной лингвистике, индоевропейцы стремятся выйти за рамки недавней сравнительной грамматики индоевропейских языков» (А. А. Фрейман, Хеттский язык в его отношении к индоевропейским, ИАН ОЛЯ, 1947, вып. 3, стр. 210).

³ См. четкую постановку этого вопроса в статье: W. S. A l l e n, Relationship in comparative linguistics, «Transactions of the Philological society», Hertford, 1953.

⁴ Ср., например, необходимость установления систем соответствий между языками как при сравнительно-исторической реконструкции праязыков, так и при конструировании языка-посредника для машинного перевода.

гические исследования соотношений между разными языковыми системами оказываются очень важными для теоретического обоснования и уточнения методов сравнительно-исторического языкознания и для проверки полученных благодаря этим методам результатов.

Современная индоевропеистика стремится установить относительную хронологию развития индоевропейских диалектов и тем самым избежать смешения фактов разных эпох, часто наблюдавшегося в работах младограмматиков. При решении этой задачи особое значение приобретают типологические закономерности, касающиеся соотношения между элементами структуры языка и позволяющие проверить правильность рассмотрения совокупности определенных явлений в одной хронологической плоскости¹. Роль таких типологических законов для установления вероятности реконструкций была подвергнута анализу в докладе Р. Якобсона на VIII Международном лингвистическом конгрессе в Осло (стр. 9—10)². В этом докладе типологические и сравнительно-исторические исследования рассматриваются с точки зрения концепции языка как единого структурного целого³. Р. Якобсон, как и все лингвисты, исходящие из понимания языка как системы, видит задачу типологических исследований не в сопоставлении разрозненных фактов, а в установлении общих законов, определяющих взаимоотношения разных элементов языковой системы⁴.

В своем докладе Р. Якобсон специально останавливается на методах, посредством которых могут быть выведены подобные законы (стр. 6—7). Он высказывает мнение, что богатый опыт науки о языке позволяет уже сейчас установить такие постоянные черты всех языков, универсальность которых едва ли будет поколеблена дальнейшими исследованиями. Речь идет об установлении законов статического соотношения между элементами языковой системы; такие законы выводятся на основании существующих описаний языков мира⁵. Все примеры, приводимые Р. Якобсоном, относятся к области фонологии. Достижения этой дисциплины, в развитии которой видную роль сыграли труды представителей пражской школы, позволяют уже сейчас использовать фонологическую типологию для проверки сравнительно-исторических реконструкций. Как отмечает Р. Якобсон, исследование какого-либо еще не изученного языка, структура которого противоречит ранее установленному типологическому закону,

¹ См. В я ч. В. И в а н о в, О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов, «Тезисы докладов на открытом расширенном заседании Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], посвященном дискуссии о соотношении синхронного анализа и исторического исследования языка», М., 1957, стр. 34.

² Здесь и далее в тексте в скобках указываются страницы доклада Р. Якобсона (R. J a k o b s o n, Typological studies and their contribution to historical comparative linguistics, «Reports for the Eight International congress of linguists», Suppl., Oslo, 1957).

³ См. оценку доклада Р. Якобсона в следующих статьях: В. Г е о р г и е в, Осмият Международен конгрес на езиковедите, «Български език», год. VII, кн. 5, 1957, стр. 474; В. Н а в р а н е к, К. Н о р á л е к, Osmý Mezinárodní kongres lingvistů v Oslo, «Slovo a slovesnost», ročn. XIX, číslo 2, 1958, стр. 48. Cp. A. W. d e G r o o t, E. M. U h l e n b e c k, Some impressions of the VIII International congress of linguists..., «Lingua», vol. VII, 1, 1957, стр. 90—94; K. A m m e r, Der VIII International Linguisten-Kongreß, «Zeitschr. für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. 10, Hf. 3, 1957, стр. 285—286 и стр. 279.

⁴ Cp. M. A. K. H a l l i d a y, Some aspects of systematic description and comparison in grammatical analysis, «Studies in linguistic analysis. Special volume of the Philological society», Oxford, 1957, стр. 65.

⁵ Исследование истории языков мира (а не их современного состояния) необходимо было бы не для установления таких законов, а для динамической типологии языковых систем, созданию которой должен предшествовать структурный анализ развития разных типов языков. Традиционные перечисления однотипных изменений (например, фонетических), имеющих место в разных языках, не могут заменить структурной динамической типологии, так как при подобных перечислениях не учитывается функциональная роль рассматриваемых явлений в системе каждого из сопоставляемых языков.

не опровергает этого закона, а заставляет считать его неуниверсальным законом, имеющим высокую статистическую вероятность, так как он действует во всех языках мира, кроме одного¹ (стр. 6). В других случаях вновь открытые данные заставляют лишь дать более точную формулировку открытому прежде закону (стр. 7). В качестве примера Р. Якобсон приводит предложенную им еще в 1922 г. в работе о чешском стихе формулу, определяющую несовместимость свободного динамического ударения и противопоставления долгих и кратких гласных.

В настоящее время Р. Якобсон предлагает новую формулировку указанного закона. Согласно этой формулировке, при сосуществовании фонологического ударения и фонологического противопоставления долгих и кратких гласных либо различие долгих и кратких осуществляется только в ударном слоге, либо ударение может падать только на долгий слог (или же, соответственно, только на краткий). Анализ фактов современного латышского языка позволяет, однако, предположить, что и новая формулировка Р. Якобсона нуждается в дальнейшем уточнении, а именно — в дополнительном указании различий слогового и словесного ударений. Современный латышский язык можно определить как язык со словесным динамическим ударением (не ограниченным началом слова), которое сосуществует со слоговым музыкальным; этим объясняется сосуществование количественных противопоставлений гласных (в любом слоге — ударном и безударном) и словесного динамического ударения (на любом слоге — долгом и кратком)².

Необходимость введения в данный типологический закон дополнительных указаний, касающихся определения отрезков, в пределах которых реализуются фонологические различия, не обесценивает его, а делает лишь более достоверным. Структурное понимание типологии заставляет искать такие закономерности, которые определяют соотношение возможно большего числа элементов языковой системы. Это оказывается возможным потому, что, как заметил еще Сепир, «особенности языковой структуры, вполне мыслимые в обособлении друг от друга и, казалось бы, не находящиеся теоретически в необходимой взаимосвязанности, обнаруживают тем не менее тенденции сгруппировываться»³; ср., например, структурную связь музыкального ударения, односложности и одноморфемности слова, чисто реляционного грамматического типа и изолирующей техники в ряде языков Юго-Восточной Азии и Африки. Подобные факты позволяют думать, что в будущем окажется возможным установление таких типологических моделей языков, наложение которых на реконструируемые системы будет служить надежной гарантией достоверности реконструкции (поскольку каждая из частей системы реконструируется порознь и поэтому типологическая взаимосвязь этих частей не зависит от методов реконструкции). Но при современном состоянии разработки общей типологии языковых систем такая задача может быть осуществлена лишь по отношению к фонологическим системам (в меньшей степени применительно к грамматическим системам). Поэтому идеи своего доклада Р. Якобсон иллюстрирует типологической проверкой реконструкций индоевропейской фонологической системы (стр. 9).

¹ О необходимости четкого различения черт, присущих всем языкам мира и человеческому языку вообще, и черт, встречающихся в большинстве языков (или во всех языках), но не вытекающих из структуры человеческого языка, см.: А. W. d e G r o o t, E. M. U h l e n b e c k, указ. соч., стр. 91.

² Вяч. В. Иванов, О прерывистой интонации в латышском языке (статья печатается в сборнике в честь Я. М. Эндзелина). О фактах эстонского языка, типологически сходных с соотношениями в латышском, см.: P. A r i s t e, Fonetilisli probleemid eesti keele alalt, Tartu, 1947, стр. 9—11.

³ Э. Сепир, Язык, М., 1934, стр. 113.

2. Исходя из общезонологической закономерности, согласно которой вероятно тройственное противопоставление глухих, звонких и глухих придыхательных фонем (типа $t-d-th$), но не глухих, звонких и звонких придыхательных (типа $t-d-dh$), Якобсон указывает на необходимость пересмотра фонологической характеристики трех рядов индоевропейских согласных фонем. В индоевропейистике младограмматического периода этот вопрос не ставился, так как для индоевропейского (по образцу древнеиндийского) предполагалось наличие четвертого ряда — глухих придыхательных (th). Но принятие ларингальной теории, объясняющей глухие придыхательные как результат развития сочетаний глухих и «ларингального», привело к устранению этого четвертого ряда из реконструированной системы. Однако по-прежнему сохранялась интерпретация третьего ряда как звонких придыхательных. Такое толкование было некритически воспринято у лингвистов, реконструировавших индоевропейский праязык по образу и подобию санскрита. Гипотезы, предлагавшие (на основе данных греческого и итальянских языков) видеть в реконструируемом третьем ряду не звонкие, а глухие придыхательные (или спиранты), не встретили должного внимания. Но типологические доводы, приведенные в докладе Р. Якобсона, показывают, что и в этом пункте необходимо отойти от младограмматической концепции праязыка.

Анализируя место придыхательных фонем в индоевропейской фонологической системе, Р. Якобсон показывает, что наличие придыхательных может служить доводом в пользу наличия «ларингального» (или фонемы h). Эту точку зрения он подтверждает анализом дальнейшего развития тех диалектов, в которых исчезнувший «ларингальный» не был заменен h иного происхождения и в связи с этим осуществилось совпадение придыхательных и непрдыхательных. Если, таким образом, Р. Якобсону удается привести новый веский довод структурного характера, говорящий в пользу ларингальной теории, то вместе с тем он высказывается на основании типологических соображений против гипотезы, согласно которой в эпоху существования ларингальных в индоевропейском имелась лишь одна гласная. Для типологического обоснования гипотезы о существовании в индоевропейском одной гласной в последнее время приводятся данные абхазско-адыгских языков¹, но консонантизм этих языков на несколько десятков фонем богаче системы согласных, реконструированной для индоевропейского.

В новейших работах А. Мартине и Э. Бенвениста высказывалось предположение, что реконструированная система согласных является слишком бедной, в связи с чем предлагаются новые согласные фонемы (лабиоларингальный и другие типы ларингальных, кроме трех или четырех, предполагаемых обычно ларингальной теорией, особый ряд аффрикат, фонема, давшая хеттское z в отличие от $\zeta < *s$, и т.п.). Однако эти реконструкции еще недостаточно подкреплены самим индоевропейским материалом: число «ларингальных» может быть значительно уменьшено без усложнения теории²; принятию особого ряда аффрикат (интердентальных спирантов Бругмана) противоречат данные анатолийских и «тохарских» языков, где в соответствующих словах отражены сочетания согласных с нередуцирован-

¹ W. S. Allen, Structure and system in the Abaza verbal complex, «Transactions of the Philological society», Hertford, 1956, стр. 172; A. Martinet, Les «laryngales» indo-européennes, «Reports for the Eight International congress of linguists», vol. 1, 1957, стр. 144—145.

² Ср. В я ч. В. И в а н о в, Проблема ларингальных в свете данных древних индоевропейских языков Малой Азии, «Вестник МГУ», Ист.-филол. серия, 1957, № 2. О типологической интерпретации индоевропейской системы согласных фонем см. там же, стр. 46.

ным гласным между ними¹; наконец, хеттское *z* нельзя с достоверностью отделить от *ž* на основании графических данных (ср. смешение *z* и *ž* в ряде хеттских слов и в системах клинописи, близких к хеттской). Типологические сопоставления исключают возможность реконструкции для индоевропейского консонантизма столь бедной системы, как, например, восьмифонемная гавайская или таитянская², так как подобная система предполагала бы наличие более богатого вокализма, для реконструкции которого нет внутренних оснований. Нельзя, однако, считать обязательным увеличение числа реконструированных согласных фонем до абхазско-адыгского типа. Можно предложить другое типологическое истолкование древнейшей индоевропейской фонологической системы, исходящее из того, что в более поздний период (после фонологизации чередований гласных) индоевропейская система фонем характеризовалась тройственным делением на гласные, сонанты и согласные³. Эту тройкую систему можно возвести к более древней, характеризовавшейся только двойственным противопоставлением согласных и сонантов, которые, следовательно, играли роль гласных, тогда как гласная *e/o* (не расщепившаяся еще на две гласные) не выступала в функции особой фонемы. Если принять такое объяснение, то отпадет выдвинутое Р. Якобсоном типологическое возражение против изображения развития индоевропейских гласных, соответствующего ларингальной теории. Подвергая структурному типологическому анализу реконструированную индоевропейскую фонологическую систему, Р. Якобсон выступает против восходящего к некоторым формулировкам Ф. де Соссюра понимания индоевропейских фонем, согласно которому считается нужным указать лишь номер каждой фонемы в каталоге, не определяя ее фонетической природы. По словам Якобсона, «в настоящее время мы одинаково далеки от наивного эмпиризма, мечтавшего о фонографической записи индоевропейских звуков, и от его противоположности — агностицистского отказа от исследования структурных соотношений между индоевропейскими фонемами и робкого сведения их системы к простому перечню номеров» (стр. 10). Реалистический подход к технике реконструкции, согласно Якобсону, состоит в последовательном ретроспективном движении от позднейших состояний языка к более древним при структурном исследовании каждого из этих состояний и при учете типологических данных (стр. 10). Эти методы применимы не только при анализе системы, реконструированной на основании сравнения разных языков (например, индоевропейских), но и при внутренней реконструкции доисторического состояния одного языка. Так, сформулированное в докладе Якобсона положение о том, что не существует языков, в которых не было бы смычных, хотя имеются языки, в которых нет фрикативных⁴ (стр. 7), использовано в его последней работе о нивхском языке при реконструкции (на основе анализа морфонологических чередований) доисторической системы, не знавшей различия смычных и фрикативных в начальном положении⁵.

¹ См. Вяч. В. Иванов, Проблема ларингальных, стр. 46, примеч. 5.

² См. об этих системах А. Г. Н а u d r i c o u r t, La géographie des consonnes dans l'Océan pacifique, «Compte-rendu sommaire des séances de la Société de biogéographie», t. 23, № 202, 1946.

³ Относительно типологической параллели такому тройственному делению (отличному от более обычного двойного деления на согласные и гласные) см. Вяч. В. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, ВЯ, 1957, № 3, стр. 71, примеч. 3.

⁴ Существование языков, в которых различие смычных и спирантов не играет существенной роли, было открыто Е. Д. Поливановым (см. Вяч. В. Иванов, Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова, стр. 71).

⁵ См. R. J a k o b s o n, Notes on Gilyak, «The bull. of the Institute of history and philology of the [Academia sinica]», vol. XXIX, 1958, стр. 278—279. Развитие гильяцких префиксов транзитивных глаголов, потеря которых привела к возникновению противопоставления смычных и фрикативных в начальном положении, Якобсон со-

3. Хотя применение типологических законов для проверки правильности реконструкций Якобсон в своем докладе иллюстрирует лишь фонологическими примерами, он указывает, что сходные методы, по-видимому, могут быть приложены и к анализу грамматической структуры языка (стр. 6 и 9). Действительно, представляется несомненным, что и здесь могут быть установлены типологические соотношения между элементами языковой структуры, позволяющие проверять вероятность реконструируемой системы. Так, отмеченные еще И. Шмидтом особенности индоевропейских форм множественного числа позволяют реконструировать такое соотношение между категориями числа и рода, которое подтверждается выведенной на основании данных различных языковых семей формулой: «Если, и только если в языке существует противопоставление одушевленного (активного) и неодушевленного (пассивного) класса имен, то формы множественного числа могут иметься лишь у имен активного класса»¹. В языках, где наблюдается такое соотношение, можно обнаружить и другие сопутствующие ему типологически сходные черты; так, реконструированный индоевропейский и алгонкинские языки обнаруживают сходство не только в нейтрализации противопоставлений чисел у имен пассивного класса, но и в имеющемся в указательном местоимении (но не в имени) различии форм мужского и женского рода².

Функциональная роль грамматического противопоставления категорий активности (одушевленности) и пассивности (неодушевленности) в индоевропейской морфологической системе доказывается не только при исследовании категории числа, но и при анализе индоевропейской падежной системы, где противопоставление падежа на *-s и падежа без приметы *-s осуществляется только у имен активного класса и нейтрализуется у имен пассивного класса (ср. наличие архаичной формы родительного падежа на *-om > -an только у имен одушевленного рода в хеттском). Типологическое сопоставление индоевропейского падежа на *-s и эргатива в ряде неиндоевропейских языков явилось предметом многочисленных исследований (ср., напр., вышедшие в последнее время работы Вайана, Пизани, Кноблоха). Но при этом обычно не учитывалась в достаточной мере иерархия падежей, значение которой (как и иерархии других языковых явлений) подчеркивает в своем докладе Якобсон, указывающий, что в этом отношении оказывается устарелым даже «Курс общей лингвистики» Соссюра (стр. 5).

Невнимание к иерархическим отношениям между падежами не давало ранее возможности обнаружить одно из существенных свидетельств эр-

поставляет с типологически сходным развитием в кельтских языках и в некоторых языках Западной Африки (там же, стр. 273, примеч. 41); ср. также отражение древних тибето-китайских различий между префиксальными и непрефиксальными (транзитивными и интранзитивными) глаголами в фонологическом различии тонов в китайском.

¹ Ср. указанные выше тезисы доклада автора «О методах изучения истории индоевропейского праязыка и его диалектов», стр. 34. Ср.: G. Rouen, Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde, Wien, 1929, стр. 205 и 513; И. М. Тронский, К семантике множественного числа в греческом и латинском языках, «Уч. зап. [ЛГУ]», Серия филол. наук, вып. 10, 1946, стр. 61—62, примеч. 1. Ср. также отсутствие особых окончаний множественного числа в индоевропейской серии глагольных форм, развившейся в хеттское спряжение на -hi и хеттский медиопассив и перфект в других индоевропейских языках и функционально соответствовавшей неодушевленному (пассивному) классу имен.

² См. литературу вопроса, указанную в интересной работе Л. Ельмслева: L. Hjelmslev, Animé et inanimé, personnel et non-personnel, «Travaux de l'Institut de Linguistique», vol. 1, Paris, 1956, стр. 171—172. Представляется, что Ельмслев преуменьшает сходство индоевропейских и алгонкинских языков, поскольку он исходит из теории о существовании в индоевропейском различия трех родов, преобразованного в двойное противопоставление в хеттском. Однако отсутствие формального различия мужского и женского родов в именном склонении характерно не только для алгонкинского (ср. там же, стр. 172), но и для индоевропейского.

гативной функции индоевропейского падежа на *-s*, недавно указанное А. Мартине в его содержательной работе о значении структурной лингвистики для сравнительно-исторической морфологии индоевропейских языков¹. Таким свидетельством является маркированная (отмеченная) характеристика падежа, который обладает приметой *-s* и противопоставлен падежу с нулевым окончанием, т. е. немаркированному. Эти формальные особенности данных падежей в плане выражения противоречат их соотношению в плане содержания в древних и новых индоевропейских языках, где винительный падеж по своей функции является маркированным, а именительный падеж — немаркированным (падежом, не связанным с одной определенной функцией; ср. использование именительного падежа в качестве словарной формы существительного). Это противоречие (которое было устранено во многих индоевропейских языках благодаря утрате приметы *-s*) находит объяснение в том, что падеж на *-s* в более древнюю эпоху был эргативом, т. е. маркированным падежом с функцией обозначения деятеля, тогда как падеж без показателя *-s* указывал лишь на отсутствие обозначения деятеля, ибо был немаркированным как в плане выражения, так и в плане содержания². Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с языками с эргативной конструкцией (ср., например, наличие особой приметы у маркированного падежа-эргатива в хурритском и урартском при отсутствии окончания в единственном числе у падежа, противопоставленного эргативу³).

Для индоевропейской глагольной системы опыт структурного анализа, учитывающего типологические соотношения между категориями времени и вида, был недавно предложен Е. Куриловичем⁴. Особенность метода, используемого Е. Куриловичем, заключается в том, что он устанавливает максимально полную систему видовых и временных категорий, все члены которой могут иметься лишь в некоторых языках (например, в английском и в хеттском), тогда как в других языках имеются лишь некоторые из возможных категорий. Но общая схема, учитывающая все возможности, позволяет объяснить переход от одного состояния глагольной системы к другому. Представляется, что подобный же путь построения полной системы, которая включала бы все элементарные значения, встречающиеся в различных языках, мог бы сделать возможным типологическое исследование семантических систем в лексике, но такая задача может быть выполнена лишь по отношению к какой-либо ограниченной области значений⁵.

¹ A. M a r t i n e t, *Linguistique structurale et grammaire comparée*, «Travaux de l'Institut de linguistique», vol. 1, 1956, стр. 13—16.

² Различие между маркированным характером эргатива и немаркированным характером неэргативного падежа в языках с эргативной конструкцией, с одной стороны, и немаркированным характером именительного падежа и маркированным характером винительного падежа в языках типа русского, с другой, было проанализировано с точки зрения структурной лингвистики в работе Якобсона: R. J a k o b s o n, *Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre*, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 6, 1936, стр. 249 и стр. 254. Об изоморфности маркированности и немаркированности падежей в плане выражения и в плане содержания ср.: R. J a k o b s o n, *The relationship between gender and plural in the declension of Russian nouns*, «Scando-slavica», III, 1957.

³ Окончание, имеющееся во множественном числе у этого падежа в урартском (но не в хурритском), является урартским новообразованием.

⁴ J. K u r y ł o w i c z, *L'apophonie en indo-européen*, Wrocław, 1956, стр. 24—35; е г о ж е, *Aspect et temps dans l'histoire du persan*, «Rocznik orientalistyczny», t. XVI, 1953.

⁵ Здесь снова оказывается уместным сопоставление с проблематикой машинного перевода. Подобно тому, как историческое соотношение разных состояний языка может быть описано благодаря использованию общей системы языковых категорий, перевод может быть осуществлен благодаря соотносению различных языковых систем с полной системой всех возможных значений, используемой в качестве языка-посредника.

Можно предположить, что дальнейшие типологические исследования сделают возможным не только сопоставление морфологических категорий в пределах одной части речи (имени или глагола), но и сопоставление грамматических соотношений между разными частями речи, что в какой-то мере даст возможность привлечь при сопоставлении и синтаксическую структуру языка. Но в настоящее время такие сопоставления могут быть лишь приближенными. Так, реконструируемая древнейшая индоевропейская система (до образования эргатива из сочетания имени с указательным *s-) с характерными для нее отсутствием именного склонения, развитостью глагольных форм, включающих местоименные показатели, и использованием особых элементов именного происхождения, выступающих в роли превербов, наречий и послелогов (или предлогов), напоминает аналогичные черты такого языка, как абхазский.

Для сравнительно-исторического синтаксиса типологические исследования приобретают особое, едва ли не главенствующее значение. Недостаточная разработанность этой области в сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков в значительной мере связана с невниманием к типологическим исследованиям, преодолеваемым лишь в самое последнее время¹. При анализе синтаксических явлений типологические сопоставления могут подсказать объяснения, лишь впоследствии подтверждаемые сравнением с родственными языками. Так, вторичность использования индоевропейского *yo- в качестве относительного местоимения была предположена главным образом на основании типологических сравнений с функционально сходными элементами в неиндоевропейских языках²; этимологическая связь этого местоимения с хеттским энклитическим союзом *ia* «и, также» и «тохарской А» энклитикой *yo* «и» подтверждает правильность этой гипотезы³.

4. При установлении статических закономерностей, определяющих соотношения между элементами языковой структуры, не ставится вопрос о том, предшествует ли один языковой тип другому в процессе развития различных языков. Однако постановку такого вопроса нельзя считать заранее исключенной. При его исследовании (как и при установлении статических типологических законов) полезными оказываются данные, относящиеся к развитию детской речи и к речевым расстройствам. Эти важные области изучения языка все еще не привлекают в должной мере внимания лингвистов, хотя за последние десятилетия здесь были накоплены очень ценные материалы, в частности, благодаря исследованиям советских ученых (ср. ставшие классическими труды Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, А. Н. Гвоздева). В работах Р. Якобсона лингвистический анализ афазий и детской речи использован для исследования структуры как фонологических, так и грамматических систем⁴. Значение этих новых материалов для пересмотра ставших традиционными концепций может быть показано на вопросе о местоимениях. Согласно воззрениям, унаследованным от Гум-

¹ См., например, очень ценную статью: E. B e n v e n i s t e, La phrase nominale en indo-européen, «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLVI, fasc. 1, 1950.

² См. J. G o n d a, The original character of the Indo-European relative pronoun *io-*, «Lingua», vol. IV, 1, 1954.

³ Ср. В я ч. В. И в а н о в, К изучению лексики лувийского языка (статья печатается в сборнике в честь Д. Дечева).

⁴ См. обобщение результатов исследований Р. Якобсона в этой области в книге: R. J a k o b s o n, M. H a l l e, Fundamentals of language, 's-Gravenhage, 1956. Следует отметить, что в докладе на конгрессе в Осло вопросы афазий и детского языка Якобсоном вообще не рассматриваются. Уже поэтому представляется совершенно необоснованной критика в статье Б. А. Серебрянникова, подменяющего анализ доклада Р. Якобсона на конгрессе в Осло замечаниями по поводу изданной 15 лет назад книги, которая имеет лишь косвенное отношение к содержанию доклада.

больдта и других ученых XIX в., местоимения считались принадлежавшими к древнейшим частям человеческого языка. Этому, однако, противоречит то, что местоимения усваиваются ребенком позднее других классов слов и утрачиваются ранее других элементов структуры языка при расстройствах речи. Приведенные данные, а также новое понимание природы местоимений как сложных категорий, в которых перекрещиваются код (система языка) и сообщение (высказывание), заставили Р. Якобсона отказаться от традиционного представления об изначальной древности местоимений¹. Этот вывод согласуется с результатами типологического сопоставления индоевропейского с австралийским языком аранта в работе А. Sommerfeldta, показавшего, что в таких языках, как аранта и, возможно, древнейший индоевропейский, местоимения как особый класс слов отсутствуют². Согласно гипотезе Sommerfeldta, подобное явление характерно для определенного (очень архаичного) уровня развития культуры.

Непосредственное соотнесение того или иного грамматического типа с известными культурно-историческими или социальными явлениями оказывается возможным лишь в крайне ограниченном числе случаев (например, при сопоставлении более сложных синтаксических структур, развивающихся в связи с появлением литературы и письменности, и архаичных синтаксических норм, им предшествующих³; при сопоставлении разных типов языкового выражения систем счета и др.). Следует обратить внимание на то, что отражение древнейшей индоевропейской системы счета в тождестве суффиксов порядковых числительных и форм степеней сравнения прилагательных, позволяющее сравнить эту систему с древнеегипетской⁴, может быть использовано для соотнесения определенных языковых и культурно-исторических явлений. Однако за исключением таких сравнительно редких случаев остается в силе утверждение Сепира об отсутствии связи между грамматическими типами и ступенями культурного развития⁵. Внеязыковые факторы отражаются не непосредственно на соотношении элементов языковой структуры (если исключить лексические элементы и некоторые грамматические), а опосредствованно — в путях перехода от одного типа к другому.

Следует согласиться с Р. Якобсоном, когда он говорит о том, что каждое изменение первоначально происходит в плане синхронии⁶ (стр. 8—10). Именно такое понимание языкового развития, осуществляющегося во время функционирования языка в процессе коммуникации, делает особенно важным использование достижений структурной лингвистики при изучении истории языков и реконструкции их доисторических состояний.

¹ R. Jakobson, Shifters, verbal categories and the Russian verb, «Russian language project», Harvard university, 1957, стр. 1—3.

² A. Sommerfeldt, Quelques réflexions sur l'origine des pronoms indo-européens, «Revue des études indo-européennes», t. 1, fasc. 2—4, 1938. Ср. Вяч. В. Иванов, Код и сообщение, «Бюллетень объединения по проблемам машинного перевода», № 5, М., 1957, стр. 49.

³ Как показывают работы А. Р. Лурия, и в этом отношении исследование афазий дает очень интересные параллели истории известных по письменным памятникам языков (см. А. Р. Лурия, Brain disorders and language analysis, «Language and speech», vol. I, pt. 1, 1958, стр. 26).

⁴ E. Benveniste, Noms d'agent et noms d'action en indo-européen, Paris, 1948; С. Д. Кацнельсон, Историко-грамматические исследования, М.—Л., 1949, стр. 137—138, 237, 243 и сл.

⁵ Э. Сепир, указ. соч., стр. 172.

⁶ Ср. детальный анализ этой проблемы в интересной монографии: E. Coseriu, Sincronía, diacronía e historia. El problema del cambio lingüístico, Montevideo, 1958.

В. М. ЖИРМУНСКИЙ

О СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ В ЯЗЫКОЗНАНИИ¹

1

Споры, которые в настоящее время имеют место в советском языкознании по поводу проблемы синхронии и диахронии, или, точнее, по вопросу о методе и границах применения так называемого «синхронного» анализа языка, теснейшим образом связаны с дискуссией о структурализме — этом ведущем направлении современной зарубежной лингвистики. В ходе дискуссии уместно вспомнить традиции классического русского языкознания в отношении синхронного анализа языка и методологические установки советской лингвистики.

Синхронное изучение языка не представляет само по себе какого-либо новшества в языкознании. Лингвистика, существовавшая до возникновения исторического языкознания XIX в. в течение многих веков как на Западе, так и на Востоке, всегда имела синхронный характер — описательный и вместе с тем нормативный, в соответствии с практическими задачами установления нормы родного литературного языка или обучения нормам иностранного. В таких грамматиках язык представлялся как совокупность правил, в которых неизменно наличествовали исключения, противоречащие этим правилам. И правила, и исключения подлежали практическому усвоению, заучиванию как норма, имеющаяся в данном языке.

Великим открытием XIX в. явилось, как известно, историческое языкознание. Именно как о великом открытии говорит Энгельс об историческом языкознании, которое получило в последние 60 лет такое мощное и плодотворное развитие (у Боппа, Грима и Дитца), противопоставляя его тем школьным грамматикам старого времени, которым следовал Дюринг². Открытие это позволило объяснить современный язык как результат закономерного исторического развития, понять существующие в грамматике на данной ступени развития языка исключения как пережитки отесненных закономерностей предшествующей исторической ступени или как новые закономерности, еще не получившие всеобщего признания. Исторический метод стал основным методом науки о языке, методом, вскрывающим внутренние законы его развития.

Конечно, историко-генетическое рассмотрение явлений языка могло иметь разный характер в зависимости от различия методологических направлений тех или иных лингвистических школ. Для лингвистического позитивизма младограмматиков, господствовавшего в языкознании за рубежом, а отчасти и у нас начиная с 70-х годов прошлого века, характерно было генетическое рассмотрение отдельных изолированных языковых явлений вне их связи между собой. Это и есть так называемый «диахрони-

¹ Доклад на открытом заседании Ученого совета Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР, посвященном 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции (20 XI 1957).

² См. Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, Госполитиздат, 1957, стр. 304.

ческий атомизм» младограмматиков, который не следует, конечно, отождествлять с исторической (диахронической) точкой зрения как таковой.

Поворот к рассмотрению языка как непосредственной данности («синхронно»), вне вопроса о генезисе отдельных его элементов, наметился в русской и зарубежной науке с начала XX в., во всяком случае уже вполне отчетливо — с 1910-х годов, как реакция против господствовавших методов младограмматической школы. Описание определенного состояния языка, прежде всего современного языка как данного нам непосредственно и потому не требующего сложных методов исторической реконструкции, стало в это время программой целого направления языковедения, которое получило у нас название «лингвистического модернизма». Наиболее ярким представителем этого направления был Л. В. Щерба, лингвистические интересы которого лежали преимущественно в области изучения современного языка. Сборники «Русская речь», выходявшие в 1923—1928 гг. под ред. Л. В. Щербы, объединили вокруг себя молодых тогда исследователей, примыкавших к этому направлению (В. В. Виноградов, Л. П. Якубинский, Б. А. Ларин, С. И. Бернштейн — в Ленинграде, Г. О. Винокур — в Москве), и некоторых языковедов старшего поколения (А. М. Пешковский и др.).

Изучение грамматики с о в р е м е н н о г о я з ы к а в это время впервые становится научной проблемой. В наши дни для молодого поколения советских лингвистов стало вполне привычным, что в университете и в педагогических институтах читается курс грамматики современного русского языка как обязательная часть учебной программы по русскому языковедению. Между тем в старой дореволюционной университетской программе такого курса не существовало. Курс этот явился завоеванием «лингвистического модернизма» 1910—1920-х годов, новшеством и достижением советского времени. Книга В. В. Виноградова «Русский язык», большая академическая «Грамматика русского языка» выросли из этого нового направления нашей науки, как и многочисленные специальные монографии, статьи и диссертации, посвященные современному русскому языку.

Эту новую отрасль языковедения принято было одно время называть «научной» грамматикой современного языка в отличие от грамматики «школьной» («практической»), чтобы подчеркнуть таким названием (в то время это не казалось само собой разумеющимся), что грамматическое описание современного языка имеет такое же законное право считаться наукой, как и грамматика историческая.

Если подойти, исходя из современных научных требований в этой области, к такой классической книге, как «Очерк современного русского языка» акад. А. А. Шахматова, в основе которого лежит рукопись университетского курса 1911—1912 гг., то на этом особенно характерном примере наглядно выяснится различие старой и новой точек зрения: даже такой крупнейший ученый, как А. А. Шахматов, рассматривал современный язык в основном с точки зрения происхождения (т. е. генетического объяснения) отдельных его элементов.

То же относится и к изучению иностранных языков. На занятиях по германистике в Петербургском университете в 1910-х годах профессор читал со студентами «Вертера» Гете с лингвистическим толкованием текста, которое состояло в том, что каждое слово романа Гете «возводилось» к его прагерманскому и индоевропейскому архетипу. Пример этот лучше всего показывает, что в то время задачу лингвистического исследования (хотя бы и современного литературного текста) понимали исключительно генетически, в духе «диахронического атомизма» младограмматиков. С этими установками старой школы следует сопоставить тот лингвистический анализ современных текстов, который пропагандировал уже в советское время Л. В. Щерба как для русского, так и для иностранных язы-

мов и образцы которого он опубликовал в сборнике «Русская речь» под заглавием: «Опыты лингвистического толкования стихотворений».

В дореволюционные годы в наших университетах преподавалась только история романских и германских языков, а современный иностранный язык был лишь предметом так называемого лекторского, т. е. школьного, практического обучения. В наше время курс научной грамматики современного иностранного языка также завоевал себе прочное место в программах университетов и педагогических институтов. Книги Т. В. Строевой — Л. Р. Зиндера по современному немецкому языку, Б. А. Ильиша по современному английскому языку, выдержавшие несколько изданий, являются образцами таких «научных грамматик». К этому следует добавить чрезвычайно многочисленные диссертации, специальные статьи и монографии, посвященные вопросам фонетики, грамматики (за последнее время и лексики) современных германских и романских языков — английского, немецкого, французского¹.

Характерно, что немецкая германистика, сохранившая в основном позиции младограмматической диахронии старого времени, гораздо беднее подобного рода исследованиями, вследствие чего она, несомненно, отстает в разработке общеграмматической проблематики, опирающейся на синхронный анализ. Задача создания «научной грамматики» современного немецкого языка поставлена в настоящее время в Германской Демократической Республике Институтом немецкого языка Берлинской Академии наук и была предметом специального обсуждения Международной конференции германистов, созванной Академией летом 1955 г.²

Огромная работа проделана в советское время и по «синхронному» грамматическому описанию многочисленных языков и наречий нашей страны, до революции (частично, по крайней мере) в науке не известных, в ряде случаев младописьменных, а иногда и вовсе бесписьменных — тюркских, монгольских, иранских, северокавказских, финских и так называемых «северных». Многие из этих описаний были для науки подлинными открытиями; все они имели огромное практическое значение для дела создания или нормализации национальных литературных языков и национальной письменности, иными словами — для строительства новой социалистической культуры. Принцип синхронного описания подсказывался и оправдывался, между прочим, и особенностями самого материала: отсутствием письменно засвидетельствованных исторических текстов.

О научных принципах такого синхронного анализа говорил уже Л. В. Щерба в предисловии к своей докторской диссертации, посвященной описанию восточнолужицкого наречия: «Описание это основывается исключительно на наблюдении живого произносимого языка, без привнесения каких-либо чуждых категорий, не имеющих оснований в психике говорящих, а следовательно оно не имеет никакой исторической перспективы в обычном смысле этого слова. Поэтому пусть не перевертывается сердце слависта, когда я исторически разные явления отношу в одну рубрику и разделяю то, что он привык видеть вместе: в описательной части мне нет дела до истории; меня интересует лишь то, что чувствуют и думают говорящие. В обнаружении этого и заключалась вся моя работа»³.

¹ К сожалению, диссертации эти в большинстве своем известны только по авторефератам.

² См. В. М. Ж и р м у н с к и й, Отчет о научной командировке в Германскую Демократическую Республику, ИАН ОЛЯ, 1956, вып. 6, стр. 557.

³ Л. В. Щ е р б а, Восточнолужицкое наречие, т. I, Пг., 1915, стр. XIX. В примечании Л. В. Щерба делает, однако, очень существенную оговорку, указывающую на наличие в синхронном описании элементов диахронии: «...на самом деле хорошее психологическое описание данного языка в данный момент времени само по себе дает понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем» (там же, примеч. 1).

Неудивительно, что подобные идеи могли в то время возникнуть, поскольку Л. В. Щерба был учеником петербургского профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ, который еще в 1895 г. выступил с замечательной книгой (опубликованной на польском и немецком языках) «Опыт теории фонетических альтернатив», где вопрос о фонетических чередованиях ставится в рамках системы языка. В период господства младограмматических теорий книга эта прошла почти незамеченной. Такому крупному ученому, как И. А. Бодуэн де Куртенэ, автору ряда исторических исследований по славянским языкам, могли тогда в лучшем случае «простить» его оригинальное желание заниматься вопросами, которые, вероятно, большинству его современников должны были представляться более или менее праздными: как соотносятся или чередуются те или иные явления в системе языка, рассматриваемого как данность, независимо от исторического генезиса отдельных элементов этой системы.

2

Эта историческая справка показывает, что структурализм в отношении так называемого «синхронного» изучения языка представляет лишь одно из ответвлений гораздо более широкого научного движения XX в., которое наблюдалось одновременно и в других исторических науках¹. От русского дореволюционного и советского «лингвистического модернизма», о котором говорилось выше, это ответвление существенным образом отличалось по своей лингвистической идеологии. Основоположники структурализма за рубежом Н. С. Трубецкой и Р. О. Якобсон были, как и Л. В. Щерба, идейными последователями Бодуэна де Куртенэ. Но влияние идей этого выдающегося русского ученого скрестилось в их лингвистической идеологии с другим, более сильным влиянием языковых теорий де Соссюра.

Как известно, Ф. де Соссюр рассматривал язык как систему знаков, элементы которой определяются противопоставлением различительных признаков. Напомним основополагающие высказывания де Соссюра: «...в языке нет ничего кроме различий. Более того, различие, вообще говоря, предполагает положительные моменты, между которыми оно и устанавливается, но в языке имеются только различия, без положительных моментов»². В частности, «чтобы познать звуковые единицы языка, нет необходимости ознакомиться с характером их положительных качеств; их следует рассматривать как дифференциальные величины, сущность которых в том, чтобы не смешиваться друг с другом»³. Синхрония, в понимании де Соссюра, — это язык, рассматриваемый как система статических противопоставлений, лежащих в одной временной плоскости, статический двухмерный «срез», горизонтальная плоскость или «ось одновременности» (в отличие от диахронии как «оси последовательности»); в синхронной системе языка, согласно де Соссюру, «исключено всякое вмешательство времени»⁴.

¹ В частности, в немецком идеалистическом литературоведении XX в. такой характер имела реакция против господствовавшего в Германии с 1870-х годов филологического позитивизма школы Шерера, по своим тенденциям во многом родственной младограмматикам. Идеино-художественное содержание «Фауста» Гете, конечно, не исчерпывается историей сюжета (легенды о Фаусте) и творческой историей самого произведения в его последовательных редакциях, т. е. обычными для немецкой филологической школы «диахроническими» проблемами. Характерно, однако, что задача имманентного («синхронного») анализа философского и художественного содержания поэтического произведения решалась такими представителями нового направления, как Ф. Гундольф и др., в сознательном отрыве от социально-исторических предпосылок этого содержания.

² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 119.

³ Там же, стр. 199.

⁴ Там же, стр. 88.

Этому пониманию «синхронии» как «статической лингвистики», характерному для Соссюра и его школы, мы противопоставляем рассмотрение языка как системы, которая находится в движении и развитии — как в целом, так и во всех своих частях, так что взаимоотношение между частями системы определяется не статическими противопоставлениями на горизонтальной плоскости, а динамически — законами движения системы и ее элементов. Возьмем в качестве примера известную книгу акад. В. В. Виноградова «Русский язык». Книга эта отражает общие методологические установки «лингвистического модернизма» в советском языкознании. Она рассматривает грамматику русского языка как данность, т. е. синхронно, не касаясь вопроса о генезисе тех или иных ее элементов. В этом была новизна книги по сравнению, например, с классической работой акад. Шахматова о современном русском языке, насквозь генетической по своему методу. Тем не менее автор книги «Русский язык» отнюдь не структуралист. Понимание языка как данности в его книге существенным образом отличается от принципов так называемой «структуральной лингвистики». Приведем несколько примеров.

1. В. В. Виноградов говорит об «утрате» (или «атрофии») форм склонения у кратких прилагательных, связанной с их предикативным употреблением. (Структуралист с точки зрения «статической лингвистики» де Соссюра мог бы только констатировать отсутствие таких форм, а не их «утрату».) В краткой форме прилагательного значение качества переходит в значение качественного состояния, мыслимого в формах времени. При этом происходит «процесс грамматического обособления кратких форм», «процесс выпадения кратких форм из состава категории имени прилагательного, процесс обособления их в самостоятельную грамматическую категорию...»¹. Понятия «утрата» («атрофия»), «процесс», «переход» и т. п. разрушают статическую неподвижность синхронного описания грамматической системы, внося в это описание элемент развития, весьма существенный для понимания особого места рассматриваемой грамматической формы в современном русском языке, «сближения кратких прилагательных с категорией состояния»².

2. Сходным образом В. В. Виноградов говорит и о «развитии качественности» в прилагательных притяжательных и относительных³. Ср., например, *золотая монета* и *золотые локоны*, *медвежья лапа* и *медвежья услуга* и т. п. (качественность появляется здесь в переносных значениях). Развитие качественности приводит к возможности образования степеней сравнения, которые отсутствуют при основном, относительном значении прилагательных — ср. *туманнее*, *бешенее* и т. п. Эта тенденция к развитию качественности — важная особенность прилагательных как качественных слов и не может быть упущена при синхронном описании этой грамматической категории.

3. В главе о наречиях В. В. Виноградов рассматривает «процессы адвербиализации» имен, в частности конструкций с предлогами. Ср. *вдалеке*, *взаперти*, *второпях*, но также *в тиши*, *в тайне* и т. п., которые еще пишутся раздельно, или *на ходу*, *на лету*, *на днях*, но также *быть на посылках*, *находиться на иждивении* (случаи переходные, принадлежность которых к наречиям остается спорной)⁴. Процессуальный характер этой «адвербиализации» — существенная особенность языка в данном его состоянии, которая должна быть отмечена в синхронном его описании.

¹ См. В. В. Виноградов, *Русский язык*, М. — Л., 1947, стр. 262 и сл.

² Там же, стр. 402 и сл.

³ Там же, стр. 193 и сл., стр. 203 и сл.

⁴ Там же, стр. 355 и сл.

Число примеров легко может быть умножено. Неучет элемента развития, статическое противопоставление на плоскости с неизбежностью должны привести исследователя к метафизическим разграничениям и «дистинкциям» (например: здесь — наречие, там — «не наречие»). С этой точки зрения полезно вспомнить полемику К. А. Левковской против термина «полусуффиксы», введенного в книге М. Д. Степановой «Словообразование современного немецкого языка» (М., 1953) для второго элемента слов типа *Amtmann, Edelmann, Lebeamann (-mann)* или *Buschwerk, Räderwerk (-werk)* и т. п. К. А. Левковскую беспокоит, что «полусуффиксы» при таком «в корне неправильном» подходе пришлось бы «рассматривать как словообразовательные форманты, не принадлежащие ни к основам, ни к аффиксам»¹. На самом деле мы имеем здесь дело с явлением переходным, находящимся в развитии, с незавершенным процессом грамматического обобщения, трансформации второго элемента сложного слова в словообразовательный суффикс — процессом, в результате которого в более раннее время слово *heit*, еще сохранявшееся в древневерхненемецком в самостоятельном употреблении с значением «лицо», «положение», «вид», превращается, как второй элемент сложного слова, в словообразовательный суффикс имен существительных с абстрактным значением (ср. дрвнем. *törheit* «глупость», *frîheit* «свобода», т. е. «свободное положение», и т. п.). Синхронное описание, стремящееся преодолеть метафизическую неподвижность подобных статических «противопоставлений», должно учитывать эти процессуальные элементы, наличествующие в любом горизонтальном «срезе» языка.

Мы сейчас широко употребляем понятия и термины «продуктивные» и «непродуктивные» формы в языке, в частности суффиксы «продуктивные» и «непродуктивные», — вопрос, которому В. В. Виноградов и вслед за ним академическая «Грамматика русского языка» уделяют особое внимание. Между тем «продуктивность» и «непродуктивность» — понятия «диахронические». С точки зрения чисто «синхронной», «статической», нельзя характеризовать тот или иной суффикс как «продуктивный», можно только констатировать, что один суффикс в данной системе встречается часто — чаще, чем другой; эту «частоту» можно уточнить статистически, как это рекомендуется в настоящее время синхронной лингвистикой. Но означает ли это «часто» наступление или отступление данной формы — с точки зрения плоскостного, «статического» рассмотрения языка — сказать невозможно. А между тем нельзя характеризовать данную систему языка, не говоря о продуктивности или непродуктивности тех или иных ее элементов.

Это хорошо понимали уже основоположники структурализма, когда в тезисах Пражского лингвистического кружка они писали еще в 1928 г., полемизируя с Соссюром: «Различие форм продуктивных и непродуктивных есть факт диахронии, который невозможно исключить из синхронической лингвистики»². Однако в истории науки теоретические положения нередко расходятся с исследовательской практикой, которая стихийно развивается в другом направлении. Известно, например, что Бругман и Остроф в своем лингвистическом манифесте, положившем начало младограмматическому направлению, провозгласили лозунг: выйти из «мутных туманов мастерской, где выковываются индоевропейские праформы», в живую жизнь современных языков

¹ См. ВЯ, 1955, № 1, стр. 147. Справедливые замечания по этому вопросу содержит статья И. И. Р е в з и н а «По поводу рецензии К. А. Левковской на книгу М. Д. Степановой» (там же, 1955, № 5, стр. 162—163).

² См. «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 1, 1929, стр. 8: «...la distinction de formes productives et non productives sont des faits de diachronie, que l'on ne saurait éliminer de la linguistique synchronique» (Thèses I, b).

и диалектов¹. Между тем именно Бругман явился создателем знаменитого коммюндума по сравнительной грамматике индоевропейских языков, представляющего классический образец той самой «мастерской», против которой в юные годы он выступал в своей методологической декларации.

Принято думать, что в языках бесписьменных, история которых неизвестна, чисто синхронное описание данного состояния во всяком случае является необходимою. С этим связана и позиция американцев, предсказателей так называемой описательной лингвистики. Думаю, что это положение также неправильно. При описании любого бесписьменного языка, если мы не хотим исказить перспективу, необходимо выделить продуктивные и непродуктивные формы, т. е. путем своего рода внутренней реконструкции определить тенденцию развития системы и ее элементов. Это и подразумевал Л. В. Щерба, когда утверждал, что всякое «хорошее» описание данного языка в данный момент времени «само по себе дает понятие о ближайшем его прошлом и возможном будущем».

Советские «описательные» грамматики национальных языков, имеющие научный характер, обычно, в меру своей научности, следуют этому принципу имманентного синхронному описанию историзма. Можно процитировать взамен многих примеров вступительный абзац к разделу «Грамматическое развитие слова» в известной «Грамматике башкирского языка» Н. К. Дмитриева, которая справедливо признается одной из лучших в своем роде: «Для башкирского языка (как и вообще тюркских) весьма важное значение имеет грамматическое развитие слова, которое подчинено определенному закону. Общий процесс может быть формулирован так: от отдельного слова к аффиксу. Однако проследить этот процесс полностью можно только тогда, когда мы возьмем язык во всей его истории, которая для башкирского языка еще не изучена. Тем не менее отдельные черты этого процесса ясно различаются и в современном языке; мало того: сплошь и рядом они помогают разобраться в отдельных элементах этого современного языка. Прилагаемая ниже схема построена на характеристике отдельных типов грамматического слова, включая обе полярные противоположности (отдельное слово — аффикс) и типы, расположенные между ними. Вводя, таким образом, в башкирскую морфологию элементы историзма, настоящая схема поможет, кроме того, уяснить и соотношение между башкирскими частями речи, природу которых довольно трудно осознать, оставаясь на базе одной только современной морфологии башкирского языка»².

Возражения с методологической точки зрения вызывает и общая лингвистическая концепция де Соссюра и его школы: рассмотрение языка как системы противопоставлений, в которой каждый элемент определяется только своим местом в системе. На самом деле элементы языка определяются совокупностью своих положительных признаков, между которыми наличествуют и сходства и различия. Поэтому следует говорить о сопоставлении этих элементов (по сходству и различию их положительных качеств), а не о противопоставлении (которое представляет лишь частный случай сопоставления). Следует говорить об отличиях, а не о различиях. Сходство и различие фактов действительности (в том числе и фактов языка) определяет отношение между ними и создает систему, а не система и отношения создают те факты и элементы, из которых они строятся. Поэтому неправильно рассматривать противопоставления как основополагающий структурный признак системы языка: всякое противопоставление в сущности является лишь средством

¹ Н. Osthoff, K. Brugman, Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, Tl. 1, Leipzig, 1878, стр. IX—X.

² Н. К. Дмитриев, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 48.

более наглядного обнаружения положительных признаков, присущих данному явлению как таковому. Приведем примеры.

1. Можно ли говорить о переходных глаголах в языке, где существовали бы только переходные глаголы, т. е. где нет противопоставления переходности и непереходности? Разумеется, м о ж н о. Переходность — это свойство глагола иметь прямое дополнение, на которое «переходит» действие глагола. Свойство это не зависит от наличия или отсутствия в языке глаголов непереходных. Поэтому теоретически возможно существование языка, в котором все глаголы — переходные и грамматическим признаком этой переходности является управление винительным падежом.

2. Можно ли говорить о глаголах совершенного вида в языке, где нет коррелятивных с ними глаголов несовершенного вида? Разумеется, м о ж н о. Совершенный вид определяется не противопоставлением несовершенному, а терминативным значением данного глагола.

3. Н. С. Трубецкой и структуралисты определяют фонему как совокупность «релевантных» (смыслоразличительных) противопоставлений.

Возьмем, однако, фонему [k] во французском языке (пример Л. В. Зиндера). К ее положительным признакам относится, в частности, смычное произношение. Однако во французском языке, в отличие от немецкого и русского, нет коррелятивной фонемы [x], которая противопоставлялась бы [k] как щелевой заднеязычный — смычному. Поэтому, с точки зрения структуралистов, смычка во французском [k] «иррелевантна», т. е. не входит в состав фонемы [k] как смыслоразличительный признак.

Достаточно, однако, произнести во французском разговоре вместо «кур» (*cour*) — «хур», чтобы убедиться на практике в смыслоразличительном значении этого признака, который к тому же поддерживается всей с и с т е м о й противопоставлений смычных и спирантов во французском языке.

Таким образом, спор идет не о возможности синхронного изучения языка, а о методах этого изучения. В отличие от теории и практики сосюррианства и структурализма, синхронное изучение языка в советской грамматической литературе не противостоит диахронии, но включает в себя ее элементы. Система языка в целом и в частях рассматривается не статически, в плоскости «среза», а динамически, с учетом имманентных тенденций ее исторического развития.

3

Уточнения требует и самое понятие «системы» языка. Мы злоупотребляем словом «система». Слово это произносится со священным трепетом, но при этом часто является пустой фразой. Система — это взаимосвязь, взаимодействие между рядом явлений одного порядка. Так называемая «система» данного языка, которая до сих пор остается лишь н а у ч н ы м п о с т у л а т о м (как и «внутренние законы» его развития), на самом деле обнимает множество частных систем, в разной степени между собой связанных. При этом разные стороны языка в разной степени «системны».

Понятие «системы языка» строится структуралистами по образцу ф о н о л о г и ч е с к о й с и с т е м ы, и, несомненно, фонологическая система представляет наиболее «системный» аспект языка. Однако и здесь, в области исторической фонологии, р а з в и т и е фонологической системы определяется обычно не ее структурой, а фактами, лежащими в н е с и с т е м ы. Внесистемные факты определяют развитие системы — в этом основная теоретическая трудность диахронической фонологии. Так называемая фонологизация, которую пытаются — обычно с большими натяжками — объяснить имманентным развитием самой фонологической системы, на самом деле представляет результат давления внесистемных фактов на

различие системы. Примером может служить история умлаута в немецком языке: новые фонемы *ö, ü, ö, ü* являются результатом фонологизации ассимиляторных вариантов гласных фонем *o, u, ö, ü* ударного (корневого) слога, возникших в положении перед неударным *-i* окончания, — фонологизация, которая в свою очередь была вызвана другим фонетическим процессом: качественной редукцией неударных гласных (в том числе *-i*) в безразличное — *e*¹.

Наличие системы грамматических форм выступает наиболее наглядно, когда речь идет о парадигме склонения и спряжения. Сложнее обстоит вопрос в отношении всей системы формообразования имени в целом, а также формообразования глагола (видовые, залоговые, модальные формы в их отношении к системе спряжения). Еще труднее установить связь между системой имени и системой глагола. Можно постулировать существование такой связи, но до сих пор она не установлена сколько-нибудь точно ни для одного языка.

Мы могли бы прежде всего поставить вопрос о наличии общих тенденций внутри грамматической системы в целом в случаях изменения морфологического строя языка. Так, с развитием анализа новые аналитические формы появляются и у глагола, и у имени существительного. Однако предположенные конструкции имени имеют совершенно другую грамматическую структуру, чем аналитические глагольные формы, и не связаны с ними ни в своем развитии, ни по употреблению.

Возможно, что различие огласовки между единственным и множественным числом прошедшего времени сильных глаголов в германских языках (например, срвнем. ед. ч. *warf* — мн. ч. *wurfen*, ед. ч. *böt* — мн. ч. *buten* и т. п.) исчезает в новонемецком языке под влиянием «аналогии» вместе с четким оформлением морфологических признаков множественного числа имени существительного. В результате этого становится ненужным такое же противопоставление в глаголе, восходящее в конечном счете к индоевропейскому языку-основе. Если бы эта гипотеза, высказанная мною в другом месте², была признана правильной, мы имели бы в этом частном случае указание на наличие системной связи между развитием системы имени и системы глагола. Но случай этот пока остается единичным, и мне неизвестны другие примеры, по крайней мере в области германских языков.

Связь между фонетической и грамматической системой языка выступает с очевидностью в таких случаях, как развитие грамматического строя новых германских языков под влиянием редукции неударных окончаний (обусловленной в конечном счете характером и положением в слове германского силового ударения). Понятие системы связано в подобных случаях с проблемой внутренних закономерностей (по терминологии Мейе, «тенденций») языкового развития, т. е. с динамикой системы, с диахронией.

Наконец, наличие или отсутствие «системы» в лексике представляет наиболее трудный и теоретически совершенно не проясненный вопрос. Хотя в настоящее время охотно говорят о «лексической системе» данного языка, однако и это словоупотребление имеет по преимуществу фразеологический характер и никакого конкретного содержания в себе не включает. С точки зрения словообразовательной (т. е. грамматической, или, точнее, лексико-грамматической) лексика данного языка имеет, несомненно, системный характер и связана с другими сторонами его грамматической

¹ См. В. М. Жирмунский, Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии, сб. «Академику Виктору Владимировичу Виноградову к его шестидесятилетию», М., 1956.

² См. В. М. Жирмунский, Внутренние законы развития языка и проблема грамматической аналогии, «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. IV, М., 1954 стр. 100.

системы, с словоизменением (или, шире, — формообразованием). Но с точки зрения собственно лексической вопрос этот менее ясен.

Как известно, немецкий лингвист И. Трир в свое время выдвинул теорию так называемого «языкового поля» (sprachliches Feld). Слова, по этой теории, обозначающие сходные или связанные между собой понятия, образуют систему и развиваются во взаимодействии. В качестве такого «языкового поля» Трир исследовал развитие слов, обозначающих понятие «мысль» в средневековом немецком языке¹.

В советском языкознании против теории И. Трира неоднократно выдвигались методологические возражения: говорилось, что Трир как идеалист отрывает «языковое поле» и внутренние закономерности его развития как системы от факторов общественных, которые определяют своим воздействием изменение значения слов и развитие новых слов². Но сущность этого упрека как раз в том и заключается, что Трир видит только «систему» в ее саморазвитии там, где на самом деле определяющая или во всяком случае очень существенная роль принадлежит воздействию на систему внесистемных факторов, т. е. явлений, лежащих за пределами языка.

Предположим, однако, что мы со всей объективной точностью определили систему слов, обозначающих понятие «мысль» в данном языке. Связана ли эта группа слов, это «языковое поле», в своем развитии со словами, обозначающими в том же языке одежду или обувь? Думается, что никакой связи между этими лексическими группами нет, а следовательно, нет и никакой «системности». В словарном составе языка, как в сокровищнице слов, обозначающих многообразие предметов реальной действительности, системная связь между отдельными его частями очень незначительна и определяется в основном реальными отношениями этой внеязыковой действительности. Во всяком случае, вопрос этот до сих пор никем не исследован (ни Триром, ни его противниками) — как теоретически, так и на конкретном языковом материале, и мы пока ограничиваемся только тем, что повторяем: «лексическая система языка», думая при этом о чем-то очень хорошем и важном для языкознания, но вместе с тем не умея в точности сказать, в чем это хорошее и важное заключается.

Подведем итоги. Изучать язык как данность возможно и необходимо. Это очень важная задача языкознания не только по отношению к современному языку как непосредственной данности, но также по отношению к историческому прошлому, в меру возможности его систематической реконструкции. Если угодно, можно называть такое изучение синхронией. Советская лингвистика за истекшие 40 лет выработала свои традиции и методы такого изучения. Методы эти не разрывают синхронию и диахронию: они вносят в синхронию элемент развития, т. е. историю. Синхронный анализ языка не открыт структуралистами как новый раздел лингвистической науки; структуралисты только дали ему своеобразное истолкование и направление в духе лингвистических теорий де Соссюра, определивших разрыв между статикой и динамикой в языке и рассмотрение структуры языка как системы противопоставлений в горизонтальной плоскости. Самое понятие системы языка, принятое современным языкознанием как постулат, требует дальнейшего исследования — теоретического и в то же время основанного на материале конкретных языковых фактов, относящихся к разным языкам и к разным аспектам языка.

¹ J. T r i e r, Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirke des Verstandes. Die Geschichte eines sprachlichen Feldes, Heidelberg, 1931. Ср. статью того же автора: Sprachliche Felder, «Zeitschr. für deutsche Bildung», Jg. 8, Hf. 9, 1932.

² См., например, В. А. Звегинцев, Семасиология, М., 1957, стр. 266 и сл.

Ю. А. ЖЛУКТЕНКО

**КОНВЕРСИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ
КАК МОРФОЛОГО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ СПОСОБ
СЛОВООБРАЗОВАНИЯ**

В строе современного английского языка большую роль играет явление, называемое обычно конверсией. Правильное понимание сущности конверсии в известной степени может способствовать решению таких важных проблем, как определение грамматических и лексических границ слова, разграничение частей речи, выяснение основных тенденций английского словообразования и др.

Исследованием английской конверсии много занимался один из виднейших наших англистов — проф. А. И. Смирницкий¹. В своих работах он подверг убедительной критике распространенные прежде концепции конверсии: семантическую, согласно которой конверсия — это «изменение значения слова», и особенно синтаксическую, определявшую конверсию как «изменение синтаксической функции слова». Показав, что в результате конверсии получается обычно новое слово, А. И. Смирницкий окончательно установил, что конверсия является способом словообразования. Он также исследовал соотношение между исходным и производным словом в случае конверсии и показал, что производное слово обладает внутренней, семантической производностью.

Одним из важных достижений в понимании конверсии следует считать указание А. И. Смирницкого на большую и активную роль, которую играет при конверсии морфологическое оформление слова — парадигма. Как известно, А. И. Смирницкий придавал такое большое значение этому фактору, что считал парадигму единственным словообразовательным средством при конверсии: «Конверсия, — писал он, — есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова»².

Большинство работ о конверсии, появившихся после статей А. И. Смирницкого, является лишь дальнейшей интерпретацией его взглядов или истолкованием в свете его теории тех или иных моментов, связанных с конверсией в различных языках. В то же время в ряде других работ высказывается несогласие с некоторыми моментами этой теории, а в некоторых случаях даже полное ее отрицание³. По нашему мнению, нигилистическое отношение к работам А. И. Смирницкого о конверсии не имеет оснований. Вряд ли можно отрицать, что его теория конверсии имела безусловно поло-

¹ См. А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке. «Ин. яз. в шк.», 1953, № 5; е г о ж е, По поводу конверсии в английском языке, «Ин. яз. в шк.», 1954, № 3; е г о ж е, Древнеанглийский язык, М., 1955, стр. 166—170; е г о ж е, Лексикология английского языка, М., 1956, стр. 71—99.

² А. И. Смирницкий, Так называемая конверсия..., стр. 24.

³ См., например, С. М. Костенко, Конверсия как способ образования глаголов от имен существительных в английском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1955.

жительное значение и способствовала более глубокому изучению этой проблемы. Но, с другой стороны, не следует и затушевывать недостатки и противоречия указанной теории, которые не позволяют ей раскрыть полностью сущность этого важного языкового явления.

*

Работы А. И. Смирницкого о конверсии, изданные в 1953—1954 гг., несомненно, связаны с высказывавшимися им в это же время общелингвистическими взглядами. Теорию конверсии он создавал в тесной связи со своим своеобразным пониманием сущности языка и проблемы взаимоотношений языка и речи¹. Как известно, в это время А. И. Смирницкий считал, что в состав языка в качестве его единиц входят слова, интонационные единицы и грамматические правила построения предложения. Ни словосочетание, ни предложение, по его мнению, не являются единицами языка. Поэтому спецификой основной единицы языка (слова) А. И. Смирницкий считал преимущественно его морфологическую характеристику. В связи с этим он рассматривал английскую конверсию как *м о р ф о л о г и ч е с к и й* способ словообразования, при котором парадигма играет основную роль в оформлении слова.

А. И. Смирницкий не принимал во внимание то обстоятельство, что слова относятся к определенным грамматическим типам не только в соответствии с системой их форм, но и в зависимости от их грамматических связей с другими словами. В других, опубликованных позже, трудах А. И. Смирницкий отошел от такого взгляда на средства оформления слова². Однако в своих статьях, посвященных конверсии, А. И. Смирницкий придерживался ошибочного мнения, что одной только парадигмы уже достаточно, чтобы грамматически оформить слово. Это обстоятельство и было причиной того, что в его теории конверсии, наряду со многими достижениями, можно найти ряд существенных недостатков.

1. В предложенном А. И. Смирницким определении конверсии не учитываются различные другие факторы (кроме парадигматичности), действующие при конверсии. Прежде всего роль тех различий в грамматической сочетаемости, которые неизбежно обнаруживаются при образовании нового слова, не отрицается, а просто игнорируется. Между тем, как указывает акад. В. В. Виноградов, «... резко отделить морфологическое словообразование от синтаксического чрезвычайно трудно»³.

2. В теории конверсии А. И. Смирницкого не учитывается, что парадигма не может служить единственным средством различения слов при конверсии в тех случаях, когда исходное и производное слова имеют *о д и н а к о в у ю* парадигму. Достаточно указать на такие примеры конверсии, как *near* «близкий» и «близко», *fast* «быстрый» и «быстро», *late* «поздний» и «поздно» и т. п., где наречие и прилагательное сохраняют одинаковые степени сравнения.

3. В своей теории конверсии А. И. Смирницкий не считает с тем, что парадигма не может служить средством оформления и разграничения слов, когда она «отсутствует» как у исходного, так и у производного слова (т. е. ограничена одной формой). Ср., например: *must* — глагол «должен», существит. «то, что должно быть сделано, прочитано и т. п.» и прилагат.

¹ См. А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, М., 1954.

² См. А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, сб. «Вопросы грамматического строя», М., 1955, стр. 19.

³ В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию, «Р. яз. в шк.», 1951, № 2, стр. 4.

«необходимый, обязательный»¹; *why* — наречие «почему» и междометие «ну, как»; *after* — наречие «позади, после» и прилагат. «задний, кормовой»; *whence* — наречие «откуда» и существит. «происхождение»; *without* — предлог «без», наречие «вне, снаружи» и существит. «наружная сторона»; *down* — наречие «вниз», прилагат. «направленный вниз»; *first* — прилагат. «первый, начальный» и существит. «начало» и т. д. Таких случаев много даже в области «изменяемых» частей речи, причем отсутствие парадигмы совершенно не сказывается на продуктивности конверсии.

4. Хотя А. И. Смирницкий сам не высказался относительно того, имеет ли место конверсия в области неизменяемых частей речи, признание парадигмы единственным ее средством приводит к логическому выводу, что там, где парадигмы нет, не может быть и конверсии. К этому выводу и пришли на основе теории А. И. Смирницкого В. В. Пассек и С. П. Сафронова². Способ словообразования, при котором не используются специальные словообразовательные аффиксы в системе неизменяемых частей речи, по их мнению, основан «на изменении сочетаемости и только сочетаемости» и поэтому он якобы «качественно отличен от конверсии», не может быть обозначен тем же термином, а должен быть выделен как особый вид словообразования³.

Ошибочность этой точки зрения состоит прежде всего в том, что, как говорилось выше, отсутствие парадигмы — довольно распространенное явление и в системе «изменяемых» частей речи¹, что не мешает свободному осуществлению в этой области словообразования по конверсии. С другой стороны, предположение, что в системе неизменяемых частей речи грамматическая оформленность слова достигается исключительно синтаксическими средствами, было бы так же неверно, как и то, что в системе изменяемых частей речи она осуществляется только морфологическими средствами.

5. По мнению А. И. Смирницкого, соотносящиеся по конверсии слова отличаются друг от друга с и с т е м о й своих форм (парадигмой). Между тем во многих случаях посредством конверсии образуется слово, которое не имеет парадигмы в полном составе, а лишь выступает как одна из форм потенциально возможной парадигмы. Таково, например, повелительное наклонение *but* во фразе *But me no buts* («Webster's New international dictionary of the English language») или формы времени и наклонения Past Conditional от «несуществующих» глаголов *if, and, but* в предложении *He would have iffed and anded and butted it around* (R. Forsythe, Foreword to Michael Gold's «Change the world!») «Он все ходил бы вокруг да около». В примере: *I'll get you a house, Cora. One where there won't be any steel fence. One where we won't have to shhh!* (D. Carter, Tomorrow is with us) «Я тебе достану дом, Кора. Дом, вокруг которого не будет стального забора. Дом, в котором нам не придется говорить друг другу „шшш!“» — образованное путем конверсии от междометия слово *shhh* оформлено как глагольный инфинитив, а в предложении: *Since I left college, I had only this one year of working without shhh* (там же) «С тех пор, как я закончил колледж, я только один год мог работать без этого „шшш!“» — этот же звуковой комплекс, выступающий в сочетании с предлогом, оформлен как существительное. В то же вре

¹ Ср.: «*must*. n. something that must be done, had, read, seen etc.; as this book is a *must*; adj. that must be done, etc.; necessary; essential («Webster's New world dictionary of the American language», New York, 1953, стр. 969).

² См. В. В. П а с с е к, С. П. С а ф р о н о в а, Консультация, «Ин. яз. в шк.», 1956, № 4, стр. 120—122.

³ Там же, стр. 121.

⁴ Необходимо отметить весьма условное и в значительной степени традиционное употребление термина «изменяемые» по отношению к таким частям речи английского языка, как существительные, многие классы местоимений, числительные и т. д.

мя в английском языке не существует соответственных парадигм глагола или существительного.

6. Известно, что бурное развитие конверсии не сопровождалось развитием парадигмы — этого якобы единственного лежащего в ее основе средства, а, наоборот, происходило одновременно с весьма интенсивным процессом сокращения парадигмы. В современном языке возможности парадигматичности как средства разграничения слов минимальны, тогда как продуктивность конверсии достигла наибольшей степени. Трудно себе представить, чтобы какой-либо из способов словообразования мог так неудержимо развиваться на основе единственного средства, которое в то же самое время деградировало бы.

7. Мнение, что парадигма — единственный оформитель слова, а также утверждение, что при конверсии «сочетаемость целиком зависит от парадигмы слова»¹, не подтверждается фактами языка. Рассматривая отдельно взятые формы («словоформы») *work* или *works*, мы в состоянии о них сказать лишь то, что и та и другая м о г у т принадлежать к одной из двух парадигм: а) *work, works* (существит.) или б) *work, works, worked, working* (глагол), а значит лишь м о г у т иметь то или другое значение. Даже окончание *-s* в форме *works* не помогает нам в определении значения, так как формы с таким окончанием есть в обеих парадигмах. В то же время каждое из данных слов («словоформ») употребляется в языке без каких бы то ни было дополнительных морфологических показателей. Лишь тогда, когда мы встречаем эти «словоформы» в окружении других аналогичных единиц, например *selected works, he works*, каждая из них выступает как четко оформленная единица, несомненно, принадлежащая к определенному типу парадигмы и имеющая ясное и четкое значение.

Основным средством, так четко оформившим слово в данном случае, не могла быть одна парадигма, так как мы не могли ее определить, пока данное слово не вступило в связь с другими словами. Когда перед *works* появилось причастие *selected*, мы начали воспринимать первое как такую часть речи, которой свойственно определяться прилагательным или причастием, т. е. как существительное, и тогда окончание *-s* определилось как флексия множественного числа существительного. Когда же перед *works* мы видим личное местоимение в именительном падеже — *he*, мы воспринимаем его как такую часть речи, которой свойственно выступать в аналогичном сочетании в качестве сказуемого, и в этом случае окончание *-s* определяется как глагольная флексия 3-го лица единственного числа настоящего времени индикатива. Следовательно, различие в парадигме является в данном случае не главным и единственным различием между соотносящимися словами, а обусловлено определенной их сочетаемостью.

*

В литературе уже было отмечено еще одно из основных противоречий в теории конверсии А. И. Смирницкого, заключающееся в том, что «причисление конверсии к одному из видов словообразования оказывается у него чисто декларативным, и конверсия рассматривается только как определенные соотношения между словами»². Указанный момент представляется нам также тесно связанным с одним из общелингвистических положений теории А. И. Смирницкого, согласно которому «...для слов типично существование в языке в качестве готовых единиц...»³, т. е. слова в языке не создаются,

¹ В. В. Пассек, С. П. Сафронова, указ. соч., стр. 120.

² С. М. Костенко, указ. соч., стр. 7. Ср. также замечание по этому поводу Н. Н. Амосовой: «Конверсия есть способ словообразования, но не есть состояние тождества форм» (Н. Н. Амосова, Этимологические основы словарного состава современного английского языка, М., 1956, стр. 85).

³ А. И. Смирницкий, Объективность существования языка, стр. 22.

а лишь воспроизводятся. В связи с этим в работах А. И. Смирницкого, посвященных конверсии, мы не находим рассмотрения и исследования самого словообразовательного процесса, акта образования производного слова. Анализ в них обычно ограничивается теми соотношениями между исходным и производным словом, которые устанавливаются лишь после образования слова (часто спустя длительное время).

Одновременно с этим А. И. Смирницкий объявляет совершенно несущественными различия между такими типами отношений, как, например, с одной стороны, *love* «любовь» — *love* «любить» или *harp* «арфа» — *harp* «играть на арфе», которые установились между словами, образованными некогда по способу с у ф ф и к с а ц и и и лишь в последующем развитии начавшими совпадать по звучанию, и, с другой стороны, *doctor* «врач» — *doctor* «лечить» или *paper* «обой» — *paper* «обклеивать обоями», где мы наблюдаем действительное образование производных слов по способу конверсии. Не возражая в принципе против «генетической точки зрения» на эти соотношения, А. И. Смирницкий тем не менее считает, что при их рассмотрении не следует сочетать синхронический анализ с диахроническим. Более того, он выражает опасение, что учет акта словообразования может привести к «подмене определения существующего соотношения определением того, из чего оно получилось», а это «означало бы смешение предыдущего периода с последующим, допущение анахронизма, следовательно было бы антиисторическим подходом»¹. Исходя из этого, А. И. Смирницкий весь свой анализ основывает не на случаях т и п и ч н о й конверсии, при которой производное слово на самом деле возникает по данному способу словообразования, а на примерах бывших суффиксальных образований типа *love* «любить» — *love* «любовь».

Такой «историзм» представляется нам в лучшем случае односторонним. Вряд ли можно было бы оправдать исследователя, который, анализируя суффиксацию как способ словообразования, построил бы весь свой анализ не на тех примерах, которые действительно образовывались посредством присоединения суффикса к корню, а на примерах, которые генетически относятся к иным способам (например, к словосложению) и лишь в ходе позднейшего развития были переосмыслены как суффиксальные образования. Вполне очевидно, что нельзя достичь «подлинно глубокого понимания» какого-либо явления языка, изучая его т о л ь к о в синхроническом плане. В данном конкретном случае более правильным представляется мнение Н. Н. Амосовой, которая рассматривает соотношения типа *love* «любовь» — *love* «любить» как «результат исторически сложившегося фонетического совпадения ранее морфологически различавшихся слов». «...Уместнее квалифицировать их, — говорит она, — как случаи омонимии, а не конверсии, именно потому, что омонимия есть состояние, результат, а конверсия есть словообразовательный процесс»².

Всякое сочетание слов, по мнению А. И. Смирницкого, — уже не язык, а речь. Поэтому, рассматривая конверсию лишь как определенный тип соотношений между словами, он оставляет вне поля зрения такую весьма важную черту ее, как невозможность этого способа словообразования в отношении слов, взятых изолированно, вне связи с другими словами. Так, например, если мы вполне можем образовать слово *feeder* «кедок» по способу суффиксации, оперируя изолированными морфемами *feed-* и *-er*, то при конверсии, наоборот, мы не можем установить, произошел ли акт образования производного слова, пока мы имеем дело с отдельно взятым словом *feed*

¹ А. И. С м и р н и ц к и й, Древнеанглийский язык, стр. 167; е г о ж е, Лексикология английского языка, стр. 65—70.

² Н. Н. А м о с о в а, указ. соч., стр. 85.

Мы не можем с определенностью сказать, глагол это или существительное, а следовательно, и определить его значение и парадигму, пока не свяжем его с каким-либо другим словом, например *his feed* «его пища» или *we feed* «мы кормим».

Трудно также согласиться с утверждением А. И. Смирницкого о том, что конверсия будто бы проявляет «принципиальное безразличие» к соотношению между основной и прочими формами слова, что «конверсия определяется безотносительно к тому, каково соотношение между отдельными формами»¹. Другими словами, по мнению А. И. Смирницкого, по конверсии может образовываться слово, основная форма которого соответствует не основной форме исходного слова (как при образовании *doctor* «врач» — *doctor* «лечить»), а какой-нибудь косвенной его форме, например глагол *fell* «валить» соотносится по конверсии с формой прошедшего времени глагола *fall (fell)* «падать», а глагол *lay* «класть» — с формой прошедшего времени глагола *lie (lay)* «лежать» [ср. также русск. *супруга* (жен. род), которое будто бы образовано от род. падежа существительного муж. рода *супруг*]².

То, что слово существует в виде системы форм, не означает, что эти формы все равны по значению. Парадигму нельзя уподобить кругу, «началом» которого мы можем считать любую точку на его окружности. «Началом», основной парадигмы является ее основная форма, которая только потому и может выступать в качестве «представителя» всего данного слова, что она в наиболее обобщенной форме выражает лексическое и грамматическое в нем, выполняет его номинативную функцию. Косвенные же формы слова выступают в данных конкретных ситуациях, выражая данные конкретные значения. Поэтому соотношение между словами есть соотношение между основными формами этих слов, косвенные же их формы соотносятся между собой лишь через посредство форм основных. Нам неизвестны случаи английской конверсии, при которых от косвенной формы исходного слова образовывалась бы основная форма производного³ (об образовании глаголов *fell* и *lay* см. ниже). Когда же от основной формы исходного слова образуется косвенная форма производного (что бывает чаще всего), например *paper* — *is papering*, то последняя воспринимается именно как косвенная форма этого слова [основной формой в нашем примере является *(to) paper*].

Вопрос о том, имеет ли место конверсия между словами, принадлежащими одной и той же части речи, освещается по-разному в разных трудах А. И. Смирницкого: в одном случае утверждается прямо, что в пределах одной и той же части речи конверсия возможна⁴, в другом говорится, что такого типа конверсия наблюдается только в русском языке в отличие от английского, в то время как «специфическим для современной английской конверсии оказывается... то, что слова, соотносящиеся по конверсии, почти исключительно принадлежат разным частям речи»⁵. Возможность конверсии в пределах одной части речи отстаивает также в своих статьях В. В. Пассек, который на этом основании приходит к заключению о необязательности различий в сочетаемости между словами, соотносящимися по конверсии⁶.

¹ А. И. Смирницкий, Лексикология английского языка, стр. 94—95.

² См. А. И. Смирницкий, По поводу конверсии..., стр. 23 и сл.

³ Образование англ. *have-beens* или русск. наречий типа *бегом, кругом, рядом* от твор. падежа существительных, имеющего значение образа действия, не является конверсией, а относится к семантическому словообразованию.

⁴ См. А. И. Смирницкий, По поводу конверсии..., стр. 23.

⁵ Его же, Лексикология английского языка, стр. 80—81.

⁶ См., например, В. В. Пассек, Некоторые вопросы конверсии, ВЯ, 1957, № 1, стр. 146.

В качестве примеров конверсии между словами одной части речи А. И. Смирницкий приводит уже упоминавшееся выше образование глаголов *fell* «валить» от *jall* (*fell*, *fallen*) «падать», *lay* «класть» от *lie* (*lay*, *lain*) «лежать». Среди историков английского языка широко распространён иной взгляд на происхождение этих глаголов: считается, что, подобно прочим переходным каузативным глаголам, они образованы от второй основы (ед. числа прошедшего времени) сильных непереходных глаголов при помощи суффикса *-i-*, например: *leszan* «класть» (совр. *lay*) < **læz-i-an* от сильного глагола *liczan* — *laʒ* — *læzon* — *leʒen* «лежать» (совр. *lie*)¹. В современном языке инфинитив глагола *lay* «класть» и форма прошедшего времени глагола *lie* «лежать» фонетически совпали, однако в силу более резких семантических и грамматических различий между ними не установились такие соотношения, как между *love* «любовь» и *love* «любить».

В. В. Пассек приводит всего один пример — соотношение *date* «дата» — *datum* «данное, данная величина». По нашему мнению, его также невозможно отнести к конверсии, во-первых, потому, что, с точки зрения современного языка, эти слова имеют разные основы. В результате опрощения структуры ед. число *datum* и мн. число *data* воспринимаются сейчас как существительные формы, а их элементы *-um* и *-a* больше не осознаются как аффиксы. Кроме того, выделению *dat-* в качестве общей основы в *date* и *datum* препятствует то, что эти слова на современном этапе не имеют общности значения (ср. *date* «дата» — *datum* «данное, данная величина» и истинный случай конверсии — *date* «дата» — *date* «датировать»). Нельзя также игнорировать и то обстоятельство, что *date* — *datum* представляют собой именно соотношение слов, не связанных на основе словообразования: исторически *datum* не образовалось от *date*, а вычленилось из парадигмы лат. глагола *do* — *dedi* — *datum* — *dare* в особое слово по способу семантического словообразования. Таким образом, и этот пример не в состоянии поколебать общепринятую точку зрения, по которой образуемые по способу конверсии слова обязательно принадлежат к разным частям речи.

А. И. Смирницкий ввел также понятие «неомонимической» конверсии, при которой производное слово не является омонимом исходного, например др.-англ. *lufu* — *lufian*, *hearpe* — *hearþian*², или русск. *зеленеть* — *зеленый*, *краснеть* — *красный*³. Хотя этот вид конверсии внешне отличается от конверсии омонимической, «самый общий принцип словообразования — один и тот же⁴», а именно: единственным словообразовательным средством является парадигма. Ошибочность этого расширения понятия конверсии не вызывает у нас сомнений. Если обратиться сначала к приведенным выше примерам из русского языка, то действительно на первый взгляд между *зелен-ый* и *зелен-еть* (или *зелен-ить*), *красн-ый* и *красн-еть* нет никаких других различий, кроме парадигмы. Тем не менее глаголы типа *зеленеть*, *краснеть*, *зеленить* принято считать образованными по способу суффиксации при помощи суффиксов *-e-*, *-i-*⁵. Свообразие здесь состоит в том, что в классе глаголов с инфинитивом на *-ить* окончания настоящего времени частично сливаются с суффиксом *-i-*, например: *бел-ю*, *-ят*, но *бел-и-шь*, *-и-т*, *-и-м* и т. д. В классе глаголов на *-еть* суффикс *-e-* тоже вовлекается в систему словоизменения, определяя строй форм настоящего

¹ См., например, В. Д. Аракии, Очерки по истории английского языка, М., 1955, стр. 222 и сл.

² См. А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, стр. 168.

³ Примеры К. А. Левковской (см. К. А. Левковская, Словообразование, М., 1954, стр. 20).

⁴ См. А. И. Смирницкий, Древнеанглийский язык, стр. 169.

⁵ См. В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 436.

времени (-ею, -еешь, -еет, -еют и т. д.). Исходя из этого, В. В. Виноградов констатирует в русском языке «спаянность всех морфологических элементов, „фузионность“ морфем в структуре глагольного слова»¹.

«В строе глагола, — подчеркивает В. В. Виноградов, — все способы образования форм и слов внутренне связаны и соотнесены. Флексия распространяется и живет силою форманты. Флексия прирастает к суффиксу, как паразит. Оторванная от источника питания, она хиреет и может совсем умереть. Вот почему пришлось в первую очередь выделить типы суффиксального словообразования: в них схематически раскрываются и отдельные стороны системы спряжения. Система глагола в целом основана на сложном взаимодействии разных приемов формообразования и словообразования»².

В другом месте В. В. Виноградов отмечает, что приведенные выше факты наблюдаются не только в русском языке: «Эти явления характеризуют, с одной стороны, спаянность всех морфологических элементов, примыкающих к глагольной основе, „сзади“, а с другой стороны, неразрывную слитность с ними самой основы. Эти черты типичны для синтетического строя»³.

В английском языке так называемая «неомонимическая» конверсия типа *luf-u* — *luf-i-an* наблюдается только в древний период развития языка, т. е. в то время, когда в нем преобладали синтетические черты; по мере же развития элементов аналитического строя она отмирала и в современном английском языке больше не существует. Возникает вопрос: нельзя ли считать такую конверсию примером наличия в древнеанглийском языке подобной «фузионности» морфем, примыкающих к глагольной основе? Действительно ли был прав А. И. Смирницкий, когда считал суффикс *-i-* формообразующим на том основании, что он встречается не во всех глагольных формах? На данный вопрос, очевидно, следует ответить отрицательно, так как отсутствие этого суффикса в других формах объясняется слиянием его с основой (ср. парадигму *lufian* «любить»: *luf-i-e*, *luf-ast*, *luf-a*, мн. число *luf-i-a*, конъюнктив ед. числа — *luf-i-e*, мн. числа — *luf-i-en*, императив — *luf-a*, *luf-i-a* и русск. *бел-ю*, *бел-и-шь*, *бел-и-т*, *бел-и-м*, *бел-и-те*, *бел-ят* и т. д.).

Следовательно, то, что понимается под «неомонимической конверсией», на самом деле есть образование глаголов по способу суффиксации, при котором, благодаря особенностям глагольного словообразования и существованию в древнеанглийском языке синтетических черт, словообразовательные суффиксы в ряде форм сливаются с флексиями. Не случайно и то, что так называемую «неомонимическую конверсию» находят только в области глагольного словообразования.

•

Предыдущее рассмотрение показывает, что анализ сущности конверсии не может быть плодотворным, если не учитывать следующих главных особенностей, характеризующих акт конверсии с «внешней» стороны: 1) при конверсии новое слово образуется не в изолированном виде, а в его сочетании с другими словами; 2) образующееся при конверсии слово в своей основной форме является омонимом основной формы исходного слова; 3) производное слово всегда принадлежит к иной части речи, чем исходное слово.

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, стр. 441.

² Там же, стр. 442.

³ Там же, стр. 441 (разрядка моя. — Ю. Ж.).

Сравним между собой следующие предложения: *I need some good paper for my room* «Мне нужны хорошие обои для комнаты»; *He is papering his room* «Он оклеивает обоями комнату»; *There is little water here* «Здесь мало воды»; *She waters her flowers* «Она поливает цветы».

В чем состояла сущность образования производных глаголов *paper* и *water* во втором и четвертом предложениях? Очевидно, что для создания этих слов потребовалось использовать основу существительных *paper*- и *water*-, оформляя ее в новое слово в других условиях сочетаемости (поставив ее на втором месте в предложении — после имени, оформленного как подлежащее, т. е. на том месте, где обычно стоит часть речи, выражающая действие). В связи с этим произошло и соответственное морфологическое оформление производного слова: *paper*- приняло категорию времени (суффикс *-ing*, сочетание с вспомогат. глаголом *to be* в наст. времени), лица и числа (форма *is*); *water*- приняло те же категории, синкретически выраженные в окончаниях *-s*. Таким образом, в процессе грамматического оформления производного слова новый характер сочетаемости слова вызвал присоединение к основе и других формообразующих элементов.

Можно ли утверждать, что морфологическое оформление слова, поскольку оно выступает здесь как обусловленное сочетаемостью, осуществляется уже после возникновения слова и поэтому не является существенным моментом при его образовании? Для такого утверждения нет оснований потому, что нельзя себе представить хотя бы кратковременное существование слова, грамматически не оформленного¹. Одной же сочетаемости совершенно недостаточно для того, чтобы оформить слово, в связи с чем «... чисто синтаксического словообразования в языке быть не может...»². Следовательно, образование слова путем конверсии представляет собой «двуединный» процесс: новая грамматическая сочетаемость сопровождается одновременным соответствующим морфологическим оформлением слова (либо к основе присоединяются необходимые формообразующие суффиксы и флексии, либо, если в них нет необходимости, слово просто начинает осознаваться как соответственный член определенной парадигмы, соотносящийся с рядом других ее форм, либо, при отсутствии парадигмы, данная форма оформляется по аналогии с оформлением других слов этого разряда). При этом, хотя указанное оформление возникает в зависимости от типа сочетаемости, его роль в общем образовании слова очень велика, так как без него слово не существует.

Выше мы обращали внимание на то, что в современном английском языке средства морфологического оформления слов весьма бедны, парадигмы избилуют омонимными формами, а часто парадигм вовсе нет. В подобных случаях роль синтаксической сочетаемости в оформлении слова естественно возрастает. Однако и в этом случае ограниченная роль парадигмы все же не приводит к возникновению особой «синтаксической» конверсии. Образуемое слово, как и всегда при конверсии, приобретает одновременно и другие синтаксические свойства и новые морфологические категории, даже если последние не выражены специальными формантами. Если же таких формантов, как разграничивающих признаков слова, оказывается мало, то это объясняется не тем, что в данном типе конверсии они мало используются, а тем, что по характеру своей морфологической структуры язык не располагает их большим количеством.

Слабое различие между парадигмами, отсутствие этих различий и отсутствие самих парадигм во многих случаях конверсии в области изменяемых частей речи — это факты, которые приводят нас к неизбежному выво-

¹ Ср.: «Грамматически оформленным является каждое слово...» (А. И. Смирницкий, Лексическое и грамматическое в слове, стр. 19).

² К. А. Левковская, указ. соч., стр. 18.

ду, что ограничивать действие конверсии только этой областью было бы неправомерно. С другой стороны, большая роль грамматической сочетаемости в оформлении производного слова проявляется при конверсии как в области изменяемых, так и среди неизменяемых частей речи. Поэтому образование путем конверсии прилагательного *after* «задний, кормовой» от наречия «позади» или прилагательного *must* «необходимый, обязательный» от глагола «должен» по своему характеру и в принципе не отличается от образования от того же наречия *after* союза «после того, как» или предлога «после» или образования от наречия *why* «почему» междометия «ну, да». Имеющиеся в этих случаях частные различия зависят только от различия в свойствах соответственных частей речи и поэтому являются различиями в н у т р и способа конверсии.

Существование и синтаксических, и морфологических различий между исходным и производным словом при конверсии тесно связано с тем фактом, что оба эти слова принадлежат к разным частям речи. «Основными критериями при разграничении частей речи,— говорит Н. С. Поспелов,— являются... абстрагированное от конкретного содержания лексико-грамматическое значение, характер грамматических изменений слова в его парадигме и специфика грамматической сочетаемости его со словами других лексико-грамматических разрядов. Грамматическая сочетаемость — один из существенных формальных признаков той или другой части речи»¹.

Кроме сочетаемости и парадигмы, при конверсии, несомненно, действуют и другие факторы: порядок слов, изменение значения, различные ассоциации и соотношения с рядами уже существующих слов и т. д., но все они являются второстепенными и зависят от основных действующих факторов — синтаксических и морфологических.

Таким образом, мы приходим к выводу, что современная английская конверсия, как уже указывала проф. В. Н. Ярцева², есть не что иное, как морфологически-синтаксический способ словообразования, при котором словообразовательными средствами являются одновременно грамматическая сочетаемость и грамматическая форма слова («парадигма», при условии широкого понимания этого термина). Акт образования нового слова путем конверсии представляет собой использование основы исходного слова для оформления ее в другое слово в условиях иной грамматической сочетаемости, типичной для другой части речи. В процессе этого оформления к данной основе присоединяются те грамматические форманты, которые необходимы для выражения морфологических категорий, свойственных этой другой части речи в условиях данной сочетаемости.

Напомним, что В. Н. Ярцева пришла к такому определению английской конверсии, исходя из разработанной В. В. Виноградовым классификации способов русского словообразования, согласно которой переход слов из одной части речи в другую относится к морфологически-синтаксическим способам словообразования³. Это мнение разделяется также Н. М. Шанским⁴, а

¹ Н. С. Поспелов, Части речи как проблема структуры языка, сб. «Тезисы докладов на открытом заседании Ученого совета [Ин-та языкознания АН СССР], посвященном дискуссии о проблеме частей речи в языках разных типов, 28—30 июня 1954 г.», М., 1954, стр. 5. (Ср. аналогичное заявление у А. И. Смирницкого в статье «Лексическое и грамматическое в слове», стр. 17.)

² См. В. Н. Ярцева, К вопросу об историческом развитии системы языка, сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию», М., 1952, стр. 75.

³ См. В. В. Виноградов, Вопросы современного русского словообразования..., стр. 4.

⁴ См. Н. М. Шанский, Основы словообразовательного анализа, М., 1953, стр. 7.

по отношению к аналогичному явлению словообразования немецкого языка — М. Д. Степановой, молдавского — Н. Г. Корлэтяну¹.

Современная английская конверсия представляет собой весьма сложное явление, в котором можно выделить целый ряд видов и типов, отличающихся друг от друга определенными особенностями. Именно эта сложность конверсии и послужила причиной той пестроты и противоречивости определений, которую мы встречаем в лингвистической литературе. В сущности каждая из концепций (семантическая, синтаксическая, морфологическая) основывается на рассмотрении какой-нибудь одной стороны данного явления, одного вида или одной ее особенности, не охватывая явление в его целостности.

Детальное исследование отдельных видов и типов конверсии до сих пор еще не осуществлено (что также является одной из причин разногласий в понимании ее сущности). Это исследование может проводиться с различных точек зрения. Наиболее обоснованными представляются следующие принципы классификации: 1) по степени лексической устойчивости производного слова: устойчивая и «окказиональная» конверсия; 2) по принадлежности производного слова к определенной части речи: субстантивация, вербализация, прономинализация, адъективация, адвербиализация и т. д.; 3) по отношению данного акта конверсии к предыдущим аналогичным актам: конверсия «первичная», «вторичная» и т. д.²; 4) по типичности словообразовательных отношений, устанавливающихся при данном акте конверсии: конверсия как модель и конверсия «уникальная».

В заключение следует кратко остановиться на окказиональной конверсии, результатом которой, в отличие от конверсии устойчивой, является так называемое «потенциальное слово»³, не вошедшее еще в словарный состав языка в качестве постоянно употребляющейся единицы и не закрепившееся в морфологических категориях данной части речи. Отнесение этого вида конверсии к числу способов словообразования является в известной степени условным, поскольку образуемая единица не имеет общеупотребительного характера. Исходя из этого, некоторые исследователи считали, что в данном случае имеет место не конверсия, а «использование слова в нетипичной для этой части речи синтаксической функции»⁴, другие же выделяли случаи окказиональной конверсии в особый вид «синтаксической» конверсии⁵. Обе точки зрения представляются нам необоснованными. Вряд ли можно утверждать, что употребляемые в уже приводившемся выше примере *he would have iffed and anded and butted it around* слова *if*, *and* и *but* являются союзами, употребленными в синтаксической функции глагола, так как в данном случае у них ни в синтаксическом, ни в морфологическом отношении нет уже ничего общего с союзами. С другой стороны, эти слова характеризуются не только новыми синтаксическими свойствами, но и другим морфологическим оформлением, что не позволяет считать этот вид конверсии «синтаксическим».

Хотя окказиональная конверсия имеет, как правило, индивидуальный, субъективный характер, она является необходимой начальной ступенью, из которой в дальнейшем может развиваться устойчивая конверсия. Не каждый случай окказиональной конверсии развивается в устойчивую кон-

¹ См. М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка, М., 1953, стр. 63; Н. Г. Корлэтяну, Конверсия в современном молдавском языке, ВЯ, 1956, № 3, стр. 84—96.

² См. С. М. Костенко, указ. соч., стр. 15.

³ Термин А. И. Смирницкого (см. его книгу «Объективность существования языка», стр. 17).

⁴ См. В. Н. Ярцева, указ. соч., стр. 75.

⁵ См. Н. Г. Корлэтяну, указ. соч., стр. 88.

версию, но в основе каждого случая устойчивой конверсии лежит конверсия окказиональная. Поэтому более правомерным было бы рассматривать случаи окказиональной конверсии в общей системе словообразования наравне с прочими *неологизмами*, которые постоянно образуются в языке по любому из продуктивных способов словообразования и вначале носят обычно субъективный характер.

Вряд ли надо доказывать здесь ошибочность попыток ограничить конверсию как способ словообразования одной вербализацией или даже образованием только отыменных глаголов¹. Нельзя согласиться и с выделением из конверсии субстантивации как особого и якобы отличного от нее способа словообразования². Все разобранные виды безаффиксального образования слов, отнесенные нами к конверсии (в том числе и субстантивация), по характеру и словообразовательным средствам не имеют никаких принципиальных различий и принадлежат к морфолого-синтаксическому способу словообразования.

¹ См. С. М. Костенко, указ. соч., стр. 3.

² См. там же, стр. 5; см. также: К. А. Левковская, указ. соч., стр. 20.

Т. А. БЕРТАГАЕВ

СУБЪЕКТ И ПОДЛЕЖАЩЕЕ

В лингвистической литературе вопросу о взаимоотношении субъекта и подлежащего уделяется мало внимания. Между тем определение взаимоотношений субъекта и подлежащего представляет собой важную и необходимую предпосылку исследования структуры предложения. Например, правильная постановка изучения так называемых причастных или деепричастных оборотов, сложных предложений и т. п. в алтайских и некоторых других языках в значительной мере зависит от решения вопроса о том, каковы природа и особенности субъекта и подлежащего, каковы их связи со смежными категориями и место в структуре предложения.

Некоторые исследователи монгольских, тюркских, корейского и японского языков нередко приравнивают субъект к подлежащему, не находя между ними никаких различий, в силу чего каждое имя существительное со значением субъекта, оформленное в том или ином падеже, рассматривается как подлежащее¹.

*

Прежде чем приступить к анализу взаимоотношений субъекта и подлежащего, необходимо заметить, что логики под термином «субъект» понимают элемент суждения². В грамматической же литературе субъект прежде всего понимается в смысле исполнителя или источника действия, а не элемента суждения. Такой субъект может быть выражен и в именном словосочетании, по своему содержанию ни в коей мере не являющемся суждением³, и в словосочетании с причастием или деепричастием (в этом случае Е. С. Истрина называет его «субъектом словосочетания»⁴).

Не задаваясь целью составить реестр употребления субъекта действия в значениях, отличных от логического субъекта, отметим только, что Е. С. Истрина права, когда, имея в виду, очевидно, исполнителя действия, а не логический субъект, приходит к заключению, что «субъект — синтаксическая категория, словесное выражение которой более свободно, чем данное грамматическое подлежащее»⁵. Синтаксический или граммати-

¹ См., например: Г. Д. С а н ж е е в, Синтаксис монгольских языков, [М.], 1934, стр. 63—64; А. А. Х о л о д о в и ч, Очерк грамматики корейского языка, М., 1954, стр. 236—237; Н. П. Д ы р е н к о в а, Грамматика ойротского языка, М.—Л., 1941, стр. 273—274; З. К. К а с ь я н е н к о, К вопросу о сложноподчиненном предложении в современном монгольском языке. Автореф. канд. диссерт., Л., 1953, стр. 6, 11.

² См. об этом, например: В. Ф. А с м у с, Логика, [М.], 1947, стр. 71; «Логика» под ред. Д. П. Горского и П. В. Тавлица, М., 1956, стр. 75; см. также М. С. С т р о г о в и ч, Логика, М., 1949, стр. 147—148.

³ Суждение здесь принято в том понимании, в каком оно трактуется советскими логиками, в частности П. В. Тавлицом, а не в широком толковании философов-идеалистов.

⁴ См. Е. С. И с т р и н а, Субъект и подлежащее как синтаксические термины, «Уч. зап. Казахск. гос. ун-та им. С. М. Кирова», т. XI—Русский язык, казахский язык и история, Алма-Ата, 1946, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 30.

ческий субъект является элементом мысли вообще, представленным в грамматической системе в виде субъекта действия¹. Грамматическое же подлежащее, выражая один из его видов, во многих случаях не совпадает с логическим субъектом². Словесное оформление этих двух категорий может быть различным; так, в примере: [*Кому же, как не нам* | *возглавить борьбу против буржуазной идеологии* — логический субъект выражен словами, которые никак не могут быть подлежащим.

Оформление подлежащего может полностью совпадать со словесным выражением логического субъекта только в определенных синтаксико-семантических условиях, в частности в тех случаях, когда предложение является двусоставным нераспространенным и содержание его подлежащего представляет предмет суждения. Стало быть, определение: «подлежащее обозначает тот предмет, о котором что-либо говорится в предложении»³, не может считаться полным и точным. Подлежащее выражает тот субъект, который мы назвали выше исполнителем действия или же который вслед за Е. С. Истрипой можно именовать синтаксическим субъектом⁴ или субъектом действия. Однако не всякий синтаксический субъект является подлежащим, поскольку субъект может иметь различные смысловые оттенки (см. об этом ниже). Подлежащее в отличие от других членов предложения выражает свой особый синтаксический субъект или субъект действия.

Для того чтобы выяснить, чем отличается субъект действия, или синтаксический субъект, выраженный подлежащим, от субъекта, выраженного второстепенными членами предложения, необходимо выяснить, что же представляет собой в смысловом отношении субъект, выраженный этими членами предложения. Известно, что форма слова накладывает свой отпечаток на передаваемое им значение. Поэтому субъект действия, выраженный той или иной формой слова, приобретает ту или иную смысловую окраску, свойственную этой форме слова⁵.

В этом отношении характерными являются субъекты действия причастных словосочетаний в монгольских языках, передаваемые формами родительного, исходного и винительного падежей существительного. Например, в сочетании *Дондогийн* (род. п.) *ерэхэдэ* «когда пришел Дондок» (буквально: «Дондока прихожу») субъект действия *Дондок* представлен в виде субъекта с оттенком possessивности; в сочетании *Дондоогоос* (исх. п.) *үгэ хэлэхэдэ* «когда говорил Дондок» (буквально: «от Дондока слова сказанному») субъект выступает как отправной пункт действия признака; в сочетании же *хабарийг* (вин. п.) *ерэхэдэ* «когда наступила весна» (буквально: «весну прихожу») — в виде пассивного субъекта с оттенком объектности⁶.

¹ «Действие» в предлагаемой статье понимается широко: под этим словом подразумевается значение всех глагольных форм, включая и служебные формы глагола, а также отглагольные существительные.

² См. об этом П. В. Т а в а н е ц, Суждение и его виды, М., 1953, стр. 39—41.

³ «Грамматика русского языка», ч. II — Синтаксис. Учебник для 6-го и 7-го классов семилетней и средней школы. 5-е изд., испр. и доп., под ред. акад. И. В. Шербы, М., 1944, стр. 2.

⁴ Лучше было бы называть грамматическим субъектом, но последний термин во многих языковедческих исследованиях принято употреблять в значении грамматического подлежащего, что, с нашей точки зрения, является неверным и ведет к уравниванию выражаемого и выражающего.

⁵ Иной характер носит оттенок объектности в субъекте, выраженном подлежащим в предложении со сказуемым — глаголом страдательного залога: *би хаягдааб* «я побежден». Возникновение в данном случае такой смысловой окраски обусловлено не падежной формой, а значением глагольной формы.

⁶ Впрочем обе последние формы субъекта — исходный и винительный падежи — синонимичны родительному, или могут быть им заменены, или реализованы в другом диалекте (соответственно в родственном языке) формой родительного падежа. Поэтому они обе имеют еще оттенок possessивности.

Субъект действия может иметь оттенок адресата, которому как бы позволено совершить данное действие: *Би залуу хүн байнам. Алтан дэлгэй дээрэ намда үшөө ябажа боломоор байгаа* «Я молодой, и мне на белом свете еще можно было бы жить». Субъект действия, выраженный существительным в творительном падеже, может выступать в качестве орудия действия другого субъекта: *Шодон Дэлгэрээр боожоо барюулаад ябашаар ханажа ерээ* «Шодон хотел было возвращаться домой, взяв в качестве кучера Дэлгэра» (буквально: «Шодон, Дэлгэром вожжи свои держа, хотел вернуться домой»).

В приведенных выше примерах каждый субъект действия осложнен каким-то своим смысловым оттенком, и ни один из них не выступает в своем непосредственном, прямом значении субъекта; слова, обозначающие любой из этих субъектов, в предложении являются второстепенными членами — определениями или дополнениями. Поэтому такие субъекты можно назвать условно «косвенными субъектами действия». В отличие от определений и дополнений со значениями «косвенных субъектов», подлежащее выражает субъект в прямом, непосредственном, начальном значении, т. е. в значении, свободном от дополнительной смысловой нагрузки, связанной с формами слова. Такой субъект действия, или синтаксический (грамматический) субъект, можно назвать «прямым» или «свободным субъектом действия», и он, как было сказано выше, только в известных случаях может совпадать с логическим субъектом и быть ему адекватным.

«Прямой субъект» требует сказуемого, если так можно выразиться, с «прямым» значением. Иначе говоря, сказуемое должно выступать в своем непосредственном значении, оно не должно иметь тех отклонений в сторону значений второстепенных членов, какие обычно имеют так называемые второстепенные сказуемые, выраженные причастием или деепричастием. Поэтому, например, существительные в родительном (ненулевом и нулевом, заменяющем первый) падеже, выступающие со значением «косвенного» субъекта в причастных и деепричастных оборотах, нельзя считать подлежащими так же, как и имена в родительном падеже при отглагольных именах существительных.

Существительное в родительном (ненулевом и нулевом) падеже, выражающее действующий субъект с оттенком possessивности, в обоих случаях представляет собой синтаксическое определение, отвечающее на вопрос *хэнэй юунэй* «чей». Причастие и деепричастие в этих случаях ведут себя как и отглагольное существительное, ср.: *Газарай долоондо жэмэс унаад мухарба* «при землетрясении (буквально: «трясении земли») плод упал и покатылся» — *газарай долоондо жэмэс унаад мухарба* «когда затряслась земля...» — *газарай долоондо жэмэс унаад мухарба* «как только земля затряслась...». Все три сочетания в синтаксическом отношении не отличаются друг от друга и имеют разницу только в оттенках выражения времени (ср. последние два оборота). Но как причастие, деепричастие, так и отглагольное существительное действие выражают иначе, чем сам глагол: первые два передают действие в виде пассивного признака, а отглагольное существительное переводит выражение действия в план предметности.

Ясно, что действие, выраженное причастием, деепричастием и отглагольным существительным, нельзя ставить в один ряд с действием, выраженным собственно глаголом; следовательно, причастие, деепричастие и отглагольное существительное, с одной стороны, и личные формы глагола, с другой, нельзя ставить в один синтаксический ряд: глагол является сказуемым сам по себе, причастие же, деепричастие и отгла-

гольное существительное не могут быть сказуемыми сами по себе, без связи, и являются в предложении какими-нибудь другими его членами.

Нет и не может быть такого положения, чтобы одна и та же синтаксическая категория в оборотах (которые некоторые монголисты считают «придаточными предложениями») имела одну форму выражения, а в предложениях — другую. Иными словами: подлежащее не может быть выражено в оборотах формами винительного, родительного и исходного падежей существительного, а в предложении — только именительным. Следует заметить еще, что как причастия, так и деепричастия выполняют одни и те же синтаксические функции независимо от того, входят ли они в состав оборотов или выступают в качестве одиночных определений. Вот почему в предложении *Хүлтэй хүнэй гэшхээгүй, хүлэг мориной ябаагүй дабашагүй дабаае даба дабааардабаба* «Перевалил через непреодолимую гору, на которую не ступала ни нога человеческая, ни конские копыта» обороты *хүлтэй хүнэй гэшхээгүй* и *хүлэг мориной ябаагүй* по своей синтаксической функции ничем не отличаются от одиночного простого причастия *дабашагүй* и представляют собой однородные с ними определения.

Более того, если мы сравним два оборота: *Хомхой баянай баясан хэбтэхэ сагта, гурбан наймаашан ерэнэ* «В то время, когда жадный богач лежал в веселом настроении, к нему пришел три торговца» и *Хомхой баянай баясан хэбтэхэдэ...* «Когда жадный богач лежал в веселом настроении...», то обнаружится, что между ними нет никакой разницы ни в отношении интонации и каких-либо других синтаксических свойств, ни во взаимоотношениях слов, ни в их значениях. Следовательно, оба сравниваемых оборота синтаксически равноценны и являются распространенными обстоятельствами времени. Если рассматривать второй, причастный, оборот как предложение, то, очевидно, предложением нужно считать и первый оборот. А это нелепо, потому что *хэбтэхэ сагта* «во время лежания» (буквально: «лежащее время») никак не может являться сказуемым.

Следующей особенностью грамматического подлежащего является то, что сказуемое грамматически согласуется с подлежащим в лице и числе. Имена же в косвенных падежах со значением «косвенного» субъекта сами зависят от причастия, деепричастия и отглагольного существительного.

Итак, причастные и деепричастные обороты с родительным субъекта (соответственно с исходным и винительным) по своим синтаксическим функциям и по характеру выражения отношений к другим словам не отличаются не только от одиночных причастий и деепричастий, но даже от отглагольных существительных. «Косвенный субъект» причастных и деепричастных словосочетаний не может рассматриваться как подлежащее, так как подлежащее есть независимый член предложения, выраженный в основной, начальной форме слова и передающий субъект действия в прямом, непосредственном значении¹.

Из сказанного выше можно заключить следующее:

1. Логический субъект, являющийся элементом суждения, в большинстве случаев не совпадает с синтаксическим (грамматическим) субъектом.

¹ Интересно, что в современном халхаском языке форма исходного падежа существительного при сказуемом-глаголе по своей функции близка к форме им. падежа. В предложении *Багшаас намайг дуудаж самбарт гаргаад гарт минь шохой өгэв* «Учитель (буквально: «от учителя»), вызвав меня к доске, дал мне в руки мел» исходный падеж выражает субъект не прямой, но максимально приближающийся к субъекту-подлежащему. Такое предложение является стилистическим вариантом обычного предложения и употребляется с оттенком почтительного или уважительного отношения к субъекту действия, который не сам производит действие, а как бы поручает его производить другому. Подобное предложение, очевидно, является односоставным, относящимся к группе определенно-личных. Такой тип предложений наблюдается только в тех случаях, когда субъект действия представляет собой разумное существо.

под которым понимается исполнитель действия, выраженный именем в различных формах падежей.

2. Понятие «синтаксический (грамматический) субъект» (или «субъект действия») неоднородно: к нему относится так называемый «косвенный субъект», выступающий с значениями посессивности, орудия действия и т. д., равно как и «прямой или свободный субъект» в его непосредственном значении, свободном от дополнительных смысловых оттенков.

3. В роли подлежащего выступает слово в его основной начальной форме, обозначающее субъект действия в прямом, непосредственном значении и имеющее при себе сказуемое, грамматически с ним связанное.

4. Подлежащим не может являться слово, обозначающее «косвенный субъект».

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

И. П. РАСПОПОВ

К ВОПРОСУ О ПРЕДИКАТИВНОСТИ

В решении вопроса о выявлении предикативности в структуре предложения в нашей лингвистической литературе за последнее время наметилось два основных направления. Некоторые лингвисты, настаивающие на тезисе об обязательной двучленности мысли, видят выражение предикативности прежде всего в отношениях между субъектом и предикатом и конкретно в предложении — в отношениях между подлежащим и сказуемым. Представители другого направления рассматривают предикативность более широко, считая, что основное значение этой категории определяется отношением содержания предложения к действительности и не ограничивается отношениями между подлежащим и сказуемым.

На обязательной двучленности мысли особенно настаивает проф. В. Г. Адмони¹, распространяющий этот тезис и на структуру предложения. Стремясь во что бы то ни стало найти в любом предложении два состава, В. Г. Адмони предлагает ввести понятия двусоставности синтаксической (она проявляется в отношениях между синтаксическими членами предложения, например в конструкциях типа *Мы трудящиеся*, *Мы работаем*) и двусоставности морфологической (она обнаруживается в отношениях между основой и флексией в структуре слова, например в односоставных предложениях *Светает*, *Приду* и под.)². На основе принципа двусоставности (и понимая предикативность как отношение между составами) В. Г. Адмони, естественно, приходит к выводу, что образцовым структурным типом предложения в языке является двусоставное предложение с четко выраженной конструктивной связью между его главными членами. Остальные структурные типы предложения с этой точки зрения по существу оказываются неполноценными, поскольку в них двусоставность «не всегда может получить свое четкое выражение».

Думается, однако, что такой подход не способствует выявлению сущности предложения во всем многообразии его функций и структурных форм в языке. Деление двусоставности на синтаксическую и морфологическую искусственно лишено внутреннего смысла и практически нецелесообразно. Оно неизбежно ведет к морфологизации синтаксических явлений, к натяжкам в объяснении структуры предложения. Вызывают сомнения и исходные положения этой концепции — рассуждения В. Г. Адмони относительно того, что акт речевого общения «может осуществлять свое назначение только будучи по своему содержанию сочетанием двух (по меньшей мере...) компонентов»³. Верно, что простое название одного чего-то не будет сооб-

¹ В. Г. Адмони, О двусоставности предложения, «Уч. зап. [1-го ЛГПИИЯ]», Новая серия, вып. II — Вопросы грамматики и лексикологии, 1955, стр. 139.

² Там же, стр. 141 и далее.

³ Там же, стр. 139.

щением. Но ведь это «одно что-то» (предмет, явление и т. д.) может констатироваться говорящим как нечто осуществляющееся, имеющее место в действительности, и в таком случае двусоставность предложения-суждения (такого, например, как *Светает*) вовсе не является обязательной¹. Социальная природа акта речевого общения (а этим как раз и обосновывает В. Г. Адмони тезис о двусоставности предложения-суждения) состоит не в том, что он должен быть обязательно двусоставным, а в том лишь, что он выражает взаимоотношение между говорящим и слушающим.

Другую и, на наш взгляд, более верную точку зрения на природу предикативности высказывает акад. В. В. Виноградов, который утверждает, что «предикативность не всегда выражается в предикативной связи между... членами предложения», что «предикативность может быть присуща предложению в целом и не вызывать его расчленения»².

Следует подчеркнуть, что выражение и выявление предикативности в предложении прямо связано с его семантико-функциональной (коммуникативной) направленностью. Согласно учению о так называемом актуальном (смысловом) членении предложения (В. Матезиус), в любом предложении, независимо от его структуры и формально-грамматического состава, выражается нечто «новое», неизвестное для собеседника. Предикаторство, т. е. отнесение к действительности, прежде всего и касается этого «нового». Оно может приписываться как признак, действие, свойство, местная, временная и т. д. локализованность какому-то выраженному в предложении, названному «данному» (предмету речи), но может и непосредственно соотноситься с действительностью³. Причем, как известно, в конкретном предложении «новое» и «данное» далеко не всегда совпадают с грамматическим сказуемым и грамматическим подлежащим.

Возникает вопрос: есть ли какая-нибудь взаимозависимость между формально-грамматической структурой предложения и его семантико-функциональной (коммуникативной) направленностью? Одну из последних попыток ответить на этот вопрос мы находим в статье К. Г. Крушельницкой⁴. К. Г. Крушельницкая пишет, что каждый член предложения обычно имеет вполне определенную коммуникативную нагрузку, которая свойственна ему, так сказать, по природе. «Так, например, подлежащее преимущественно является данным в предложении... Такие же члены предложения, как обстоятельство образа действия и сказуемое, несут преимущественно нагрузку нового»⁵.

Конечно, при этом отмечается (и раскрывается на большом количестве примеров), что данное соотношение может существенно видоизменяться за счет порядка слов и интонации. Но остается недостаточно ясным, являются ли порядок слов и интонация какими-то дополнительными факторами, определяющими смысловую нагрузку членов предложения независимо

¹ Разумеется, предмет суждения и здесь налицо — это сама действительность. Но предмет суждения вовсе не тождествен субъекту суждения. Двусоставность предложения-суждения в данном случае можно было бы принять только в том смысле, что его содержание (первый компонент) соотносится с действительностью (второй компонент), т. е. предикаторству. Но В. Г. Адмони иначе понимает предикативность и говорит об отношениях двух членов в составе самого предложения-суждения.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 87. См. об этом также в статье: И. П. Ра с п о в, К вопросу о модальности предложения, «Уч. зап. Благовещенского гос. пед. ин-та им. М. И. Калинина», т. VIII, 1957.

³ В этом отношении весьма плодотворными (хотя в применении к конкретным примерам и не всегда верными) являются соображения акад. Л. В. Щербы об одночленной и двучленной фразе (см. Л. В. Щ е р б а, Фонетика французского языка, М.—Л., 1937, стр. 117—118).

⁴ К. Г. К р у ш е л ь н и ц к а я, К вопросу о смысловом членении предложения, ВЯ, 1956, № 5.

⁵ Там же, стр. 59.

от структуры предложения в целом, или они тесно спаяны с грамматической структурой предложения и выполняют свою роль во взаимодействии друг с другом.

Нам представляется, что вопрос о соотношении грамматического и актуального (смыслового) членения предложения, который непосредственно связан с проблемой предикативности, может быть правильно решен только при учете всех факторов структурной организации предложения в их сложном и многообразном взаимодействии.

*

Прежде чем перейти к характеристике видов и способов выражения предикативности в различных структурно-грамматических типах предложения, необходимо сделать несколько замечаний относительно структуры и сущности предложения вообще.

1. Безусловно ошибочно мнение, согласно которому структуру предложения ограничивают его грамматическим членением, а такие факторы, как порядок слов и интонация (особенно последняя), рассматривают как нечто дополнительное, второстепенное, зависящее только от субъективной установки и воли говорящего¹. Соотношение предложения и суждения, структура предложения и его коммуникативное значение в речи в полной мере могут быть выявлены лишь при условии, если мы признаем, что «фактически предложение существует как определенное единство своего состава, интонации и порядка слов»².

2. Было бы также неверно думать, что отнесенность выраженного в предложении содержания к действительности устанавливается одновременно какими-то двумя путями: через грамматически типизированную связь сказуемого с подлежащим и — по воле говорящего — за счет порядка слов и интонации³. С нашей точки зрения, эта отнесенность устанавливается только одним путем, а именно — через отношение «предмета речи» («данного»), которым может быть и сама действительность, и «нового».

3. В простом предложении не может быть одновременно нескольких предикатов, которые, как это пытаются доказать Н. И. Жинкин⁴, утверждаются или снимаются в зависимости от цели высказывания. В предложении *Хороший человек пришел* он видит, например, два предиката — предикат первого порядка (который является целью данного сообщения; в рассматриваемом примере — *пришел*) и предикат второго порядка (который потенциально претендует на эту роль; здесь: *хороший*).

Все рассуждения Н. И. Жинкина относительно иерархии предикатов имеют целью обосновать известное мнение о том, что одно и то же предложение — при изменении порядка слов и интонации — может выражать собою несколько различных суждений. Но это неверное мнение: «...изменение порядка слов или логического ударения означает изменение не только суждения, но и предложения (если брать его во всем многообразии)»⁵.

¹ Такое узкое понимание структуры предложения, хотя оно за последнее время взято под сомнение большинством ученых, все еще отстаивается некоторыми лингвистами и логиками. См. например, В. П. Х о р о в, О соотношении субъектно-предикатной структуры суждений и грамматического строя двусоставных предложений. Автореф. канд. диссерт., Л., 1955, стр. 14—15.

² «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, стр. 89.

³ Такой взгляд высказывает, в частности, В. Г. Адмони, противопоставляющий логико-грамматический аспект предложения так называемому аспекту познавательной установки (см. В. Г. А д м о н и, Введение в синтаксис современного немецкого языка, М., 1955).

⁴ Н. И. Ж и н к и н, Вопрос и вопросительное предложение, ВЯ, 1955, № 3.

⁵ М. Н. А л е к с е е в и Г. В. К о л ш а н с к и й, О соотношении логических и грамматических категорий, ВЯ, 1955, № 5, стр. 13.

И соответствие предложения тому или иному суждению, и его структура в целом обуславливаются познавательной установкой говорящего, раскрывающего определенные стороны действительности и соотносящего с действительностью свое высказывание.

Таким образом, если согласиться, что отнесенность высказываемого в предложении содержания к действительности непосредственно отражает познавательную установку говорящего (а в этом и состоит коммуникативная сущность предложения), то весь вопрос о способах выражения предикативности (и предикации) сводится к вопросу о том, как выражается и оформляется в предложении «новое». В дальнейшем мы и будем называть «новое» предикативной или предизируемой частью, для того чтобы таким названием подчеркнуть прямую связь понятий семантико-функциональной (коммуникативной) направленности предложения и предикативности.

*

Прежде всего попытаемся выяснить, как осуществляется предизирование в двусоставном предложении и какую роль в этом отношении играет синтаксическое сказуемое. Одним из наиболее часто встречающихся типов двусоставного предложения в русском языке являются предложения с так называемым простым глагольным сказуемым. В таких предложениях, по распространенному мнению, предизируемая часть выражается обычно указанным сказуемым или всем составом сказуемого. При этом подлежащее (или состав подлежащего) выполняет роль «данного», указывает предмет речи. Например: *Дядя — приехал; Наш дядя — сегодня приехал из города и под.*

Обычность предикативной функции глагольного сказуемого в подобных случаях объясняется, кроме всего прочего, тем, что оно обладает грамматическими категориями наклонения (модальности), времени и лица и, таким образом, не только соотносит высказанное в предложении содержание с действительностью, но и указывает конкретные формы бытия предмета (во времени и в отношении к нему говорящего). Это наиболее простой — хотя и наиболее типичный — случай.

Попробуем видоизменить форму рассматриваемых предложений путем изменения интонации и порядка слов. Произнесем предложение с логическим ударением на первом слове: *Дядя приехал.* В таком случае синтаксическое подлежащее (*дядя*) будет уже входить в состав «нового», в состав предизируемой части (по-видимому, вместе со сказуемым), и все предложение получит иной смысл (например, оно может представлять собой ответ на вопрос: что там случилось?).

Более разнообразные смысловые отношения могут быть выражены путем изменения интонации и порядка слов во втором предложении. Предложение *Сегодня из города приехал наш дядя* имеет значение простой констатации факта. Здесь налицо предизирование высказывания в целом; глагольное сказуемое входит в состав предизируемой части как ее центральный член. При изменении порядка слов и интонации: *Наш дядя приехал из города — сегодня* (ответ на вопрос: когда приехал из города наш дядя?) — глагольное сказуемое само по себе, по-видимому, уже не входит в состав «нового» (предизируемой части) и его роль ограничивается только выражением связи между субъектом действия и «новым» (указание времени). Уже этот простой эксперимент показывает, что использование глагольного сказуемого для выражения предикативности (во взаимодействии с другими факторами) характеризуется большим разнообразием.

Наблюдение над конкретным языковым материалом позволяет установить в предложениях с глагольным сказуемым несколько различных типов

предсказания в зависимости от определенного смыслового задания — с соответствующими изменениями в структуре этих предложений.

1-й тип: предложения, выражающие простое констатирование факта. В таких предложениях, как уже было отмечено выше, содержится только «новое», в них налицо предсказание высказывания в целом; предметом речи здесь выступает сама действительность. Порядок слов в таких предложениях располагается по схеме: на первом месте — состав сказуемого, на втором — состав подлежащего; при этом логическим ударением специально не выделяется ни один из членов, и мелодический рисунок предложения в целом характеризуется ровным понижением тона к концу (по типу одночленной фразы): «Приближалась осень, и в старом саду было тихо, грустно и на аллеях лежали темные листья» (Чехов, Ионыч); «Был осенний холодный день. К крыльцу главной гостиницы губернского города С...а подъехала дорожная коляска...» (Тургенев, Рудин).

2-й тип: предложения, выражающие развернутое высказывание о каком-то предмете или лице. В таких предложениях наблюдается уже четкое расчленение высказываемой мысли, здесь налицо и «данное» (предмет речи) и «новое» (предсказываемая часть). Наиболее обычная форма этих предложений: на первом месте — состав подлежащего, на втором — состав сказуемого; логическое ударение не играет особой роли, мелодический рисунок характеризуется повышением тона в начале предложения с последующим падением (по типу двучленной фразы): «Отряд был уже в самой низине и быстро приближался к лесу...» (Фадеев, Разгром); «Казачий эскадрон скрылся в березовой роще» (там же).

Сохранение указанного типа предикации может наблюдаться и при изменении данного порядка слов в предложении, когда состав подлежащего и состав сказуемого меняются своими местами. Однако при этом обязательным оказывается специальное интонационное (и, в частности, акцентное) выделение состава сказуемого: «Раздвоенной, диковинной жизнью жил эти дни Яков Лукнич» (Шолохов, Поднятая целина).

3-й тип: предложения, которые имеют специальное уточняющее значение относительно какого-то факта, события, действия или состояния определенного лица (предмета) и т. д. В таких предложениях предсказываемая часть выражается не всем составом сказуемого, а отдельными членами этого состава (чаще всего обстоятельством). Порядок слов в этих предложениях может совпадать с предыдущим типом, но член предложения, выражающий «новое», всегда специально выделяется в них при помощи логического ударения или ставится на самый конец фразы: «Давыдов долго бежал, держась за грядущку саней, пытаясь согреть ноги, потом вскочил в сани и, притаившись, задремал...; ...Он проснулся от холода, взявшего в тиски сердце...» (Шолохов, Поднятая целина); «По словам разведчика, главный японский штаб стоял в Яковлевке» (Фадеев, Разгром).

Благодаря такому специальному выделению «нового» в этих предложениях (без изменения их основного значения) вполне допустимо и нарушение обычного порядка слов (подлежащее и сказуемое в них могут меняться местами); «Умер он [Власов] от гриппа. Он умер утром, в те минуты, когда гудок звал на работу» (Горький, Мать); «Выехал Яков Лукнич с утра... В дуброву приехал он около полудня... В хутор Лукнич вернулся только ночью» (Шолохов, Поднятая целина).

Несколько иной характер предсказания наблюдается в предложениях с именным сказуемым. По своему содержанию такие предложения более или менее однотипны. Это всегда определенные высказывания о каком-нибудь лице или предмете. Обычно «данное» (предмет речи) в них выражается подлежащим, а «новое» (предсказываемая часть) — сказуемым. Такое соотношение специально подчеркивается интонацией, свойственной

двучленной фразе. Порядок слов в этих предложениях (в соответствии с их семантико-функциональным значением), как правило, представляет собой устойчивую схему: на первом месте — состав подлежащего, на втором — состав сказуемого: «...человек — кузнец своему счастью» (Федин, Первые радости); «Сабуров был вполне человеком своего поколения» (Симонов, Дни и ночи); «Погода стояла прекрасная...» (Тургенев, Отцы и дети).

Этот порядок слов в ряде случаев играет не только смысловую, но и грамматически определяющую роль, например, в так называемых предложениях тождества.

Частичное изменение порядка слов при сохранении семантико-функциональной направленности предложения («данное» выражается подлежащим, предиктируемая часть — составом сказуемого) может иметь место в предложениях связочного типа: «Считался Яков Лукич в хуторе человеком большого ума, лисьей повадки и осторожности» (Шолохов, Поднятая целина).

Нередко (опять-таки при сохранении основного типа предикации) на первое место в таких предложениях выносятся обстоятельственные слова: «Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами» (Лермонтов, Герой нашего времени); «Сегодня вы так же свежи и милы, как это утро» (Тургенев, Рудин).

Однако, наряду с указанным типом предикации, и в этих предложениях вполне допустимо иное семантико-функциональное соотношение составов подлежащего и сказуемого, когда «данное» выражается сказуемым, а «новое» — подлежащим. Такой тип соответственно связан с противоположной схемой порядка слов: на первом месте — состав сказуемого, на втором — состав подлежащего: «Замечательнейшим свойством Валетки было его непостижимое равнодушие ко всему на свете...» (Тургенев, Ермолай и мельничиха); «Больше всех смущен был старый граф» (Л. Толстой, Война и мир); «В Серпухове, станций за несколько от Москвы, у них ямщиком очутилась баба» (Писемский, Тысяча душ).

Но при наличии особого акцентного выделения состава сказуемого и при данном порядке слов сохраняется основной тип предикации: «Темно и скромно происхождение нашего героя» (Гоголь, Мертвые души); «Неестественно и тяжело ему казалось такое неумеренное чтение» (Гончаров, Обломов).

Как видим, синтаксическое сказуемое во многих случаях входит в состав предиктируемой части только при наличии определенных синтаксических условий, а нередко оказывается и за пределами этого состава¹.

*

Особое выражение получает предиктирование в односоставных предложениях. Эти предложения по своему содержанию и целевой направленности в основном означают констатацию факта. Некоторые из них называют предмет речи и утверждают его бытие. В них содержание высказывания ограничивается отношением названного предмета речи к действительности. Таковы номинативные бытийные (экзистенциальные) предложения: «Утро. Сквозь льдяные кружева, покрывающие оконные стекла, пробивается в детскую яркий солнечный свет» (Чехов, Событие); «Ночь. В холодном лун-

¹ В свое время еще В. Сланский совершенно верно заметил: «...вопрос о видах грамматических сказуемых есть не больше, как часть вопроса о тех способах, какими вообще выражается в предложениях всё, что только может ими в реальном смысле выражаться» (В. С л а н с к и й, Грамматика — как она есть и как должна бы быть, СПб., 1887, стр. 119). Об этом же пишет И. И. Мещанинов: «Не всякое содержание предикативности выражается только сказуемым, и, наоборот, сказуемое есть лишь одна из разновидностей передачи предикативности...» (И. И. М е щ а н и н о в, Предикативность, сказуемость и глагольность, «Вестник ЛГУ», 1946, № 4—5, стр. 121).

ном небе растаял последний теплый мазок вечерней зари» (А. Кожевников, Живая вода).

Этим предложениям свойственно предцирование в целом, причем таким предцированием бытие предмета не конкретизируется, а только указывается как бытие, существование вообще. Это так называемое простое общее предцирование; оно осуществляется преимущественно средствами интонации.

Более разнообразны по содержанию и целевой направленности односоставные безличные предложения. В собственно безличных предложениях типа *Светает*, *Холодно* и под. предметом речи ситуативно является сама действительность. Конкретизация того или иного проявления действительности в данных предложениях составляет основу, суть предцирования; это так называемое простое конкретное предцирование: «*Вечерет*. В окно смотрит голубая весна» (Пришвин, Корень жизни); «*Светает!* Ах, как скоро ночь минула!» (Грибосдов, Горе от ума).

В безличных предложениях с названным субъектом состояния, типа *Олея ранило стрелой*, *Мне что-то не работается сегодня* и др., мы имеем уже иной характер предцирования. Здесь может быть наличие (в случае интонационного расчленения) и предмет речи, и «новое» (предцируемая часть). В большинстве случаев «новым» в таких предложениях является состояние, приписываемое названному в форме дательного или винительного падежа субъекту. При этом дательный (или винительный) субъекта ставится на первое место, а основной акцентный вес в предложении (в соответствии с указанным смысловым заданием) ложится на группу слов, связанных с главным членом предложения: «Петрушке приказано было оставаться дома, смотреть за комнатой и чемоданом» (Гоголь, Мертвые души); «Старик, провозжая Василия Андреича, вынес фонарь в сени и хотел осветить ему, но фонарь тотчас же задуло» (Л. Толстой, Хозяин и работник).

Аналогичные смысловые отношения сохраняются и при изменении данного порядка слов, если главный член, обозначающий состояние (или действие), несет на себе усиленное логическое ударение: «Хорошо, что Аксинья ушла, а то *ушибло бы её*» (Горький, Мои университеты); «Эту ночь *не спалось* Татьяне...» (Бабаевский, Свет над землей).

Но при изменении порядка слов, сопровождающемся переносом логического ударения на субъект состояния, «новым» в предложении оказывается уже названный субъект:

Любовь мы завещаем женам
Воспомянь сыновьям,
Но по полям, войной сожженным,
Идти завещано друзьям.

(Симонов, Смерть друга)

То же самое наблюдается и в других типах односоставных предложений, например в предложениях неопределенно-личных (с имеющимся при главном члене прямым дополнением). Эти предложения могут выражать простую констатацию факта. В таком случае на первое место в них обычно выдвигаются обстоятельственные слова, а прямое дополнение ставится после главного члена: *Сегодня выдают стипендию*; *По радио передают последние известия*; «Часу в пятом купали команду. На воду спускали парус, который наполнялся водой...» (Гончаров, Фрегат «Паллада»).

С изменением указанного порядка слов, когда прямое дополнение оказывается на первом месте, в тех же предложениях происходит расчленение высказывания на предмет речи («данное») и «новое»: *Стипендию/выдают сегодня*; *Последние известия/по радио/еще не передавали*; «Весовщикова на

фабрику не приняли, он поступил в работники к торговцу лесом и возил по слободке бревна, тес и дрова» (Горький, Мать); *«Вы слышали? Убийца найден... Сейчас его приведут сюда...»* (Горький, Враги).

Таким образом, содержание и целевая направленность предложения, обусловливаемые характером предикативности, соотношением высказываемой в предложении мысли с действительностью, зависят и от формально-грамматических факторов (отношения и связи членов предложения), и от словорасположения и интонации. При этом для одних структурно-грамматических типов предложения основным и определяющим является исключительно наличие собственно грамматических факторов (интонация выполняет в них только назначение общего отнесения высказывания к действительности); таковы односоставные предложения — номинативные и собственно безличные. Для других типов предложения взаимодействие собственно грамматических факторов, интонации и порядка слов носит более сложный и разнообразный характер; таковы различные типы двусоставного предложения, а также некоторые разновидности предложений односоставных.

Детальное изучение взаимодействия различных факторов структурной организации предложения является, несомненно, одной из важнейших задач, стоящих перед описательной грамматикой языка. Оно поможет установить новую типологию предложения в соответствии с его реальным назначением в речи, выявить своеобразие различных языковых явлений в их практическом применении в самом процессе речевого общения.

Е. А. ГЛИКИНА

ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ
ДИНАМИЧЕСКОГО УДАРЕНИЯ

(На материале английского языка)

Акцентная градация слогов, как и всякое фонетическое явление, должна рассматриваться в трех аспектах. Прежде всего ударение воспринимается слухом и только в силу этого выполняет свою функцию в процессе языкового общения. Но для того чтобы служить объектом слухового восприятия, оно должно быть произведено путем определенной работы органов речи. С другой стороны, такая произносительная работа вызывает известные явления в воздушной среде, и именно это создаваемое в объективной физической действительности изменение отражается в сознании участников языкового общения в форме слухового восприятия. Таким образом, ударение в слове как явление материальное должно изучаться с точки зрения произносительной, с точки зрения слуховой и с точки зрения акустической¹.

Однако с точки зрения роли ударения (как и всякого фонетического явления) в процессе языкового общения, доминирующим является слуховой аспект: именно в слуховой плоскости осуществляется соприкосновение между говорящим и его собеседниками; произносительная деятельность является только средством для создания воспринимаемого слухом звучания. Поэтому с точки зрения собственно лингвистической слуховое восприятие участников языкового общения представляет интерес в первую очередь. Оно изучается путем анализа наблюдений аудиторов².

Наряду со слуховым аспектом ударения большое значение имеет аспект акустический — и не только потому, что слуховое восприятие представляет собой отражение в сознании людей объективной физической действительности, но и потому, что восприятие ударения отражает физическую действительность более или менее адекватно (во всяком случае более адекватно, чем восприятие качества звуков); об этом свидетельствует значительная степень совпадения между слуховыми наблюдениями участников языкового общения³ и показаниями приборов, фиксирующих акустические явления. Эти два аспекта — слуховой и акустический — и являются непосредственным предметом нашего исследования.

Как правильно замечает С. И. Бернштейн, «сущность ударения состоит в том, что доминирующий, ударный слог произносится с более значительным напряжением произносительного аппарата, чем слоги безударные»⁴. Напряженность произносительного аппарата вызывает замедленность ар-

¹ О необходимости разграничения слуховой и акустической стороны звуков речи см. С. [И.] Б е р н ш т е й н, Против идеализма в фонетике, ИАН ОЛЯ, 1952, вып. 6, стр. 552.

² О принципах подбора аудиторов и о непосредственных объектах их наблюдения см. ниже.

³ В нашем случае авторов словарей, обозначающих ударение, и аудиторов-англичан.

⁴ См. С. [И.] Б е р н ш т е й н, Вопросы обучения произношению, М., 1937, стр. 46.

тикуляции, бóльшую ее полноту и тщательность. Важнейшим акустическим результатом напряженности произносительного аппарата является увеличение физической интенсивности звука. Последняя служит одним из основных факторов слухового впечатления громкости; ударный слог является в принципе наиболее громким слогом в слове.

Кроме физической интенсивности, факторами, определяющими степень громкости звука речи, являются различия по звонкости — глухости и по степени ширины ротового отверстия: как известно, при прочих равных условиях, звонкие звуки громче глухих, более открытые — громче более закрытых. Однако из этих двух последних факторов первый (звонкость или глухость) остается, безусловно, постоянным для каждого звука речи, входя в состав его артикуляции¹; для создания эффекта громкости варьироваться может только произносительная напряженность, а в ограниченных пределах и степень открытости.

Известно, что носителем ударения является не отдельный звук, а целый слог. Ударность, т. е. напряженность с ее перечисленными выше следствиями (замедленностью, полнотой и тщательностью артикуляции) и акустическими и слуховыми результатами этих произносительных явлений, свойственна всем звукам ударного слога, но с наибольшей яркостью она обнаруживается в слоговом гласном. Практически сопоставление ударного слога с безударными можно ограничить сопоставлением гласных этих слогов. Таким образом, гласный ударного слога является в принципе: с произносительной стороны — самым напряженным, самым полным по артикуляции и самым открытым, с акустической стороны — самым интенсивным, со слуховой стороны — самым громким и во всех трех аспектах — самым длительным². Фактически это соотношение между ударным слогом слова и его безударными слогами нарушается, так как каждый из указанных факторов ударности для полной своей реализации требует равенства прочих условий; между тем каждый гласный, сообразно артикуляции, определяющей его качество, занимает определенную степень ширины ротового отверстия: гласный [ɪ] уже гласного [ʌ], однако в русском слове [ан'и] «они» ударение падает на более узкий гласный. Таким же образом каждый гласный звук того или иного языка имеет определенную степень относительной длительности (сравнительно с другими гласными того же языка). Эта относительная длительность отчасти стоит в причинной зависимости от других элементов артикуляции (так, узкий гласный при прочих равных условиях короче широкого), отчасти не зависима от них и специфична для того или иного гласного в данном языке (например, в английском языке гласные [ɔ, u, ə] обычно краткие, гласные [ɔ:, u:, ə:] обычно долгие). Реальная длительность гласного в том или ином слове зависит, кроме ударности или безударности слога, также и от других комбинаторных факторов: так, гласный в положении перед глухим взрывным согласным при прочих равных условиях короче, чем в положении перед звонким щелевым; в отдельных языках наблюдаются и специфические для каждого языка комбинаторные условия длительности гласных. В результате сочетания постоянных для данного языка признаков длительности того или иного гласного с признаками комбинаторными ударный гласный может оказаться более кратким, чем безударный гласный того же слова³. Наконец, физическая ин-

¹ Под артикуляцией того или иного звука мы понимаем совокупность произносительных работ, необходимых для его осуществления.

² Ср. I. R o u d e t, *Méthode expérimentale pour l'étude de l'accent*, «La parole», 1899, № 5.

³ См. E. A. M e y e r, *Englische Lautdauer* (Skrifter utgifna af Köngl. humanistiska vetenskaps-samfundet i Uppsala, VIII, 3), Uppsala, 1903; Л. В. Щ е р б а, Русские гласные в качественном и количественном отношении, СПб., 1912, стр. 149.

тенсивность может оказаться в безударном гласном выше, чем в ударном гласном другого качества. Иначе говоря, мы нередко воспринимаем как ударный такой гласный, который объективно уступает другим гласным того же слова по любому из указанных признаков. Это значит, что в восприятии мы учитываем все условия, вызывающие несоответствия между производительной напряженностью, создающей ударение, и ее прямыми, принципиально ожидаемыми следствиями, и в нашу оценку слога, как ударного, так и безударного, вносим соответствующие коррективы. Поэтому степень совпадения между данными слухового наблюдения и акустическими явлениями, происходящими во внешней среде, подлежит выяснению.

Особенно важно иметь в виду, что связь между физической интенсивностью звука и его громкостью, а следовательно, и ударностью, не носит характера прямого отношения: во-первых, согласно известному «психо-физическому» закону Вебера — Фехнера, определяющему соотношение ощущения и раздражения, громкость возрастает медленнее, чем физическая интенсивность; во-вторых, только при прочих равных условиях обеспечена изменчивость обеих величин в одном и том же направлении. Среди этих условий на первом месте должен быть поставлен тембр (качество) звука, а на втором — комбинаторные условия.

Что же касается артикуляторного аспекта ударения, то все его (отмеченные выше) компоненты допускают, хотя и в разной степени, непосредственное наблюдение, но изучение их при помощи приборов встречает серьезные препятствия. Артикуляторная напряженность воспринимается непосредственно только самим говорящим, а для инструментального измерения ее мы пока не располагаем практически применимыми методами. Только длительность — элемент, свойственный всем трем аспектам звука речи, допускает и с артикуляторной стороны изучение как в плане непосредственного наблюдения, так и при помощи точных приборов.

Для того чтобы выяснить соотношение между слуховым восприятием и объективной акустической данностью, необходим комбинированный метод исследования — сочетание анализа слухового и экспериментального. Экспериментальное исследование без помощи слухового недостаточно, потому что приборы характеризуют объективную физическую действительность, а языковое общение происходит на основе слуховых восприятий. Оценка слога как ударного, полуударного или безударного осуществляется в моторном *п е р е ж и в а н и и* говорящего лица и в слуховом восприятии лиц, слушающих речь; она может быть установлена только наблюдением при помощи слуха и моторного чувства.

Впечатление ударности является результатом взаимодействия целого ряда факторов. Среди них основным является тот, который в производительной плоскости определяется как напряженность речевого аппарата, в слуховой — как громкость, в физико-акустической — как интенсивность звука. Действие этого основного фактора модифицируется вмешательством ряда других — прежде всего длительности, а в связной речи — также высоты тона. На основании одних только физических данных невозможно учесть, как сложится в слуховом восприятии в том или ином случае акцентный синтез всех указанных факторов. При этом существенную роль в слуховом синтезе играет степень владения данным языком. Например, из двух качественно одинаковых гласных гласный менее интенсивный по объективным данным при известных условиях может быть воспринят аудитором как ударный — и это особенно часто случается у людей, для которых данный язык не является родным. В силу этих причин, изучая уда-

рения в иностранном языке, необходимо сопоставлять физические данные в первую очередь со слуховым восприятием носителей изучаемого языка. Вместе с тем представляется важным выделить те особенности восприятия, которые характерны для носителей этого языка и могут отсутствовать у лиц, для которых данный язык не является родным или хорошо знакомым. В то же время в чужом и мало знакомом языке, как известно, нередко подмечаются детали звучания, которые ускользают от внимания носителей этого языка (под влиянием факторов семантических, грамматических и др.)¹. Поэтому наряду с аудиторами-англичанами мы использовали также аудиторов другой квалификации, а именно русских, которые в разной степени владеют английским языком или вовсе не знают его.

Экспериментальный звучащий материал синхронно записывался при помощи электро-акустического рекордера на кимографе и на магнитофоне. Для этого была использована электро-акустическая установка лаборатории экспериментальной фонетики Первого Московского педагогического института иностранных языков. Три писчика электромагнитного рекордера, работающие синхронно, показывают на отдельных кимографических кривых движение высоты основного тона (мелодика), изменения физической интенсивности звука и время (в 40-х долях секунды). Все эти данные были подвергнуты затем сравнительному анализу в главно-ударном слоге, в слогах полуударном и безударном. Магнитофонная же запись изучалась на слух при участии аудиторов-англичан.

На достигнутом уровне техники экспериментально-фонетического исследования (впредь до выведения коэффициентов отношения между различными гласными по интенсивности при прочих равных условиях)² показания интенсивности звука могут сопоставляться только при качественной (тембральной) одинаковости сравниваемых звуков³.

Для того чтобы, по возможности, удовлетворить этому требованию, были отобраны сложные слова с одинаковыми гласными фонемами в обоих компонентах. Само собой разумеется, что эти фонемы претерпевают известные качественные изменения в зависимости от их положения в ударном, безударном или полуударном слоге, от расстояния безударного или полуударного слога по отношению к полноударному, от открытости или закрытости слога, от звукового окружения. В большинстве типов сложных слов в английском языке гласные обоих компонентов стоят не ниже уровня полуударности и сохраняют свое качество настолько, что, с известным приближением, можно считать их одинаковыми.

Достигнуть абсолютного качественного тождества обоих гласных оказалось невозможным, так как: 1) тождество качества гласных ограничивается редукцией их во всех неполноударных слогах (полной редукцией в безударных, гораздо менее значительной в полуударных), 2) словесный материал не позволяет обеспечить для сравниваемых гласных одинаковость позиций. Однако сопоставление полученных экспериментальных данных с результатами слухового исследования показывает, что при изложенном способе отбора материала физические показатели интенсивности могут рассматриваться как показатели воспринимаемой громкости и что, таким образом, достигнутая степень качественной близости гласных в обоих ком-

¹ Излагаемая в настоящей статье концепция взаимодействия факторов динамического ударения заимствована из курсов фонетики проф. С. И. Бернштейна.

² См. Н. И. Ж и н к и н, Восприятие ударения в словах русского языка, «Изв. Акад. пед. наук РСФСР», вып. 54, М., 1954. Отметим, что коэффициенты отношения по интенсивности уже найдены для немецких гласных. См. E. und K. Z w i r n e r, *Phonometrischer Beitrag zur Frage des neuhochdeutschen Akzents*, «Indogerm. Forsch.», Bd. LIV, Hf. 1, 1936, стр. 12—13.

³ См.: L. R o u d e t, указ. соч.; J. P o i r o t, *Die Phonetik*, Leipzig, 1911, стр. 228.

понентах сложного слова с точки зрения задач настоящего исследования достаточна.

Основным материалом исследования служили именные сложные слова — сложные существительные и прилагательные. При этом из сложных существительных мы отобрали слова, состоящие: 1) из двух простых основ существительных (например, *ash-can*), 2) из основ существительного и отглагольного существительного (например, *flag-wagging*), 3) из основ отглагольного существительного и существительного (например, *boiling-point*), 4) из основ прилагательного и существительного (например, *blackcap*). Из числа сложных прилагательных были исследованы сложные слова, состоящие из основ прилагательного и существительного, объединенные суффиксом *d* или *ed* (например, *large-hearted*). При исследовании акцентного строения сложного слова мы пытались отграничить сложные слова от единиц другого порядка — от свободных словосочетаний и фразеологизмов (устойчивых словосочетаний). В связи с этим в состав материала для исследования было включено несколько свободных словосочетаний и фразеологизмов, составленных из прилагательного и существительного. Кроме того, исследованию подверглись также образования типа *stone wall*, которые проф. А. И. Смирницкий называет «нестойкими сложными словами» (т. е. образования, которые могут осмысляться и как сложные слова, и как свободные словосочетания)¹.

Все исследованные типы сложных слов, как показывают данные словарей, достаточно продуктивны и широко распространены в современном английском языке. Они представляют все основные возможности акцентного строения сложного слова: 1) объединяющее ударение на первом компоненте сложного слова при отсутствии второстепенного ударения на втором компоненте², 2) объединяющее ударение на первом компоненте, второстепенное — на втором, 3) равномерное ударение на обоих компонентах сложного слова³.

Общее количество разобранных примеров — 2821, из них наиболее многочисленной оказалась группа сложных существительных — 2524 слова, причем сложные слова, составленные из основ двух существительных, включают 1960 слов.

Источником для отбора материала служил большой Оксфордский словарь («The Oxford English dictionary») издания 1933 г. Для выяснения устойчивости места ударения в исследуемых нами сложных словах было использовано около 15 различных словарей (некоторые из них в нескольких изданиях), начиная со словаря С. Джонсона издания 1766 г. (S. Johnson, A dictionary of the English language, London).

Для экспериментально-фонетического исследования из числа проанализированных по словарям примеров было отобрано 40 единиц, которые были включены в 125 повествовательных предложений и произнесены от одного до трех раз каждым из двух дикторов; это составило всего 250 произнесений.

¹ См. А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова, Образования типа *stone wall*, *speech sound* в английском языке, «Докл. и сообщ. [Ин-та языкознания АН СССР]», II, М., 1952, стр. 116.

² Под объединяющим ударением в сложном слове мы понимаем акцентное строение, при котором две основы (или несколько основ) объединены ударением на одном из компонентов (при наличии или отсутствии второстепенного ударения на другом компоненте).

³ Мы не изучаем акцентного строения сложных слов с объединяющим ударением на втором компоненте (при отсутствии или при наличии второстепенного ударения на первом компоненте); сложные слова этого типа очень немногочисленны и самый тип мало продуктивен, поэтому нам и не удалось подобрать ни одного примера с одинаковыми гласными в обоих компонентах, что, как было указано выше, служило основной методической предпосылкой нашего исследования.

В качестве дикторов были приглашены дикторы Комитета радиоинформации, для которых английский язык является родным.

После проведения записи все примеры были прежде всего проанализированы на слух. Работа с аудиторами проводилась в индивидуальном порядке. Им предъявлялся изучаемый материал в магнитофонной записи, которую они прослушивали столько раз, сколько считали нужным для того, чтобы ответить на вопросы, касающиеся акцентного строения анализируемого слова. Вопросы, которые задавались аудиторам, варьировались в зависимости от степени их знакомства с английским языком и от опытности аудитора как фонетиста. У аудиторов-англичан мы старались прежде всего выяснить, верно ли произнесено диктором интересующее нас слово. Одному из них, как наиболее опытному, можно было задавать вопросы о воспринимаемых им средствах ударения. При работе с аудиторами, не знающими английского языка (особенно с фонетистами), ставилась цель — определить, какими средствами создано ударение.

*

В результате отбора материала для исследования по словарям и применения комбинированного экспериментально-слухового анализа, а также соответствующей методики исследования мы пришли к определенным выводам не только по основному вопросу — об акцентном строении сложных слов английского языка¹, но и по более общему вопросу — об элементах английского ударения в слове.

Наше исследование еще раз объективно подтвердило положение о том, что ударение в английском слове создается прежде всего акустической интенсивностью (и, соответственно, относительной громкостью и произносительной напряженностью); на втором месте среди элементов ударности слога стоит длительность гласного, на третьем — в качестве элемента, выступающего в связной речи, — мелодическая характеристика гласного в связи с местом сложного слова в предложении и в синтагме. Основной вывод исследования, имеющий непосредственное отношение к рассматриваемому здесь вопросу, сводится к тому, что впечатление ударности в английском слове может вызываться как взаимодействием всех упомянутых выше элементов ударения, так и действием одного из них.

Анализ акцентного строения сложного слова привел к необходимости выяснить соотношение в восприятии аудиторов между слогами полноударными, слогами, несущими второстепенное ударение, и безударными. Как уже указывалось, сопоставление ударного слога с безударным (а также со слогом, несущим второстепенное ударение) практически сводится к сопоставлению гласных этих слогов.

Наше исследование показало, что ударность слога может создаваться как одним (и притом любым) элементом ударения (подкрепленным или не подкрепленным другими элементами), так и сочетанием элементов, которые взаимодействуют и компенсируют друг друга. В результате такой взаимокompенсации элементов ударения в качестве полноударного слога в английском слове в связной речи иногда воспринимается слог, менее выделенный по объективным данным. Ниже мы приведем все основные случаи соотношения полноударного, полуударного и безударного слогов и способы взаимокompенсации элементов ударения, которые нам удалось установить. Каждый случай иллюстрируется примером того или иного слова в одном из произнесений. При этом интенсивность выражается в миллиметрах

¹ См. Е. А. Г л и к и н а, Ударение в сложных существительных и прилагательных английского языка, «Ин. яз. в шк.», 1955, № 3.

(в соответствии с высотой амплитуды на кимографической записи), длительность — в миллисекундах, высота (основного тона) — в герцах и в музыкальном обозначении.

1. Сравнительно с гласным полуударного или безударного слога слог, ударный гласный которого обладает большей интенсивностью, большей длительностью и высотой, воспринимается всеми аудиторами как ударный. Например, сложное слово *pipe-line* ['paɪpləɪn] воспринималось всеми аудиторами с объединяющим ударением на 1-м компоненте *pipe* благодаря тому, что по всем трем элементам ударности гласный 1-го компонента значительно преобладает над гласным 2-го компонента: интенсивность гласного 1-го компонента [aɪ] была 22 мм, длительность — 137,5 мс, а высота — 280 гц (или *до* 1-й октавы), тогда как интенсивность гласного 2-го компонента [aɪ] равнялась 10 мм, длительность — 125 мс, а высота — 120 гц (или *ля* большой октавы).

2. В качестве ударного слога в английской связной речи воспринимается слог, ударный гласный которого по сравнению с гласными полуударного или безударного слогов обладает большей интенсивностью и длительностью при одинаковой или даже несколько меньшей высоте. Например, в сложном слове *boiling-point* ['bɔɪlɪŋpɔɪnt] интенсивность гласного 1-го компонента [ɔɪ] составляла 8 мм, длительность — 137,5 мс и высота — 100 гц (или *соль* большой октавы), тогда как интенсивность гласного 2-го компонента [ɔɪ] равнялась 2 мм, длительность — 125 мс и высота основного тона — 120 гц (или *ля* большой октавы).

3. Сравнительно с гласным полуударного или безударного слогов слог, ударный гласный которого обладает большей интенсивностью и высотой при одинаковой или даже несколько меньшей длительности, воспринимается всеми аудиторами как ударный. Например, в сложном слове *lip-stick* ('lɪpstɪk] гласный 1-го компонента [ɪ] обладал интенсивностью в 31 мм, длительностью в 62,5 мс и высотой — 240 гц (или *ля* малой октавы), тогда как интенсивность гласного 2-го компонента [ɪ] составляла 12 мм, длительность — 87,5 мс и высота — 140—100 гц (или *до* малой октавы).

В рассмотренных выше случаях впечатление ударности создается главным образом действием основного элемента ударения — интенсивности и подкрепляется одним или двумя другими элементами — длительностью и высотой.

4. В качестве ударного слога воспринимается слог, ударный гласный которого обладает значительно большей длительностью и высотой при одинаковой или даже несколько меньшей интенсивности сравнительно с гласным полуударного и безударного слогов. Например, в сложном слове *ash-can* ['æʃkæn] интенсивность гласного 1-го компонента [æ] составляла 5 мм, длительность — 112,5 мс, высота — 170 гц (или *ми* малой октавы), тогда как интенсивность гласного 2-го компонента [æ] равнялась 4 мм, длительность — 75 мс, высота — 80 гц (или *ре* большой октавы).

5. Слог производит впечатление ударного и в том случае, когда гласный этого слога обладает большей длительностью при одинаковой или даже несколько меньшей интенсивности и высоте сравнительно с гласным полуударного и безударного слогов. Например, в сложном слове *quicksilver* ['kwɪksɪlvə] гласный 1-го компонента [ɪ] обладал интенсивностью в 4—5 мм, длительностью — в 100 мс, высотой — в 120—100 гц (или *соль* большой октавы), тогда как интенсивность гласного 2-го компонента [ɪ] составляла

ла также 4—5 мм, длительность — 75 мс и высота, как и в гласном 1-го компонента, 120—100 гц (или *соль* большой октавы).

6. Слог воспринимается как полноударный и тогда, когда ударный гласный обладает значительно большей высотой при одинаковой или даже несколько меньшей интенсивности и длительности сравнительно с гласным полуударного и безударного слогов. Например, в сложном слове *lip-stick* ['lipstik] интенсивность гласного 1-го компонента [ɪ] составляла 12 мм, длительность — 75 мс, высота — 200 гц (или *соль* малой октавы), тогда как интенсивность гласного 2-го компонента [ɪ] равнялась 16 мм, длительность — 87,5 мс, высота — 100 гц (или *соль* большой октавы). То же наблюдалось в сложном слове *waterfall* ['wɔ:təfɔ:l], где интенсивность гласного 1-го компонента [ɔ:] равнялась 30 мм, длительность — 137,5 мс, высота — 240—300 гц (или *ре* 1-й октавы), тогда как интенсивность гласного 2-го компонента [ɔ:] составляла 28 мм, длительность — 137,5 мс, высота — 120—140 гц (или *до* малой октавы.)

Таким образом, анализ приведенных примеров показывает, что способность элементов ударения в слове к взаимокompенсации может выделить любой из этих элементов как главный в каждом отдельном случае.

Т. Б. АЛИСОВА

МЕСТО ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ПО ОТНОШЕНИЮ
К ОПРЕДЕЛЯЕМОМУ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМУ
В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В современном итальянском языке позиция прилагательного по отношению к определяемому существительному имеет многообразные функции, еще недостаточно исследованные в лингвистической литературе. В настоящей статье на основе анализа конкретного языкового материала делается попытка выяснить следующие вопросы:

1. В какой мере лексическое значение или оттенок лексического значения прилагательного влияет на его место по отношению к определяемому существительному.

2. Какова зависимость между порядком слов в рассматриваемом сочетании и ролью прилагательного в предложении.

3. Какова стилистически нейтральная норма современного итальянского языка в отношении препозиции или постпозиции прилагательного и какие стилистические возможности заключает в себе отклонение от этой нормы.

*

1. Лексическое значение прилагательного, несомненно, находится в тесной связи с его положением по отношению к существительному. Так, прилагательные, обозначающие наиболее общие свойства предметов, например *grande*, *piccolo*, *buono*, а также прилагательные, передающие эмоциональную оценку предмета речи со стороны говорящего, например *meraviglioso*, *famoso*, *bravo*, встречаются преимущественно в препозиции. Для относительных прилагательных, выражающих точное объективное отношение между вещами, обязательна постпозиция.

Рассмотрим, однако, может ли лексическое значение (или оттенок значения) прилагательного полностью обуславливать его пост- или препозицию и, следовательно, может ли различное место одного и того же прилагательного по отношению к определяемому существительному рассматриваться как необходимый признак дифференциации значения этого прилагательного.

Обратимся к языковому материалу. Прилагательное *grande* употребляется главным образом в препозиции и может сочетаться с любым существительным: *un grande albero nudo* (А.38)¹ («большое голое дерево»); *gran fascista* (А.37) («завзятый фашист»); *una gran forza* (А.53) («большая сила»); *una gran pace* (А.71) («глубокое спокойствие»).

¹ В статье приняты следующие сокращения: А.— R. V i g a n ó, L'Agnese va a morire, Novara, 1952; J.— F. J o v i n e, Le terre del sacramento, Roma, 1948; P.— C. C o l l o d i, Le avventure di Pinocchio, Roma, 1950; V.— G. V e r g a, I. Malavoglia, Milano, 1944; Rin.— «Rinascita». Арабская цифра обозначает страницу.

Казалось бы, что универсальная сочетаемость этого прилагательного должна была привести к отвлеченности его значения в препозиции. Однако, как видно из приведенных примеров, это прилагательное сохраняет свое конкретное значение («большой по размеру») в сочетаниях с конкретным существительным *albero*. С другими конкретными существительными оно употребляется в переносном смысле, получая, однако, в зависимости от семантики существительного различные оттенки значения. С абстрактными существительными оно имеет более отвлеченное значение. Следовательно, мы не можем говорить о каком-то общем значении прилагательного *grande* в препозиции, независимо от лексического значения существительного.

Рассмотрим теперь, какие значения имеет это прилагательное в постпозиции: *l'Agnese provò un dispiacere grande* (A.95) «Аньезе почувствовала большое горе»; *i rami dell'albero grande dietro la casa* (A.66) «ветки большого дерева, (находящегося) за домом».

Оказывается, что с отвлеченным существительным *dispiacere* прилагательное *grande* сохраняет свое абстрактное значение; конкретное значение прилагательного в сочетании со словом *albero* при перемене места также не изменяется.

Таким образом, в большинстве примеров значение прилагательного *grande*, абстрактное или конкретное, связано не с его местом по отношению к существительному, а с лексическим значением самого существительного. Ту же самую картину мы видим и в сочетаниях существительных с другими прилагательными: *un piccolo camion* (A.32) «маленький грузовик»; *paesi piccoli* (A.32) «маленькие деревни»; *freddo pudore* (A.60) «холодная застенчивость»; *gioia fredda* (A.46) «холодная радость».

Исключением из этого общего правила являются сочетания прилагательного с таким существительным, которое допускает употребление прилагательного как в прямом, так и в переносном значении: *un cappello nuovo — un nuovo capello* «новая шляпа — другая шляпа»; *un uomo povero — un pover'uomo* «бедный человек — бедняга»; *un uomo grande — un grand'uomo* «человек большого роста — великий человек»¹. В этом случае, действительно, прилагательное в постпозиции употребляется в своем более конкретном прямом значении, препозиция же закрепляется за переносным значением, которое возникает только в случае сочетания прилагательного с существительным определенного лексического значения и поэтому является связанным. Прилагательное и существительное вступают в тесное семантическое единство и служат основанием для возникновения устойчивых сочетаний. Порядок слов в наиболее идиоматичных группах «определение + определяемое» застывает, и попытки его изменить приводят к полному переосмыслению словосочетания (ср., например, *un buon'uomo — un uomo buono* «простак — добрый человек»). Следует отметить, что количество подобных устойчивых сочетаний в итальянском языке невелико, вследствие чего не представляется возможным выделить какой-либо общий лексико-грамматический оттенок значения, свойственный всем прилагательным в препозиции.

Особняком стоит небольшая группа прилагательных, которые независимо от семантики существительного всегда имеют различные значения в препозиции и в постпозиции: *diversi compiti* «целый ряд задач» — *compiti diversi* «неодинаковые задачи»; *diverse persone* «целый ряд людей» — *persone diverse* «неодинаковые люди»; *certi problemi* «некоторые проблемы» — *problemi certi* «вполне определенные проблемы»; *certe persone* «некоторые люди» — *persone certe* «вполне определенные люди».

¹ А. Р а н з и н и, Grammatica italiana, Firenze, 1947, стр. 81.

В отличие от предыдущих примеров здесь прилагательные в препозиции не составляют с существительным изолированной фразеологической единицы. Так же, как и прилагательное *grande*, эти прилагательные способны сочетаться с любым существительным, но, в отличие от *grande*, во всех сочетаниях сохраняют одно и то же значение, очень абстрактное и резко отличающееся от их значения в постпозиции. Значение этих прилагательных в препозиции сближает их с неопределенными местоимениями, сходство с которыми усиливается еще и тем, что значение прилагательных *certo*, *diverso*, возникшее в препозиции, не может проявиться в их свободном употреблении, что ставит их в полную зависимость от существительного, подобно другим его местоименным детерминативам. Но всей вероятности, значения и функции этих прилагательных настолько обособились, что можно было бы уже говорить о возникновении омонимов, принадлежащих к различным частям речи¹.

За исключением описанной выше группы прилагательных, а также прилагательных, входящих в устойчивые сочетания, все прилагательные могут употребляться как в постпозиции, так и в препозиции без изменения своего лексического значения, которое зависит от семантики существительного. Следовательно, порядок слов в огромном большинстве случаев не выполняет смысловозначительной функции в группе существительного + прилагательное. Очевидно, истинные причины различного порядка слов в рассматриваемом сочетании следует искать за пределами лексического значения прилагательных.

2. Посмотрим теперь, не оказывает ли влияния на место прилагательного по отношению к существительному роль этого прилагательного в предложении.

Как известно, слова, выражающие основное содержание сообщения, занимают в предложении так называемое «сильное», т. е. интонационно выделяемое место, различное в разных типах предложения или словосочетания. Прилагательные в функции определения также могут принимать на себя выражение основного содержания сообщения. Можно предположить, что в этом случае они всегда находятся в постпозиции, так как постпозиция прилагательного в итальянском языке связана с его фонетической выделяемостью².

Факты современного итальянского языка полностью подтверждают это предположение. Приведем несколько примеров, в которых цель сообщения выражена прилагательными:

Aveva la voce fredda e pacifica (A.80) «У нее был голос холодный и спокойный»; *Aveva i piedi enormi* (A.38) «У нее были огромные ноги»; *E' una giornata incantevole!* (J.17) «Прекрасный день!»; *E' stato un colpo facile* (A.105) «Это было легким делом».

Во всех этих примерах прилагательное заключает в себе основное содержание коммуникации, так как определяемое существительное является обозначением уже известного, данного заранее в контексте или в самой ситуации. Поэтому существительное несет в себе коммуникативные функции, свойственные обычно подлежащему, прилагательное же выступает в роли сказуемого (так называемый «логический предикат»). Выражая основное содержание сообщения, прилагательное, подобно грамматическому сказуемому предложению, оказывается связанным с другими предложениями временными, причинными, целевыми, изъяснительными и другими отношениями, обнаруживая, таким образом, тесные и многообразные связи с контекстом.

¹ Ср. G. Le Bidois et R. Le Bidois, *Syntaxe du français moderne*, t. II, Paris, 1938, стр. 84.

² См. G. Battaglia, *La grammatica italiana*, Firenze, 1951, стр. 186.

Уступительная связь: *E Pinocchio sebbene fosse un ragazzo allegrissimo, si fece triste anche lui* (P.38) «И хотя Пиночкио был очень веселым мальчиком, он тоже сделался грустным».

Причинно-следственная связь: *E'una storia lunga, ve la racconterò a comodo* (P.85) «Это длинная история, я вам ее расскажу при удобном случае».

Целевая связь: *Facevano il giro largo, al di là del fiume, per ripetere la picchiata* (A.23) «Самолеты делали большой круг: далеко за реку, чтобы повторить налет».

Причинно-изъяснительная связь: *Era una serata strana: nessuno parlò di politica* (A.65) «Это был странный вечер: никто не говорил о политике».

Иногда прилагательное, не выражая цели высказывания, может оказаться центральным словом дополнительного сообщения. Чаще всего это сообщение о сопутствующем качестве выражается конструкцией с предложением *con*: *uno di essi gridò con voce alta e lacerata quasi femminile* (A.39) «Один из них закричал голосом высоким и надорванным, почти женским». В этом примере прилагательные, хотя и не выражают цели сообщения, составляют важное звено в контексте.

Другим способом передачи дополнительного сообщения о качестве является обособление прилагательного или, чаще, нескольких прилагательных: *Era comparsa l'Agnes, maestosa e ricca nella sua vestaglia* (A.106) «Появилась Аньезе, величественная и разодетая в своем капоте».

Обособленное прилагательное принимает участие в предикации, будучи связанным не только с подлежащим, но и со сказуемым. Так, в вышеприведенном примере прилагательные, обозначающие признак предмета, проявляющийся в момент совершения действия, сближаются с обстоятельственным определением (или, по терминологии А. А. Шахматова, вторым или придаточным сказуемым).

Обособленное прилагательное может иногда предшествовать существительному, но помещается в этих случаях перед артиклем: *Di nuovo s'intese il rombo scuro degli aereri, poi, rapido, l'urlo della picchiata* (A.109) «Снова послышался гул самолетов, потом, внезапно, рев пикирующих машин». Место прилагательного в этом примере не имеет ничего общего с препозицией прилагательного и может рассматриваться как стилистический вариант постпозиции, употребленный для еще более рельефного выделения прилагательного.

Дополнительное сообщение о качестве, выраженное прилагательным в постпозиции, очень часто сопровождается союзами и наречиями, указывающими на синтаксические связи прилагательного в предложении — противительные, причинные, временные и пр. *Per un poco duro il frusero, ma leggero, come un respiro d'aria che passa* (A.121) «Некоторое время длился шум, но легкий, как дуновение ветерка»; *Si diffuse per la vedova una strana pietà, strana perché lei non la cercava* (A. 60) «Кто вдове стали испытывать странную жалость, странную, потому что она ее не искала»; *A un tratto s'accese una fiamma, prima azzurra, poi rossa, più alta* (A.76) «Вдруг вспыхнуло пламя, сначала голубое, потом розовое, более высокое».

Отношения, устанавливающиеся между прилагательными и контекстом, могут быть сравнением или сопоставлением качеств. Сравнительная степень прилагательного сама по себе исключает изолированное представление о качестве и связывает прилагательное с другими словами как в предложении, так и за его пределами. Поэтому прилагательные в сравнительной степени всегда помещаются после существительного: *Poi aggiunse in tono più calmo* (J.18) «Потом добавил более спокойным тоном».

Помимо союзов и наречий, определения-прилагательные в постпозиции

могут выражать свои связи с другими членами предложения также при помощи предлогов: *E perfino la punta del naso di paonazza... gli era diventata turchina...* (P.9) «Даже кончик его носа из лилового... превратился в синий»; *Aveva un contegno tra il timido e il categorico* (J.21) «Она держала себя или очень робко или очень резко».

Наконец, как это видно из последнего примера, прилагательное, несущее в себе цель основного или дополнительного сообщения, может получать артикль и выполнять в предложении функцию существительного.

Ведущая роль постпозитивного прилагательного в формировании содержания предложения, где оно означает не признак дашный, а признак, устанавливаемый в сообщении, а также многообразные связи такого определения-прилагательного с другими членами предложения сообщают ему известную самостоятельность по отношению к определяемому существительному. Эта самостоятельность проявляется, во-первых, грамматически в способности соединяться с союзами, наречиями, предлогами и артиклем независимо от существительного и, во-вторых, фонетически в тоническом ударении, равном по силе ударению, падающему на существительное.

Постпозитивное определение-прилагательное, несущее функции логического предиката, сообщает о наличии (или отсутствии) какого-либо качества и поэтому, несомненно, ограничивает объем понятия, выраженного существительным. В то же время это прилагательное служит обозначением отличительного признака предмета, выделяющего предмет из ряда ему подобных. Там, где отличительное свойство предмета совпадает с целью сообщения, постпозитивное определение-прилагательное имеет ярко выраженный предикативно-атрибутивный характер. Однако в постпозиции определение-прилагательное, указывающее на отличительный признак предмета, может относиться только к своему определяемому и не иметь никаких связей со сказуемым. Это проявляется там, где прилагательное вместе с определяемым существительным сближается с именем собственным. Так, в романе Вигано «Аньезе» есть эпизод, где автор рассказывает о встречах героини романа с партизанами, имен которых она не знала. Для себя Аньезе называла партизан по их отличительным внутренним или внешним признакам: *La sera il compagno grasso le mostrò una borsa* (A.63) «Вечером толстый товарищ показал ей кошелек»; *Subito il compagno allegro dichiarò...* (A.63) «Вдруг веселый товарищ заявил...»; *Palita sedeva al posto del compagno magro* (A.65) «Палита сидел на месте худого товарища».

В этих примерах прилагательные обозначают качества людей, но не независимо друг от друга, а в их сопоставлении. Часто таким путем образуется ситуационное «имя собственное» какого-нибудь предмета, например: *Un tempo i Malavoglia erano stati numerosi come i sassi della strada vecchia di Trezza* (V.2) «Некогда Малаволья были так же многочисленны, как камни старой дороги в Треццу». Очевидно, в Треццу вели две дороги: одна новая, другая старая, и эти отличающие их свойства послужили основанием для их общеупотребительного названия.

Сложное название предмета, образованное таким путем, может оказаться термином в случае его употребления в той или иной специальной области, например: *dazio doganale* «таможенная пошлина», *marina mercantile* «торговый флот». Ведущая роль в семантике сложных терминов принадлежит, как правило, прилагательному, и чем уже и конкретнее его значение, чем ограниченнее область его употребления, тем более оно самостоятельно, вплоть до постоянного или случайного эллипсиса существительного и последующей субстантивации прилагательного: *la tangente* (*la linea tangente*) «тангенс» (в геометрии), *l'espresso* «экспресс», *il rapido* «скорый», *il diretto* «прямой» (т. е. *il treno espresso* «поезд-экспресс» и т. п.).

Таким образом, место прилагательного после существительного является неотъемлемым формальным признаком любого, предикативного или непредикативного, различительного определения.

Обратимся к рассмотрению функций определений-прилагательных, предшествующих определяемому существительному. Анализ многочисленных примеров, принадлежащих к различным стилям речи, показывает, что прилагательные в препозиции не способны служить выражением цели сообщения и никогда не обозначают отличительного свойства предмета. Прилагательные в препозиции, как правило, не соотносятся ни с одним из членов предложения, за исключением определяемого существительного. Каково же назначение такого определения?

Анализ языкового материала показывает, что подобное определение выражает отношение говорящего к предмету речи. В препозиции очень часто встречаются прилагательные, выражающие эмоциональную оценку предмета: преувеличение (*enorme*), восхищение (*meraviglioso*), ужас (*spaventoso*), грусть (*malinconico*), сдержанность и нерешительность (*timoroso*, *pudico*), сожаление (*doloroso*). В том случае, когда эмоциональная оценка предмета речи совпадает с целью сообщения, прилагательные с указанными лексическими значениями, как правило, оказываются в постпозиции: *E'una giornata incantevole* (J.17) «Какой прекрасный день!» Группа прилагательных, выражающих эмоциональную оценку, пополняется за счет расширения значения относительных прилагательных или качественных прилагательных с точным значением. При этом вновь возникшее переносное значение, как правило, служит для передачи эмоциональной оценки предмета, и прилагательное закономерно оказывается перед существительным: *cigliègia matura* (P.1) «спелая черешня» (прямое значение); *matura vedova* (J.15) «зрелая вдова» (переносное значение).

Целый ряд относительных прилагательных в результате их частого употребления в переносном значении для эмоциональной квалификации предмета закрепили за своим новым значением качественного прилагательного место перед определяемым существительным: *Le barbare dottrine del capitalismo* (Rin. I. 1949) «варварские доктрины капитализма»; *Lenin scrisse e pubblicò la sua classica opera «L'imperialismo, fase suprema del capitalismo»* (Rin. I. 1949) «Ленин написал и опубликовал свое классическое произведение „Империализм как высшая стадия капитализма“».

К группе эмоциональных определений близко примыкают прилагательные, обозначающие качество, внутренне присущее предмету: *il vile interesse* (P.57) «низкая корысть»; *l'iniqua frode* (P.94) «несправедливый обман».

В отдельных случаях прилагательное, обозначающее заранее известное свойство предмета, имеет отчетливо выраженное указательное значение. Наиболее характерными в этом отношении являются прилагательные, близкие к указательным местоимениям, которые по своему лексическому значению выражают обычность, общеизвестность предмета или его известность и определенность в данном контексте: *sedicente*, *sopradetto*, *cosidetto*, *decantato*, *famoso*, *solito*.

Таким образом, препозиция, характерная для прилагательных, выражающих эмоциональную оценку или имеющих указательное значение, является синтаксическим признаком субъективно-оценочного определения.

Как видно из всего сказанного, характер определения, зависящий от логико-синтаксических связей прилагательного в предложении, находит свое выражение в препозиции или постпозиции прилагательного.

Тем не менее в отдельных случаях изменение места прилагательного по отношению к существительному не отражает никаких существенных различий во взаимоотношениях его с другими членами предложения. Про-

извольный порядок слов в сочетании прилагательного с определяемым существительным проявляется в тех случаях, когда словосочетание играет в предложении второстепенную роль и выделение прилагательного зависит не от синтаксических причин. Так, стремление избежать однообразия очень часто заставляет автора варьировать порядок слов в параллельных сочетаниях: *...illimitata libertà... sovranità illimitata... singoli stati... stati singoli* (Togliatti, Rin. 1948, X, стр. 2).

К области стилистического использования порядка слов в рассматриваемом сочетании относится также и постпозиция прилагательных, выражающих эмоциональную оценку, не изменяющая их характера субъективно-оценочных определений. Прилагательное, употребленное после существительного, согласно фонетическим законам итальянского языка, получает более сильный тонический акцент, чем прилагательное в препозиции. Поэтому из чисто стилистических соображений оценочное определение может оказаться в постпозиции, где оно получает большую рельефность: *Un applauso coloroso ha anche accolto le ultime parole di d'Onofrio* (Unità, 30 nov. 1953) «Бурными аплодисментами были встречены последние слова Д'Онофрио»; ср.: *Un caldo applauso ha accolto i nomi...* (там же) «Бурными аплодисментами были встречены имена...».

Постановка оценочного определения после существительного, не меняющая грамматической природы этого определения, может рассматриваться как стилистический вариант препозиции прилагательного, употребленный в целях достижения большей выразительности. Таким образом, различное место прилагательного по отношению к определяемому существительному используется как большинство формальных средств языка не только для передачи грамматических различий в характере определения, но и для выражения эмоционально-экспрессивных оттенков речи.

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы:

1. Постпозиция и препозиция определения-прилагательного в итальянском языке являются формальными признаками грамматического различия между типами определений: различительным («ограничительным», «объективным», «логическим») определением и оценочным («субъективным», «аффективным») определением.

Использование препозиции и постпозиции прилагательного для передачи эмоционально-экспрессивных оттенков не может служить доказательством отсутствия определенных грамматических функций у порядка слов в рассматриваемом сочетании.

2. Постпозиция прилагательного по сравнению с его препозицией является выражением большей степени независимости определения-прилагательного от определяемого существительного. Относительная независимость различительного определения является следствием важности его роли в формировании основного содержания высказывания.

3. Место определения-прилагательного по отношению к существительному зависит не от лексического значения прилагательного, а от его синтаксической функции в предложении. Тем не менее прилагательные в зависимости от своего лексического значения тяготеют к употреблению в функции различительного или оценочного определения.

В. П. ТИМОФЕЕВ

О ПЕРЕХОДЕ НЕКОТОРЫХ КРАТКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В КАТЕГОРИЮ СОСТОЯНИЯ

Как известно, семантической особенностью имен прилагательных является то, что они обозначают *недействительный* признак предмета в отличие от глагола, выражающего признак предмета *действительный*, *процессуальный*. Качественные прилагательные, называющие *недействительный* качественный (оценочный, положительный или отрицательный) признак предмета, выражают свое значение не только в полной, но и в краткой форме; ср.: *Недогадливый мальчишка, недогадлив, да хорош* (из песни). Краткое прилагательное, как видим, передает то же содержание, что и полное, называет тот же *недействительный* признак и, таким образом, входит в систему форм имени прилагательного.

Однако давно было замечено, что не все краткие прилагательные имеют в языке соотносительную по значению полную форму. Еще А. Х. Востоков, например, указывал, что слова *рад, горазд* «имеют одно спрягаемое окончание»¹. Чем вызвано такое явление, Востоков серьезно не объясняет; он только замечает: «ибо нельзя сказать *радый, гораздый*». Отнеся все краткие прилагательные («спрягаемые» слова) к глаголу, Востоков особо выделил среди них слова *рад, готов* как глаголы, означающие расположение и нерасположение к действию, и слово *горазд*, а также *можно, должно* как глаголы, означающие возможность и потребность действия².

Эта впервые высказанная мысль о глагольной семантике некоторых кратких прилагательных не была поддержана современниками. Против такого понимания выступили Г. П. Павский и К. С. Аксаков. Они были правы, отвергая отнесение всех кратких прилагательных к категории глагола, но ошибались, не видя в некоторых из них (*рад, горазд* и под.) «ничего глагольного» (Павский). Позднее А. А. Потебня подтвердил близость некоторых кратких прилагательных к глаголу, проанализировав их глагольные признаки, но, в отличие от Востокова, оставил их в составе имен³. Потебня правильно определил семантику слов *должен, горазд, готов, достоин, властен, волен, намерен, охоч, рад* и др., соотнеся ее с семантикой глаголов, выражающих состояние склонности, способности, готовности, намеренности субъекта совершить действие (*хочу говорить = намерен говорить*); он глубоко вник в грамматическую природу этих слов, объяснив их сочетания с инфинитивом по аналогии с глагольными конструкциями (ср. «отенок будущего в неопределенном», вытекающий из вещественного значения слова *намерен*); при этом он отметил, что не все краткие прилагательные в русском языке и его диалектах способны соче-

¹ А. Востоков, Русская грамматика, 9-е изд., СПб., 1856, § 32; ср. Ф. И. Булавин, Историческая грамматика русского языка, 3-е изд., М., 1868, § 221.

² См. А. Востоков, указ. соч., § 115.

³ А. Потебня, Из записок по русской грамматике, ч. 2, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 378 и сл.

таться с инфинитивом и приближаться к сочетаниям типа *хочу говорить, намерен говорить*. Очевидно, преимущество в этом отношении принадлежит формам, некоррелятивным с полными. К традиции сближения кратких прилагательных с глаголом примкнул и акад. А. А. Шахматов, указавший на общие у них категории лица и времени и назвавший (подобно Востокову) краткие прилагательные «спрягаемыми»¹. Однако Шахматов не выделил особо те краткие прилагательные, которые потеряли соотнесенность с полной формой.

Место кратких прилагательных среди других частей речи, разошедшихся с полными в значении и получивших иные грамматические признаки, было указано акад. Л. В. Щербой, который включил их в состав слов «категории состояния»². Подробный анализ слов категории состояния принадлежит акад. В. В. Виноградову. В. В. Виноградов относительно некоторых кратких прилагательных замечает, что они «резко отличаются от соотносительных полных не только своими значениями, но и конструктивными возможностями»³. Ядром слов категории состояния, образованных от имен прилагательных, В. В. Виноградов считает те, «которые в современном русском языке уже не могут быть связаны ни с каким другим определенным грамматическим классом»⁴, у которых больше признаков глагола, чем имени. Ср.: *рад, горазд, должен, солон, намерен, прав, виден, квит(-ы)* и под.⁵ «Другие же краткие формы, сохраняющие свою связь и соотносительность с членными, не выпадают из категории имен прилагательных»⁶. Процесс развития в кратких прилагательных значения состояния и процесс грамматического обособления их от полных форм охватывает в первую очередь те из них, которые ближе к такому значению по природе обозначаемого ими признака. В результате многие краткие прилагательные остаются в стороне от этого процесса, многие оказываются на пути или на полпути к превращению в слова категории состояния.

При рассмотрении лексико-семантического и грамматического соотношения полных и кратких форм имен прилагательных можно выделить несколько десятков таких кратких прилагательных, которые разошлись или расходятся с полной формой в значениях и грамматических признаках. Их можно подразделить примерно на три разряда:

1. Слова, вообще не имеющие в литературном языке параллельной полной формы: *рад, наслышан, квит(-ы), люб, горазд, винен, огоч*. От кратких форм прилагательных, называющих недействительный признак, данные слова отличаются особой семантикой и некоторыми грамматическими признаками (см. ниже)⁷.

¹ А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, М., 1936, стр. 142.

² Л. В. Щерба, О частях речи в русском языке, сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928.

³ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 403.

⁴ Там же, стр. 404.

⁵ Там же.

⁶ Там же, стр. 269.

⁷ В художественной литературе еще встречается полная форма *гораздый, любый*, но лишь в стилизованной речи персонажей, что указывает на устаревший и областной характер данных слов. Примеров из советской литературы со словом *гораздый* «Словарь современного русского литературного языка» не приводит. То же можно сказать о слове *любый* в стихотворении Дм. Кедрина «Кровь» («Стаи Петро перед плетнем коханой. Он промолвил ей, кусая губы:— Любый я тебе или не любый»), где наблюдается стилизация под украинский язык, в котором кратких прилагательных почти нет. Форма *винный* хотя и дана в указанном словаре с пометой «устар.», но в настоящее время, по-видимому, уже не существует (ср. синонимы *виноватый, виновный*); соответствующая краткая форма также является устаревшей: «В чем я винен пред тобою...» (Мерзляков, В чем я винен пред тобою...); «Я винен пред тобою, государь великий!» (Карамзин, Наталья, боярская дочь). Форма *огочий* устарела и не употребляется в

2. Слова, которые формально имеют в литературном языке соответствующую полную форму, но одни из них разошлись с полной формой как по лексическому значению, так и по характеру выражаемых ими признаков и приобрели особую грамматическую характеристику: *должен*, *слышен*, *согласен* (что-либо сделать, в чем-либо), *нужен*, *надобен*, *намерен*, *нравен* (= *люб*), *обязан* и т. д., другие обладают одинаковым с полной формой лексическим значением, но, в отличие от нее, выражают состояние и имеют некоторые специфические грамматические признаки: *болен*, *вхож*, *знаком*, *способен*, *готов*, *здоров*, *доволен*, *достойн* и др. под.

3. Слова, которые отличаются значением как от имеющейся в языке полной формы, так и от соотносительной с ней краткой: *жив* (чем-нибудь), *плох* (может умереть, при смерти), *известен* (о чем-нибудь), *здоров* (+ инфинитив) и др.

Слова данных групп, как и обычные краткие прилагательные, обладают формами рода и числа при отсутствии или склонения; однако по некоторым признакам они отличаются от кратких прилагательных.

С точки зрения лексико-семантической они характеризуются следующим:

1) Не соотносительны с полной формой в значении: одни в этом разошлись с ней (*должен*, *намерен*, *доволен*, *готов*, *болен*, *нужен* и т. д.), а другие вообще не имеют в литературном языке однокоренного слова с аффиксом *-ый* (*рад*, *горазд*, *квит (-ы)*, *люб* и т. д.). Ср.: *должный* в значении «подобающий, полагающийся по правилам, по заслугам» (*должное внимание*, *приводить в должный порядок*, *на должной высоте*, *в должной степени*, *с должной силой*) и *должен* в значении «обязан, вынужден сделать что-либо» («Человек должен жить и творить, а не прозябать». — Галин, В одном населенном пункте).

2) Выражают состояние радости, желания, намерения, удовлетворения, расположения, долженствования, готовности, склонности, согласия, уверенности, способности, правоты и т. д. Ср. состояние готовности, выражаемое словом *готов*: «В долгах, бывало, утопая, Заимодавцев убегая, Готов был всюду я лететь» (Пушкин, К Языкову).

3) От присоединения к данным словам отрицания *не* новое значение в слове не возникает. Как известно, *не* изменяет значение слова только при присоединении к качественному прилагательному (кроме названий цветов); ср. *она не умна*, где отрицается, что она умная, и — *она неумна*, где утверждается, что она глупая. В случаях же *я не рад* и теоретически допустимом *я нерад* значения одинаковы: в том и другом примере отрицается, что я рад (или утверждается, что я не рад). Существующие слитные написания типа *неизвестен* (противоположное *известен* о чем-нибудь) означают лишь простое отрицание. Как видно, в этом отношении данные слова похожи на глаголы и безлично-предикативные слова типа *жаль*, *должно*, *надо*, *пора* и т. д. Наличие переходных случаев создает редкие исключения; ср. *он не прав*, где отрицается правота, и *он неправ*, т. е. виноват.

4) Не отвечают на вопрос «каков?», требующий в ответе названия недействительного качественного, но не процессуального признака предмета. Ср.: «— А какова у вас река? — Да не мелка» (Крылов, Лжец). Но: «Каков он? — Должен, намерен, рад (!)».

С точки зрения морфологической для слов указанных трех разрядов характерны следующие отличительные признаки:

современной литературе (см. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, т. II, стр. 1027). Ср. «Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч» (Чехов, Хамелеон); «(конь) охоч на скок» (Фурманов, Чапаев); «(братва) охоча до грабежей» (Фурманов, Мятёж).

1. Форма, в которой они обособились от кратких прилагательных, является исходной, начальной формой. Соотнесенность слов данного грамматического значения с формой на *-ый* отсутствует.

2. Рассматриваемые слова имеют аналитические формы времени и наклонения¹. Данный признак является очень важным для доказательства формальной самостоятельности слов *должен*, *горазд*, *намерен*, *рад* и под. и даст право не только выделить их из имен прилагательных, но и объединить со словами категории состояния. Формальным критерием, детерминирующим переход некоторых кратких прилагательных в категорию состояния, является превращение связки *быть* в морфему.

В именах прилагательных при выражении категории времени и наклонения краткими формами связка *быть* несет функцию самостоятельного служебного слова. В подобных случаях она, как правило, стоит впереди краткого прилагательного, являясь связочным звеном между подлежащим и сказуемым. Ср.: «Он был молод, дерзок, многословен, шумен и еще по-артистически, священно, глуп» (Леонов, Скутаренский). Даже в тех редких случаях (обычно в поэзии), когда связка *быть* стоит после кратких прилагательных и является неполноударной, она сохраняет самостоятельность отдельного служебного слова. Ср.: «В моей тоске, в моем несчастье, Мне был отраден шум лесов, Отрадно было мне ненастье» (Рылеев, Войнаровский); «Не разумел он ничего И слаб, и робок был, как дети» (Пушкин, Цыгане).

В сочетании же со словами типа *должен*, *горазд*, *намерен*, *рад* и т. д. формы *был*, *-а*, *-о*, *-и*, *буду*, *-ешь* и т. д. утрачивают значимость слова и выступают не самостоятельно, а как неполноударный, обычно энклитический, компонент аналитической формы времени и наклонения, как морфема². Ср.: «С м и р н о в: Если сегодня вы мне не заплатите, то завтра я должен буду повеситься» (Чехов, Медведь); «Все готовы были встретить врага. И вот подошло время...» (Фурманов, Чапаев); *Он рад был взяться за живое дело*.

Категория наклонения в словах *должен*, *горазд*, *намерен*, *рад* и др., как и в глаголе, определяет устанавливаемое говорящим отношение состояния субъекта к действительности, т. е. выражает состояние субъекта как реальную действительность (изъявительное наклонение: *я рад*, *ты должен*, *он намерен*), или только как возможное при определенном условии (сослагательное наклонение: *нужен бы*, *да нет его*, *должен бы явиться*, *но не могу*), или, наконец, как такое, к испытанию которого побуждают субъекта (повелительное наклонение: *будь готов*, *будь рад*).

Грамматическое значение предположительной возможности наступления того или иного состояния обнаруживается в аналитической форме, состоящей из сочетания слов *должен*, *горазд*, *рад* и др. с частицей *бы* и с преобразованной связкой *быть* в форме прошедшего времени (*был* *-а*, *-о*). Связка *быть*, ослабив и изменив значение бытия, существования, превратилась в частицу аналитической формы наклонения. Доказательством этому служит не только энклитичность форм *был*, *-а*, *-о*, но и то, что они в сочетании со словами *должен*, *горазд*, *намерен*, *рад* и др. не называют предположительное бытие, существование состояния и не вступают в тесную связь с частицей *бы*, как это бывает в сочетаниях с краткими прилагательными (или с существительными), а наоборот, могут опускаться из пред-

¹ Но ср. замечание А. А. Потемки о том, что в слове *намерен*, например, «оттенок будущего в неопределенном» вытекает из вещественного значения слова (см. выше). Ср. еще: *Я должен сделать* (что-либо).

² Ср.: А. В. И с а ч е н к о, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким, Братислава, 1954, стр. 377; Н. С. П о с е л о в, В защиту категории состояния, ВЯ, 1955, № 2.

ложения. Ср. в примерах: «Прости, добрый человек! Ей богу, рад бы был сделать все для тебя... Но что прикажешь?— в старухе дьявол сидит» (Гоголь, Сорочинская ярмарка); «Любить её и я бы рад, Когда б в груди не скрылось жало...» (Кольцов, К. М...); «Т е л е г и н: Дружочек, я рад бы для тебя всюю душой, но пойми же,— в доме спят» (Чехов, Дядя Ваня); *Рад бы душой, да хлеб-то чужой* (пословица); *Рад бы вперед, да никто не берет* (пословица). Нельзя сказать: *высок бы, догадлив бы* (ср.: *высок бы был!*). Но: *должен бы, да не могу; нужен бы, да нет его*. При опущении формы *был, -а, -о, -и* из высказывания состояние перестает соотноситься с моментом речи и может мыслиться во всех временах. При наличии форм *был -а, -о, -и* состояние может быть отнесено как к прошлому, так и к будущему времени (ср. примеры, при еденные выше).

Побуждение к испытанию какого-либо состояния формально выражается сочетанием формы *быть* в повелительном наклонении (ед. или мн. числа) со словами *рад, готов, нужен* и т. п.: *будь рад, будьте готовы, будь нужен* и т. д. Такие конструкции могут иметь дополнительный модальный оттенок долженствования.

С точки зрения синтаксической слова *должен, горазд, готов, намерен, рад* и др. характеризуются следующим:

1. Их единственная функция в предложении — предикативная. Они никогда не могут быть даже обособленным определением к существительному, т. е. вообще не употребляются в атрибутивно-предикативной функции, которая свойственна всем кратким прилагательным, не разошедшимся с полной формой в значениях; ср.: «Стонет ветер, Протяжен и глух» (Есенин, Листья падают...)¹.

2. Некоторые из них сочетаются с инфинитивом (или формой прошедшего времени) вспомогательного глагола *быть* и входят в состав своеобразных форм сложного сказуемого. Ср.: «Это должна быть очень знатная дама...» (Гоголь, Невский проспект); «Товарищи, положение таково, медлить нельзя ни минуты... Мы должны быть готовы ко всему» (Фурманов, Мятаж)².

Данные слова характеризуются и некоторыми другими грамматическими признаками, роднящими их не только с глаголом, но и с краткими прилагательными: 1) они управляют падежами, чаще дательным, реже родительным, творительным и предложным. Некоторые имеют сильное управление. Отдельные слова управляют и винительным падежом (с предлогом)³; 2) чаще, чем краткие прилагательные, они сочетаются с инфинитивом⁴; 3) в сочетании с местоимением *вы* они употребляются во множественном числе (полные прилагательные с этим местоимением в числе не согласуются); 4) подобно глаголу, определяются наречием *так* и местоимением *как*; 5) некоторые из слов рассматриваемой категории имеют остатки форм сравнительной степени (чаще аналитических, в чем сказывается близость к глаголу; ср.: *Я более, чем ты, рад этому*).

Все сказанное о словах *должен, горазд, намерен, рад* и др. свидетельствует о их лексико-семантическом и грамматическом отрыве от системы форм качественных имен прилагательных и об объединении с другой частью

¹ Утверждение О. К. Баляшвили о том, что у подобных кратких прилагательных якобы «сохранилась возможность атрибутивно-предикативного употребления», обусловлено отождествлением слов данной группы со всеми краткими прилагательными что неверно (см. О. К. Б а л и а ш в и л и, Вопрос о категории состояния в русском языке. Канд. диссерт., Тбилиси, 1951, стр. 85).

² См. «Грамматика русского языка», Изд-во АН СССР, т. II, ч. 1, М., 1954, стр. 449—450.

³ Ср. примеры подобного управления в кн.: А. А. Ш а х м а т о в, Синтаксис русского языка, § 462.

⁴ Ср. хотя бы примеры в книге А. А. Ш а х м а т о в а «Синтаксис русского языка», § 471.

речи — с категорией состояния. Не все несоотносительные прилагательные прошли одинаковый путь от имен прилагательных по направлению к глаголу. Этот процесс включает в себя много переходных, промежуточных моментов, связанных с некоторыми особенностями лексико-семантического значения слов данной категории и их грамматических признаков. К переходным случаям в этой области, мне думается, относятся такие слова, как *короток*, *мил*, *длинен*, *свободен*, *узок*, *широк*, когда они обозначают мерку, размер и выражают характер отношений между предметом и тем, что обозначено дополнением, т. е., в конечном счете, — состояние отношений. Ср.: «...поношенный пиджачок был по-клоунски узок и короток ему...» (Леонов, Скутаревский). Названные же слова трех групп не являются формами имен прилагательных, а представляют собой самостоятельные лексические единицы, возникшие в процессе расхождения полной и краткой форм. Подобное явление широко представлено в современном русском языке. Оно является одним из способов формирования грамматического класса слов категории состояния¹.

¹ В связи с изложенным хотелось бы высказать мнение о наименовании «новой» части речи. Термин «безлично-предикативные слова» мне кажется неудовлетворительным хотя бы потому, что не учитывает слов, употребляющихся в двусоставных личных предложениях (*рад*, *должен*, *намерен*, *квит*, *-ы* и др.). Термин «предикативы» позволяет считать таковым любое слово в функции сказуемого и не ограничивает указанные выше слова от обычных прилагательных, которые тоже чаще предикативны. Единственно удобен термин «категория состояния», который подчеркивает общий и особенно яркий признак объединяемых им слов и предполагает их предикативность.

ма интенсивно. Кроме старых *дымоход*, *ледоход*, *мореход*, *пешеход*, *скороход*, в эту группу, наряду с указанными выше, входят такие слова, как *атомоход* (советский ледокол с атомным двигателем), *турбоэлектроход*, *газоход*, *вездеход*¹, *самоход* («самоходное артиллерийское орудие, самоходка»)², *снегоход* (спец.), *судоход* (диал.). Ср. в зоологической терминологии: *бокоход* (БСЭ², т. 5, стр. 393), *пяткоход*, *тихоход*. Встречаются и индивидуальные образования, например *ступоходы* (Лесков, На ножах), *рельсоход* («Крокодил» 20 II 53).

4. Несколько сложных существительных с глагольным вторым компонентом употребляются только во множественном числе; это слова народно-разговорной и народно-поэтической речи. Сюда относятся летописное *водохреци* (праздник «крещение». У Ю. Трифонова в повести «Студенты» — *водокреци* «крещенские морозы»; ср. *мясопуци*), северное название лыж — *снегоступы*, сказочные *гусли-самогуды* (ср. *сапоги-скороходы*). Ср. др.-русск. и диал. *портмоля* «место, где полощут белье».

5. Среди бессуффиксных сложных существительных с глагольным вторым компонентом образования женского рода немногочисленны. Здесь следует различать две разновидности, первая из которых тесно связана с категорией общего рода:

а) Существительные с окончанием в им. падеже ед. числа *-а* (*-я*): *телогреша*, *костюда*, *погюда*, *часозвоня* (устар.), *простокваша*, *портмоля* (прачка; устар.), *дровоссека* (устар.)³, *лесосека*. Но ср. *детосека* (Л. Н. Толстой, Власть тьмы, Вариант) — слово общего рода.

Словами общего рода являются и некоторые другие сложные существительные на *-а* (*-я*) со значением лица: *водокача* (рабочий на водокачке; диал.), *пустомеля* (ср. *пустозвон*, *пустобрех*), *Бесомыка* (действующее лицо в оперетте Ю. Милютин «Девичий переполох»), *горемыка*, *бедоноша* (диал.), *книгоноша*, *мехоноша*, *трутоноша* (диал.)⁴. Ср. *лежебока*. Ср. *Кожмяка*.

б) Существительные на мягкий согласный (кроме *й*): *водоверть* (диал.; варианты: *водоворот*, *водокруть*. Ср. литерат. *водоворот*), *круговерть* («...пестрая круговерть тления...» — Л. Леонов, Русский лес; «Такая круговерть обогащенья случалась раньше только при открытии золотых россыпей» — там же), *коновязь*, *хлебоежь* («неработники в семье; диал.»)⁵, *глухомань* (диал.), *сыромать*, *водоросль*, *пусторосль* (диал.; встречается у А. Перенцева в «Огненной земле»), *иноходь*. Ср. еще др.-русск. *сеножать* и *леторасль* (укр. *сіножать* «сенокос, луг» и *літорост* «росток, побег»).

Только группа слов с морфемой *-пись* во второй части я ляется многочисленной: *вазопись*, *живопись*, *звуконпись*, *иконопись*, *глинопись*, *летопись*, *машинопись*, *рукопись*, *скоропись*, *стенопись*, *тайнопись*, *мелкопись* [«А мастеру пришла в голову идея: создать из иероглифической мелкописи человеческий портрет» (А. С м е р д о в, Необыкновенный портрет, «Лит.

¹ Встречается и в нетерминологическом употреблении: *лыжники-вездеходы* (Дм. З у е в, На пороге средозимья, «Моск. правда» 11 I 53). Ср.: «То был плаватель могучий, Крутобедрый гений вод, Трехмачтовый град плавучий, Стосаженный скороход» (К. П р у т к о в, Аквилон).

² Ср. у В. Я. Ш и ш к о в а в повести «Тайга» использование слова *самоход* в значении пометы *agentis*.

³ См. в воспоминаниях М. С. Щ е п к и н а: «Известно только, ...что был два раза ушиблен самым ужасным образом, из коих один раз о дровосеку...» (сб. «М. С. Щепкин», М., 1952, стр. 71).

⁴ Словом мужского рода по значению является в настоящее время уже деэтимологизировавшееся *воевода*. Ср. также название города *Золотоноша*.

⁵ У М. К. Герасимова в «Словаре уездного черновецкого говора» (СПб., 1910—Сб. ОРЯС, т. 87, № 3, стр. 92), где мы нашли это слово, видимо, ошибочно, вопреки примеру («В семье у нас хлебоежи много»), указана форма *хлебоежь*.

газета» 21 XI 57, стр. 4)!. Ср. еще просторечное *бытопись* и устаревшую кальку *светопись* («фотография») ¹. В литературной критике широко употребляется слово *гладкопись* (неодобр.). См. у К. Зелинского в статье «Упреждающая критика»: «Обычная стихотворная „гладкопись“ Вл. Неевского разnobразится всевозможными огрехами» («Лит. газета» 7 IV 53) — и в редакционной статье «Итоги поэтического года» («Лит. газета» 12 I 54. См. также «Лит. газету» от 30 VII 55, стр. 2). Художник В. Н. Яковлев в книге «О живописи» (М., 1951, стр. 74) приводит такую игру слов: «Да это „жилопись“, а не живопись! — ехидно острили враги „законченности“».

Среди бессуффиксных сложных существительных с глагольным вторым компонентом нет ни одного слова среднего рода.

¹ Р. Ф. Брандт по поводу этого слова писал: «...иное иностранное слово легко поддается переводу: так было бы недурно, если бы стали говорить *светопись* вместо *фотография*. Некоторые фотографы действительно и употребляют это название, только они не сообразили, что *светописью* можно называть лишь *фотографию* как искусство, а место, в котором делают светописные снимки, следовало бы назвать не *светописью*, а *светописьюнею*» (Р. Ф. Б р а н д т, Несколько замечаний об употреблении иностранных слов, «Известия Ист.-филол. ин-та кн. Безбородко в Нежине», т. VIII (1883), Москва, Киев и Лейпциг, 1884, стр. 5.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

(Обзор статей, поступивших в редакцию)

За последнее время в редакцию «Вопросов языкознания» поступило значительное количество статей, посвященных проблеме соотношения языка и мышления. Опубликовать эти статьи в полном виде редакция не имеет возможности как в связи с загруженностью портфеля редакции, так и в связи с тем, что в некоторых статьях постулируемые положения не доказываются на конкретном языковом материале. Вместе с тем, поскольку проблема соотношения языка и мышления имеет для языкознания первостепенное значение, редакция считает необходимым познакомить читателя в кратком изложении с содержанием статей на эту тему.

*

Некоторые из поступивших в редакцию статей полностью или частично посвящены самым общим вопросам соотношения мышления и языка. Это вопрос о соотношении мышления и языка как формы и содержания, вопрос о возможности мышления без языка, о значении языка жестов.

Вопросу о соотношении содержания и формы посвящена заметка В. И. К о д у х о в а (Ленинград) «О содержании и форме в языке». Автор считает, что с точки зрения выражения той или иной мысли в языке все является формальным, все служит средством материализации конкретной мысли, которая оформляется также в логических формах мышления. Однако то, что язык выступает как средство выражения мысли, не отражая в каждом конкретном случае реальное содержание высказывания в своей структуре, не может служить доказательством, что сама языковая форма является пустой, лишенной объективного содержания.

Говоря о содержании в языке, В. И. Кодухов признает необходимым различать реальное содержание (сама конкретная мысль), логическое содержание (основные элементы, формы мышления) и языковое (или грамматическое) содержание (значение собственно языковых форм). Конкретно-реальное, понятийное (логическое) и языковое (грамматическое) содержание следует различать как в предложениях, так и в значениях слов и словосочетаний; лексическое значение слова и понятие о том, что слово называет, нельзя смешивать друг с другом и с тем значением, которое слово выражает в конкретном его употреблении.

Конкретно-реальное, логическое (понятийное) и языковое (грамматическое) содержание различно связаны с языковой формой, а сами языковые формы неоднородны по своей значимости, по своему содержанию, по выражению результатов познавательной деятельности людей и конкретной мысли. Конкретно-реальное содержание связано и с формами мышления, и с языком, а также с индивидуальным актом речи, с речевой ситуацией. Логическое содержание связано прежде всего с формами мышления, оно выражается при помощи языка и отражается в той или иной степени в самом языке. Языковое содержание выражается в самом языке. Это содержание является формальным по отношению к конкретно-реальному и логическому содержанию, но оно является смысловым по отношению к средствам его языкового выражения.

Языковые формы, являющиеся средствами выражения языкового содержания, также многофункциональны. Диалектичность соотношения содержания и формы в языке свойственна самой природе языковых фактов и объясняется тем, что язык связан с мышлением, и в нем, поскольку он представляет собой единое целое, разные его компоненты выступают то как значимые (смысловые), то как формальные по отношению друг к другу.

Изложенные положения, а также краткое рассмотрение некоторых отечественных и зарубежных работ приводит В. И. Кодухова к выводу, что противоречивость различ-

ных теорий в вопросе о содержании и форме в языке объясняется как самой природой языка, так и взглядами ученых, а также смещением психологической, логической и лингвистической точек зрения. По мнению автора, необходимо исследовать проблему во всех ее взаимосвязях и преодолеть односторонний подход. Для лингвистического изучения особое значение имеют сами языковые формы и языковое содержание, которое непосредственно отражается в структуре языка, на которое также связано с логическим и понятийным содержанием, а также с конкретной мыслью.

В статьях «О соотношении языка и речи» и «К вопросу о языке как объекте науки» П. И. Визгалов (Казань) утверждает, что лишь понимание соотношения языка и мышления как формы и содержания предупреждает отрыв языка от мышления и их отождествление. Визгалов считает язык и мышление самостоятельными явлениями, имеющими свое содержание и свою форму. Однако самостоятельны они лишь относительно, так как являются сторонами единого «языкового мышления»¹.

В статье канд. филол. наук А. И. Моисеева (Ленинград) «К вопросу о связи языка и мышления» подвергается сомнению известная формула о невозможности мышления без языка. Если учесть реальный факт, что люди, не владеющие языком (глухонемые), все же мыслят, говорит А. И. Моисеев, т. е. если учесть реальный факт существования мышления без языка, то в широко распространенную категорическую формулу «мыслей, свободных от языковой материи, не существует» придется внести известные уточнения и поправки. Не может быть принята без оговорок и уточнений и другая формула, трактующая вопрос о происхождении языка и мышления: «первая мысль у исторически сформировавшегося человека была связана с первым актом его речи». Задача, следовательно, состоит в том, чтобы выяснить отличия мышления с помощью языка от мышления без языка или до языка, в частности отличие мышления глухонемых от мышления людей, владеющих языком.

Независимо от А. И. Моисеева, И. И. Жильцов (Ижевск) в своей статье «К вопросу о языке и мышлении» делает аналогичные выводы. По мнению И. И. Жильцова, человеческое мышление может возникнуть, существовать и совершенствоваться и при полном отсутствии звукового языка. Автор считает неправильным игнорирование языка жестов, полагая, что «современный язык общества есть единство трех его качественных форм: письменной, звуковой и кинетической (психологические и механические жесты и пр.), из коих последние и физически и исторически есть необходимое условие возникновения и бытия первых — высших форм его».

Большинство находящихся в портфеле редакции материалов, посвященных более конкретным вопросам указанной проблемы, можно разделить на две группы. Первая группа охватывает статьи, авторы которых имеют в виду соотношение языка и мысли в плане языка как продукта, результата познавательной работы, выполненной многими поколениями людей. Во вторую группу попадут работы, авторы которых понимают соотношение языка и мышления в плане речи, т. е. процесса, деятельности общающихся при помощи языка². Аспект языковой в статьях конкретизируется главным образом рассмотрением соотношения слова и понятия, понятия и значения, языковой единицы и единицы мысли и т. п. Последний из указанных аспектов находит свое выражение преимущественно в анализе соотношения предложения и суждения, строения речи и строения сложной мысли и т. п.

Разберем сначала статьи, относящиеся к первой группе. В статье «К вопросу о соотношении слова и понятия» Е. В. Гродзинский (Вильнюс) солидаризируется в основном с положением об адекватности значения слова и понятия, данным в статье Л. С. Ковтун «О значении слова» (ВЯ, 1955, № 5). Он считает, однако, необходимым развить это положение дальше и говорит: если значение слова не беднее по содержанию, чем понятие о предмете, обозначаемом в языке этим словом, то оно и не богаче его. Сам автор следующим образом суммирует содержание своей статьи: «В моей статье доказывается тезис, что значение слова в области абстрактного мышления тож-

¹ П. И. Михайлов (Батайск) в статье «О языке как философской категории» также говорит, что язык относится к мышлению, как форма к содержанию. Свой тезис автор развивает в аспекте, выходящем за рамки рассматриваемой проблемы (рассуждения ведутся в чисто философском плане, без какого бы то ни было обращения к фактам языка или данным языковедческой литературы). Основной целью его статья является полемика с принятым в советской науке определением языка как особого рода общественного явления. Автор определяет язык как естественное, природное свойство мыслящего человека и относит его к числу категорий философского, но не исторического материализма.

² Необходимость именно такого разграничения языка и речи подчеркнута в статье проф. С. Л. Рубинштейна «Несколько замечаний к вопросу о языке, речи и мышлении» (ВЯ, 1957, № 2, стр. 43). Против этого понимания возражает П. И. Визгалов в упомянутой выше статье «О соотношении языка и речи».

дественно по своему содержанию понятию, ибо, если бы значение слова имело в этой области иное содержание, чем понятие, то оно являлось бы особой формой логического познания предмета; как мы знаем, однако, значение слова особой формой логического познания предмета, особой формой мышления не является. Тожественность значения слова и понятия я рассматриваю как тождественность по содержанию; о всеобъемлющем тождестве этих двух категорий говорить нельзя, так как значение слова и понятие — это категории двух различных научных дисциплин. Тожественность по содержанию значения слова и понятия существует, как я считаю, только в области абстрактного мышления, потому что значение слова может охватывать также психические явления, не относящиеся к абстрактному мышлению, в частности эмоции (экспрессивно-эмоциональный элемент в значении слова), в то время как понятие является исключительно формой абстрактного мышления.

Касаясь утверждения Ф. Травничка о том, что междометия (так же, как все другие слова) выражают понятия¹, автор считает, что для того чтобы решить этот вопрос, необходимо предварительно договориться, входит ли значение междометий частично в сферу мышления или относится целиком к сфере эмоциональной. В то же время автор полагает, что служебные слова (в частности, предлоги), а также местоимения выражают понятия. Е. В. Грозинский приходит к выводу, что нет ни одного разряда или категории слов, значение которых в области абстрактного мышления не было бы адекватно понятию.

В статье «Слово, его значение, понятие и представление» канд. педагог. наук Б. В. Беляев подробно рассматривает взаимоотношения между словом, значением, понятием и представлением. Он приходит к следующим выводам:

1. Выражаемое словом понятие и оно же совпадает со значением слова, но не в смысле тождества, а в смысле соответствия. При этом общее внеконтекстное значение слова, находящегося в составе языка, соотносится с родовым понятием, а конкретные, контекстные значения слова, входящего в состав речи, соотносятся с более узкими, видовыми понятиями. Физиологической основой понятий служат комплексы временных нервных связей, относящиеся ко второй сигнальной системе и связанные межсистемными связями с аналогичными комплексами первой сигнальной системы. Последние служат физиологической основой как предметных, так и словесных восприятий и представлений. Вследствие всего этого понятия непосредственно связываются, с одной стороны, с предметными, а с другой, со словесными представлениями.

2. Слово, будучи лексической единицей языка, характеризуется наличием как смысла, так и значения. Смысловая сторона слова определяется отнесенностью его к понятию, а значение слова — отнесенностью его к обозначаемому им предмету. Поэтому слово всегда одновременно и выражает понятие (в этом заключается его смысловая сторона), и обозначает предмет мысли (в этом заключается его значение). Находясь в языке (вне контекста), слово преимущественно выражает понятие, хотя можно дополнительно указывать и все его значения, а находясь в речи (в контексте), слово преимущественно обозначает то, что является предметом мысли, хотя оно и не теряет в этом случае своей смысловой стороны. С физиологической точки зрения, слово есть внешний раздражитель, который действует прежде всего на первую сигнальную систему, где и образуются под влиянием этого воздействия такие комплексы временных нервных связей, которые служат физиологической основой словесных (зрительно-слуходвигательных) представлений или образов слов. Чтобы быть подлинным «сигналом сигналов», слово должно ассоциироваться с соответствующим понятием, в основе которого лежат комплексы второсигнальных нервных связей. Слово бывает непосредственно связано лишь с выражаемым им понятием. Что же касается предмета мысли или представления как его субъективного образа, то связь слова с ними осуществляется через понятие.

3. Значение слова всегда совпадает (в смысле соответствия, а не тождества) со смысловой его стороной и с выражаемым им понятием. Внеконтекстная полисемия слова свидетельствует о том, что оно выражает разные родовые понятия. В таком случае следует считать, что имеется не одно слово, а несколько омонимов. Контекстная же полисемия слова соответствует совокупности видовых понятий; они входят в объем общего, родового понятия, соответствуют основному, общему или центральному значению слова, благодаря которому все контекстные значения слова приобретают внутреннее семантическое единство. Контекстная полисемия слова не только не исключает, а, наоборот, предполагает внеконтекстную моносемию слова, потому что родовое понятие объединяет в себе все видовые понятия. Значение слова — категория языковедческая, поэтому значением слова ни при каких условиях нельзя считать ни понятие, ни представление, являющиеся категориями психологическими.

4. Представление — явление памяти, которое никак нельзя отождествлять ни со смысловой стороной слова или с понятием, ни со значением слова.

¹ Ф. Травничек, Некоторые замечания о значении слова и понятии, ВЯ, 1956, № 1.

Будучи отражением единичного предмета, представление в этом отношении сходно с восприятием, но оно резко отличается от понятия как категории мышления. Самое существенное отличие представления от понятия состоит в том, что представление образуется на основе восприятий, а понятие — на основе представлений, причем представление есть просто воспроизведенное по памяти восприятие, тогда как понятия образуются при условии восприятия и представления многих не только предметных, но и словесных раздражителей. Поэтому для возникновения и существования представления слово вовсе не обязательно. Представление никогда не выражается словом; оно требует лишь наглядного изображения соответствующего предмета. Представление не может быть и значением слова. Оно может быть только субъективным отражением, образом какого-либо предмета или явления действительности. По своей физиологической основе представления относятся к первой сигнальной системе. А так как вторая сигнальная система функционирует всегда на основе и во взаимодействии с первой, то и мышление наше не может быть абсолютно безобразным, вследствие чего и понятия наши всегда опираются на представления и всегда дополняются представлениями. Со словом представление связывается всегда лишь опосредствованно, т. е. через то понятие, которое выражается словом.

В своей статье «Об отношении слов к действительности и мысли в свете марксистско-ленинской философии» Д. И. Арбатский (Ижевск) пишет: вопрос о том, что обозначают знаменательные слова нашей речи, по отношению к чему осуществляется номинативная функция этих слов, неразрывно связан с основным вопросом философии. С точки зрения материализма все слова по характеру обозначаемых объектов делятся на две группы. Подавляющее большинство слов составляют наименования предметов и явлений объективного мира, их признаков, действий, например *дом, небо, движение, быстрота, белый, говорить* и мн. др. Немногочисленную группу образуют имена идей, например *понятие, представление, абстракция, суждение* и др. Эти группы слов нельзя смешивать так же как и обозначаемые ими объекты.

С идеалистической точки зрения все слова, в том числе и наименования реально существующих предметов и явлений, — только знаки идей. Они обращены внутрь человека и не могут указать на что-либо, лежащее «за пределами» органов чувств. Эта теория словоупотребления неизбежно вытекает из основных посылок идеализма. Она возникла еще в глубокой древности (Платон, Секст Эмпирик и др.); мы находим ее у Беркли, Локка, Юма, Гегеля и других философов-идеалистов. Особое внимание этой теории уделяет современная буржуазная философия позитивизма.

Под непосредственным влиянием идеалистической философии теория имен вещей как знаков идеальных объектов развивалась и разрабатывалась в языкознании (В. Гумбольдт, Г. Штейнталь, Ф. И. Буслаев, А. А. Потемкин, Ф. де Соссюр и др.). Источники теории имен вещей как знаков идеальных объектов коренятся, очевидно, в неумении разобраться в диалектике отношений между словом, понятием и предметом, в неправильных приемах анализа, в одностороннем подходе к этому сложному вопросу. Некоторые исследователи, например, ошибочно рассматривают связь между именами вещей и понятиями, представлениями как связь между обозначающим и обозначаемым (см. Ф. де Соссюр), смешивают понятия с категорией предметов. Отголоски этой теории мы находим и в советском языкознании. Формулировки типа «слова обозначают или именуют понятия», «слова — знаки понятий» и под. можно встретить во многих исследованиях и учебных пособиях, где говорится о значении слов. При этом речь идет в таких случаях обычно о наименовании предметов, явлений и т. д.

Д. И. Арбатский полагает, что наличие в языкознании неправильных, часто идеалистических по своему существу взглядов по вопросу об отношении слов к понятиям (мысли) и предметам (действительности) свидетельствует о совершенно недостаточной разработке этих вопросов. Между тем разработка указанных вопросов на основе материалистической философии имеет первостепенное значение для языкознания.

Вопросу о соотношении слова и понятия посвящена большая часть указанной выше статьи А. И. Моисеева. Автор считает, что при решении вопроса о соотношении слова и понятия следует иметь в виду, что в речи при помощи слов выражаются не только понятия о явлениях действительности, но и отношения между явлениями, а также отношения к ним говорящего. Из бесспорного положения, что все слова имеют значения, нельзя делать вывод, что все слова выражают понятия. Строго говоря, только имена существительные, в том числе и имена собственные, являются адекватной языковой формой выражения понятий.

Распространено мнение, говорит А. И. Моисеев, что всякое словосочетание, подобно слову, имеет номинативное значение и в силу этого соотносится с понятием. Но формой выражения существующих в сознании народа понятий, наряду со словами (точнее — именами существительными), могут быть признаны только фразеологические словосочетания субстантивного характера. Свободным же словосочетаниям понятий не только не соответствуют, но и не могут соответствовать, так как понятия — нечто закрепленное в сознании народа и отдельных индивидуумов, а языковые формы выражения понятий также закреплены в языке в виде готовых к употреблению единиц (слов и фразеологизмов). Словосочетания создаются всякий раз заново для

обозначения явлений действительности в их бесконечных, часто мимолетных и переходящих изменениях (например, *слегка измятая бумага*). Таким образом, по мнению автора, проблема «словосочетание и понятие» должна быть снята как мнимая, несуществующая.

В статье канд. филол. наук А. Я. Рожанского (Москва) «Слово как средство формирования и выражения понятия» говорится о том, что единство материального (язык, слово) и идеального (мышление, понятие) заключается в сложной взаимопроникающей связи, которая с самого начала существует в языке и мышлении, в слове и понятии. Каждое новое понятие, даже порывающее со старым, выступающее как его противоположность, не оторвано от имеющихся понятий, а в языковом отношении сформировано и выражено при помощи слов, существующих или вновь образуемых из имеющегося языкового материала.

В статье кандидатов филол. наук М. М. Галинской и Г. В. Колшанского «К вопросу о логическом содержании некоторых функций артикля в современном английском языке» делается попытка на конкретном материале проиллюстрировать взаимосвязь логики и грамматики. Анализируемый в статье вопрос является частным случаем проблемы соотношения слова и понятия.

Одной из основных функций артикля (не только в английском языке, но и в других, имеющих систему артикля) является функция указания на определенность или неопределенность существительного. Логическим же содержанием данной функции является указание на объем понятия, выраженного этим словом. Авторы подчеркивают, что под определенностью и неопределенностью существительного следует понимать определенность или неопределенность не самого слова, а того предмета, понятие о котором выражено этим словом. «Неопределенное существительное» обозначает предмет, относимый к классу предметов, но не выделяемый из него; так называемое «определенное существительное» обозначает предмет, чем-то выделяющийся из класса однородных с ним предметов. В своей статье авторы стремятся показать, в какой связи функция артикля (указание на определенность или неопределенность существительного) находится с некоторыми основными положениями логики, которые касаются понятия, его содержания и объема.

Рассматривая функции артикля и сравнивая их логическое содержание, авторы делают следующие выводы: функции указания на определенность или неопределенность имеет своим логическим содержанием указание на то, равен ли объем понятия единице или превышает ее. В первом случае употребляется определенный артикль. Например, существительные, выражающие единичные понятия, всегда, если смысл контекста фразы снимает всякую иную возможность понимания полисемичного слова, стоят с определенным артиклем (*the sun, the moon* и т. д.). Во втором случае применяется артикль неопределенный. При употреблении же существительного с атрибутами необходимо сказать, что пока объем понятия больше единицы, при слове, обозначающем это понятие, стоит неопределенный или нулевой артикль, а все определения при нем (если они есть) являются описательными независимо от того, указывают ли они на существенный или несущественный признак. Когда же объем понятия сведен к единице путем включения в содержание понятия указания на такой признак, которым в данный момент обладает лишь один предмет из всех предметов данного класса, то при слове, называющем этот предмет, стоит определенный артикль. Что касается определений в этом случае, то некоторые из них могут быть описательными, но по крайней мере одно из них должно быть ограничительным.

Анафорическая функция артикля указывает, что объем понятия равен единице окказионально, а описательная — что объем понятия постоянен, равен единице всегда; в обоих случаях артикль определенный. Близость логического содержания всех трех функций, соответствующих и близости их грамматического содержания, позволяет, по мнению авторов, считать, что анафорическая и описательная функции являются частными случаями проявления функции указания на определенность или неопределенность.

В нескольких присланных в редакцию статьях («О взаимоотношениях действительности, мышления и языка», «Значение слова», «В дебрях идеализма») В. П. Семенихин (Черкасская область) выступает против распространенной в советской лингвистике теории о том, что у каждого слова имеются две «стороны» — внешняя (материальная, звуковая) и внутренняя (идеальная, мыслительная, смысловая), что значения слов не отличаются от понятий (представлений), а эти последние «вмещаются», «заклачиваются» в слова языка. Полемизируя со многими авторами, в частности с А. И. Смирницким, автор утверждает, что «слово не содержит в себе ничего другого, кроме звуков (букв)..., понятия не могут быть «вмещены» в слова (языке)...».

Подобные мысли находим мы и в статье П. И. Визгалова «О разграничении языка и мышления». Автор высказывает свое несогласие с положением о том, что значение слова входит в структуру слова «в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка» (А. И. Смирницкий). По мнению П. И. Визгалова, включение понятия (которым, по сути дела, оказывается значение слова), являющегося единицей мышления, в слово—

единицу языка ведет к отождествлению языка и мышления. Основной причиной этого, считает автор, является игнорирование учеными того факта, что язык и мышление представляют собой различные общественные явления, что процессы языка и мышления характеризуются разными материальными субстратами.

В статье «Замечки о терминах» Е. К. Лавров (Москва) призывает к терминологической точности (отсутствие которой, по его мнению, затрудняет прогресс гуманитарных наук). Автор анализирует распространенные значения слов *явление, развитие, существенный, закономерность, закон* (научный); сделав вывод, что эти слова ввиду употребления их в разных значениях (в одной отрасли знания) нельзя сейчас признать терминами, он для каждого из них, как термина, формулирует одно значение. Выступая за правильное словоупотребление в науке, Е. К. Лавров предлагает: а) для упорядочения терминологии — создать сборники терминов по философии, языкознанию, политэкономии; б) с целью подготовки таких сборников и привлечения внимания научной общественности к вопросам четкости языка — ввести в отраслевых научных журналах «терминологические страницы».

Из статей в т о р о й г р у п п ы заслуживает внимания статья канд. философ. наук В. А. Кирилловой (Москва) «Логическая структура односоставных предложений». Основную трудность, по мнению В. А. Кирилловой, при исследовании проблемы соотношения предложения и суждения представляют односоставные, т. е. безличные и номинативные, предложения. В логике вопрос этот решается двумя способами: 1) суждения всегда двучленны; 2) могут быть и одночленные суждения, имеющие в своем составе только логический предикат. Разные высказывания, имеющиеся по этому вопросу в языковедческой литературе, могут быть сведены к следующим трем видам: 1) в составе безличного предложения отыскиваются два члена (Буслаев, Будде, Богородицкий); 2) в составе безличного предложения усматривается один член — сказуемое (Потебня, Овсяннико-Куликовский, Пешковский); 3) в составе безличного предложения отыскивается один член без попытки связать его с понятием подлежащего или сказуемого (Шахматов). В. А. Кириллова не принимает ни одной из этих точек зрения, полагая, что главный член односоставных предложений представляет собой иную синтаксическую категорию, нежели подлежащее и сказуемое. Она предлагает следующую классификацию безличных и номинативных предложений: 1 — распространенные безличные предложения, например *Все небо заволочено серыми тучами*. 2 — а) нераспространенные безличные, например *Светает, Морозно*; б) нераспространенные номинативные, например *Пожар, Утро*; в) распространенные номинативные, которые всегда совпадают со словосочетанием, например, *Поздняя осень, Жаркий июльский полдень*.

Выделенные в отдельную группу 1 распространенные безличные предложения служат такой же «языковой оболочкой» для мысли, как и личные (двучленные, двусоставные) предложения. Так, в приведенном примере: *Все небо заволочено серыми тучами* — *все небо* является логическим субъектом, а *заволочено серыми тучами* — логическим предикатом. Те же типы предложений, которые объединены в группе 2, — «бес-субъектные» в самом прямом и точном смысле слова. Однако это не значит, что они «беспредметны». Они не содержат в своем составе субъекта как «слова-понятия», но предмет мысли как необходимое условие всякого суждения у них, безусловно, есть. Он дан непосредственно, ясен высказывающему и воспринимающему суждение из ситуации, обстановки, не требует поэтому своего отображения в понятии субъекта и соответственного выражения в слове или группе слов.

В статье «Односоставные предложения в их отношении к суждению» канд. философ. наук М. Н. Алексеев и кандидаты филол. наук Л. С. Бархударов и Г. В. Колшанский (Москва), примыкая к точке зрения о наличии суждения и в односоставном предложении, категорически отрицают возможность существования одночленных суждений. Существование одночленных суждений не является, по их мнению, очевидностью и не поддается доказательству. Суждение по своему существу есть мысль, в которой указывается как то, о чем идет речь, так и то, что говорится о субъекте. Если в суждении нет того, что указывает на предмет (т. е. субъекта), или того, что указывает на признак предмета (т. е. предиката), то это будет не суждение, а только понятие. Слова *снег* или *бел* в отдельности никакого суждения еще не выражают. Суждение образуется, когда мы соединим вместе субъект и предикат (которые вообще только и существуют во взаимосвязи): *Снег бел*.

Теория, допускающая существование одночленных суждений, противоречит самой природе суждения, которое является формой мысли, всегда двучленной. Если мы признаем наличие одночленных суждений, свойства определенного вида предложений фактически будут перенесены на суждения. Тем самым будет смешиваться явления мышления с явлениями языка. Структура предложения не тождественна со структурой выражаемой в нем мысли, не совпадает с нею механически; если предложение грамматически одночленно, то это далеко не значит, что и выражаемое в нем суждение тоже одночленно.

То обстоятельство, что субъект и предикат не получают в односоставном предло-

жении раздельного лексического выражения, не означает, по мнению авторов, что они вообще не получают в нем языкового выражения, так как без него они не могли бы существовать. В связи с тем, что предикат в суждении сообщает новый, существенно важный признак предмета, он обязательно должен получить в предложении свое лексическое выражение — именно лексическое, потому что конкретное понятие может быть выражено только в слове или в словосочетании. В номинативных предложениях *Зима, Ночь, Раннее утро* и т. д. предикат выражен лексически.

Что же касается субъекта суждения, то, не получая для себя в односоставных предложениях лексического выражения, он находит свое воплощение, свою материальную оболочку в иных языковых средствах. Таким выражением могут служить: 1) флексия 3-го лица (в таких случаях, как *Светает* и т. п.), обозначающая абстрактное понятие, равное значению соответствующего местоимения; 2) инфинитив, как «выражение нулевого лица» (в таких случаях, как *Шутить и все шутить* и т. п.); 3) флексия 2-го лица (императив — *Садитесь, Пойте* и т. д.); 4) номинатив для именных односоставных предложений (*Зима, Пожар* и т. д.); 5) интонация законченного высказывания.

Поэтому, по мнению авторов, задача исследования односоставных предложений по отношению к суждению заключается в том, чтобы, исходя из обязательной двучленности суждений, обосновывать историей каждого конкретного языка разные способы выражения суждений в односоставных предложениях. (В данной статье анализируются факты русского, английского и немецкого языков.)

Вопрос о предложении и суждении затрагивается и в упомянутой выше статье А. И. М о с е е в а. Если признать (а это по существу является общепризнанным положением), что всякое предложение выражает определенную мысль, но не всякая мысль является суждением (логики упорно утверждают, что вопрос и побуждение, например, не представляют собой суждения), то обычно выставляемую проблему «предложение и суждение» придется снять как несущественную, так как ее решение без особого труда сводится к простой констатации, что не всякое предложение, а только повествовательное выражает суждение; эту проблему следует заменить более узкой проблемой: «суждение и повествовательное предложение», в которой будет рассматриваться соотношение действительно соотносительных единиц языка и мышления.

РЕЦЕНЗИИ

G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert. — Wien, 1956. 232 стр.

Сравнительно небольшая книга Г. Хюттль-Ворт заслуживает серьезного внимания историков русского литературного языка. Правда, тема об обогащении словарного состава русского языка в XVIII в. не поставлена в рассматриваемом труде в полном своем объеме. Не все стороны этого сложного процесса здесь охвачены даже применительно к литературному языку XVIII в. Автор оставляет в стороне сложную и особую задачу — исследовать развитие специально-терминологической лексики, не ставит вопроса и о лексическом обогащении народно-разговорной речи в разных ее ответвлениях. В книге преимущественно рассматривается вопрос о создании новых слов из русско-славянских словообразовательных компонентов и отчасти вопрос о семантическом преобразовании слов, связанном с воздействием европейских языков (особенно латинского, французского и немецкого). Но как ни важны эти процессы для XVIII в., они, конечно, не представляют собой всех путей обогащения лексики русского литературного языка. Обогащение словарного состава в это время было в той или иной степени связано и с прямым заимствованием слов из других европейских языков, с их усвоением и преобразованием на русской почве, с возрождением и оживлением в литературной практике этого времени некоторых старых слов, особенно славнизмов, и с процессом усвоения литературной речью слов народно-разговорных и областных. Семантическое преобразование слов в свою очередь не исчерпывалось и не определялось только процессами индукции со стороны западноевропейских слов и выражений.

Первоначальный замысел автора, как сообщается во «Введении» (стр. 1), ограничивался исследованием лексических неологизмов Карамзина, поскольку именно ему приписывалась особенно выдающаяся роль в этом отношении. Но очень скоро такое ограничение темы оказалось невозможным; потребовалось привлечение материалов современников и предшественников Карамзина. Были выборочно привлечены и просмотрены различные тексты, начиная с Петровской эпохи и до начала XIX в. Выбор источников довольно широк и разнообразен. Представлены отдельные произведения почти всех выдающихся писателей XVIII в., наиболее же полно труды Тредиаковского (в пределах трехтомного смирдинского издания; особенно — «Тилемахида» и «Слово

о премудрости, благоразумии и добродетели») и Карамзина («Письма русского путешественника», повести и другие материалы из его журналов, записка «О древней и новой России», три тома «Истории», письма к И. И. Дмитриеву и др.). Автором также использованы и учтены материалы других исследователей. Наконец, широко привлечены показания различных словарей XVIII в. — как толковых, так и переводных, а также словарей более раннего времени (П. Беринды), словаря Срезневского и современных толковых словарей. Для исторической лексикологии русского языка эта книга дает первую попытку сводного обзора развития лексики XVIII в. с таким широким охватом материала. Г. Хютль-Ворт критически относится ко многим частным заключениям своих предшественников и в некоторых отношениях вносит в это заключение существенные коррективы.

Однако за пределами внимания автора остались, например, оригинальные произведения и переводы И. П. Елагина и его школы¹, некоторые журналы XVIII — начала XIX вв., интересные и по языку, и по приводимым в них замечаниям об отдельных словах и выражениях [особенно «Ежемесячные сочинения», «С.-Петербургский журнал», «Московский Меркурий» П. И. Макарова (1803 г.) и «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения» (1802—1804 гг.)]. Узок круг привлеченных автором сочинений научно-философского и общественно-политического характера. Конечно, очень хорошо, что в поле зрения автора оказались отдельные работы этого рода, принадлежащие Третьяковскому, Ломоносову, Новикову, Козельскому («Философические предложения»), Щербатову, Радищеву. Но не представлены, например, труды Поповского, Аничкова, Десницкого, хотя некоторые из них вошли в двухтомное издание «Избранных произведений русских мыслителей второй половины XVIII в.» (М., 1952), которое было в руках автора. Не всегда удачен, даже с точки зрения интересов Г. Хютль-Ворт и поставленных ею в работе целей, выбор произведений. Остановившись, например, на «Письме к другу, жительствующему в Тобольске...», «Дневнике одной недели» и «Житии Ушакова» Радищева, она миновала основной философский трактат его «О человеке, его смертности и бессмертии».

Время после Ломоносова и до последнего десятилетия XVIII в. было временем героических попыток создать литературный язык на основе взаимодействия русских и «словенских» словообразовательных материалов, приспосабливая их к новым потребностям идеологического выражения, по возможности без примесей иноязычных элементов. Недостаточно еще развитый и совершенный литературный язык нуждался в строгих формальных ограничениях, «чтобы не упасть в варварство как латинскому» (Ломоносов). Дело при этом заключалось не только в ограничении дальнейшего доступа в язык прямых заимствований, но и в вытеснении многих ранее заимствованных слов. Известно, с какой особой скупостью даны иноязычные по своему источнику термины в «Словаре Академии Российской». Правда, уже с 1770-х гг. и особенно с 1780-х гг., в связи с развитием журналистики и идейными сдвигами в кругу дворянской передовой интеллигенции, с одной стороны, и в связи с модными веяниями в дворянской среде, с другой, этот строгий пуризм начинает исподволь рыхлаться. Любопытно, что в кругу писателей, признающих целесообразность некоторых новых лексических заимствований, оказываются не только те, кто, подобно Карамзину и его последователям, все больше чуждаются в собственном словотворчестве привлечению «словенского» источника, но и те, кто, как Радищев, по-прежнему широко черпают из него. Рядом с указанным пуризмом, как характерная черта этого периода, выступает «калькирование» и семантическое переосмысление слов с учетом значений соответствующих иноязычных синонимов. Взаимозависимость обеих этих тенденций — лексического пуризма и «семантической индукции» — справедливо отмечается в работе Г. Хютль-Ворт. Жаль только, что автор недостаточно подчеркивает эволюцию мнений по этому вопросу на протяжении изучаемого времени.

Труд Г. Хютль-Ворт состоит из двух неравных частей. В первой части, своего рода развернутом вступлении, раскрывается план и метод работы, определяется принятая в книге терминология, кратко характеризуется язык Петровской эпохи как отправной пункт дальнейшего исследования, даются краткие характеристики наиболее выдающихся писателей XVIII в. и их роли в обогащении словарного состава. Здесь же находим полемическую главу о роли указаний Шинникова для исследования неологизмов XVIII в. Эта часть исследования заключается главами, трактующими о видах лексических новшеств, о структуре неологизмов, о причинах гибели многих из них. Вся первая часть занимает стр. 1—79 книги. Вторую и наиболее важную часть работы составляет «Словарь неологизмов и семантических изменений» с примерами и

¹ Любопытно, что, намечая четыре «эпохи» в развитии слога в XVIII в., Карамзин третью из них начинал с «переводов славяно-русских господина Елагина и его многочисленных подражателей» (см. «Пантеон российских авторов», ч. 1, тетрадь 2, М., 1802, очерк о Кантемире).

комментариями (стр. 80—222). На стр. 223—232 даны подробная библиография и список принятых в тексте сокращений.

Обратимся к общим выводам автора о разновидностях неологизмов (стр. 69—74), об их словообразовательной структуре (стр. 74—76) и о причинах кратковременности существования многих из них (стр. 76—78). Автор выделяет семь групп неологизмов: 1) образования по аналогии; 2) лексические и фразеологические кальки (Lehnübersetzungen); 3) случаи, представляющие более свободную передачу (в структурном отношении) иноязычных слов (ср., например, *учерный круг* в соответствии с греч. *περίοδος* или *отвлечение от вещества* — франц. *abstraction* и т. д. Сюда же относятся некоторые случаи, более близкие к калькам, например *достопримечательность* — нем. *Sehenswürdigkeit*); 4) самостоятельные образования; 5) окказиональные неологизмы (*Gelegenheitsschöpfungen*); 6) полонизмы (а также украинизмы), и, наконец, 7) варианты и дублиеты.

Нетрудно заметить, что в этой классификации не проводится единого принципа подразделения. Группы вторая и третья объединяются и подразделяются по признаку их отношения к иноязычному источнику и в этом смысле могут быть противопоставлены всем видам самостоятельного от влияния иноязычных источников образования слов. С другой стороны, в этих группах могут оказаться и слова, структурно вполне отвечающие известному словообразовательному классу русского языка, и такие образования, которые структурно видоизменяют класс русских слов и не могут быть вообще рассматриваемы как простые производные образования (ср. хотя бы *отдействие* — калька франц. *réaction* у Карамзина).

Не совсем понятно выделение четвертой группы («самостоятельные образования», признаваемые «крайне редкими»). В качестве примеров на стр. 72 даются *напольность*, *промышленность*, *единственник* (у Радищева; = «индивидуум»); сюда же относятся сложные слова: *словоумие*, *хитродеижность* (= «механика»), *умообразительный* (= «фигуративный»). Один из них как будто бы тянут к первой группе (ср. *промышленность*), другие — к третьей (ср. *единственник*). Во всяком случае эта небольшая группа не представляет никакого единого признака. Называть эти слова «самостоятельными образованиями» вместе с тем означает в отдельных случаях игнорировать момент семантической «индукции» со стороны иноязычных слов. Слово *промышленность*, конечно, не калька лат. *industria* и франц. *industrie*, однако возникло, как указывается у самого Карамзина, в прямом отношении к ним.

Выделять специально пятую группу в этом ряду — значит вносить в качестве различительного признака момент стилистический, который не находит своего дальнейшего развития в классификационной схеме. К тому же в кругу неологизмов XVIII в. оказывается часто затруднительным отделить слова, образованные для данного случая, от слов, «экспериментально» создаваемых для более далеких целей. В отношении шестой группы неясно, идет ли речь при этом только о новообразованиях, явившихся под польско-украинским воздействием, или о некоторых усвоенных полонизмах и украинизмах.

Наконец, выделяются варианты и дублиеты, которые автор не решает рассматривать как неологизмы в собственном смысле слова (стр. 73). Но со словообразовательной точки зрения вряд ли есть достаточные основания для выделения этих слов в особую группу. К тому же понятие варианта (отчасти и дублиета) у автора очень широко и не всегда достаточно определено. Сюда относятся не только слова, образованные с тем или иным суффиксом (например, *-ость*) и не вносящие никакого нового значения сравнительно с уже известными образованиями с другими суффиксами (например, *-ство* или *-ние*), но и новые суффиксальные образования с наметившейся семантической дифференциацией (например, *ненаказанность* (= «ненаказуемость») по отношению к слову *ненаказание* («отсутствие наставления»), *посредность* (= «нейтралитет») по отношению к *посредство*, *посреденство* и т. д. — см. словарь].

Как ни противоречива эта классификационная схема, в ней на первом плане стоит противопоставление оригинальных образований образованиям, возникшим под воздействием других языковых источников. Хотя такое противопоставление и важно для XVIII в., однако оно является несколько упрощенным и механическим. Ведь так часто неологизмы XVIII в. представляют одновременно и воздействия со стороны иноязычных образов, и вполне закономерную реализацию словообразовательных и семантических возможностей русского языка.

Более простая схема принята для случаев изменения значений слов. Здесь выделяются заимствования значений (*Bedeutungsntlehnungen*) и изменения значений (*Bedeutungsänderungen*). Первая группа обнимает слова, у которых наряду с исконными (по преимуществу конкретными) значениями появляются новые (по преимуществу абстрактные) под воздействием их синонимов из других языков (ср., например, *рассеянный* и франц. *distrain*). Вторую группу представляют те случаи, когда русское слово перенимает новое значение от иностранного слова, хотя последнее ни структурно, ни этимологически с ним не имеет ничего общего. Ср. употребление слова *раздробление* в смысле «анализ», *изувер* в смысле «фанатик» и т. д. К этим двум видам присоединяется еще уподобление значений (*Bedeutungsangleichungen*), когда является только

«незначительное» изменение значения, собственно — изменение сферы применения слова (например, *усмотрение* начинает применяться к сфере научного наблюдения). Такая классификация представляется еще более односторонней и тенденциозной. Но она прямо связана с убеждением Г. Хютль-Ворт в том, что «только редко имеют место в литературном языке XVIII в. изменения значений, совершенно независимые от иностранных влияний» (стр. 74).

Что касается наблюдений над структурой неологизмов, то они носят очень общий характер. Автор ограничивается выделением собственно производных слов и *Komposita* (куда относятся как сложные слова, так и префиксальные образования), а также указанием на некоторые наиболее активные словообразовательные разряды. В кругу существительных наиболее активным признается образование от прилагательных новых слов с суффиксом *-ость*¹. Много реже образуются существительные с суффиксами *-ство* и *-ние*. Малочисленными признает автор новообразованные *nomina agentis* (с суффиксами *-ец*, *-ик*, *-тель*).

Значительно меньшее число новообразований приходится на долю прилагательных. Наконец, автор несколько раз подчеркивает, что новообразованных глаголов почти не встретилось (в качестве единственного исключения называются два отыменных глагола: *усверженствовать* и *сосредоточить*). С этим трудно согласиться. В некоторых разрядах глаголов, например в отыменных глаголах с суффиксом *-ствовать*, мы сталкиваемся с достаточно активным словообразованием. Ср. следующие глаголы, указания на которые отсутствуют в ряде словарей XVIII в. (в лексиконе Поликарпова 1704 г., в лексиконе Вейсмана 1731 г., во Французско-русском словаре 1762 г.) и которые впервые фиксируются Нордетом или в «Словаре Академии Российской» (нет примеров на них и в материалах картотки Древнерусского словаря, охватывающих также Петровскую эпоху): *потворствовать*, *роскошествовать*, *участвовать* и *соучаствовать*². Отметим также форму *глордствовать* — впервые в словаре Гейма (1799—1801). Ср. и некоторые глаголы на *-ничать*: *посесничать* (впервые в «Русском Целлариусе» 1771 г.), *роскошничать* и некоторые другие.

Рассуждения Г. Хютль-Ворт о причинах гибели многих неологизмов XVIII в. носят недостаточно конкретный характер. Автор указывает на то, что многие из неологизмов являлись только для целей перевода; естественно, что, употребленные один раз в одном произведении, они не удержались в языке. Но это, конечно, не указание причины, а только простая констатация факта. Многие неологизмы, созданные первоначально как средство перевода, вошли затем и в общее употребление. Ничего не объясняет указание автора на шуточный характер образований (например, *вадорология* у Карамзина; ср. вошедшие в литературный язык новообразования типа *злоныхательство* и *пейкосниматель* у Щедрина, *отсебятина* и ряд других). Многие варианты и дублеты не выражали никаких новых понятий и были излишними, говорит автор (стр. 77). Но и это только предпосылка для вывода, а не сам вывод. В одних случаях выживали именно новые варианты, в других они действительно не выдерживали конкуренции со старыми образованиями, в третьих — это соревнование старых и новых вариантов кончалось их семантическим размежеванием. Ближе к поставленной цели подходит Г. Хютль-Ворт, говоря о структурных и стилистических особенностях некоторых неологизмов. Например, указывается на несовершенство и тяжеловесность многих двучленных заместителей иноязычных терминов (вроде *смесь нестройная* у Радищева в значении «хаос»). Многие неологизмы, как правильно замечает автор, были слишком связаны с эпохой, в которую они возникали, чтобы пережить ее (автор приводит здесь в качестве примера новообразования Карамзина: *нежнокраснеющий*, *нежнообразованный*, и под.). Наконец, автор правильно связывает судьбу многих неологизмов с судьбой характерного для второй половины XVIII в. языкового пуризма. Но глубокого анализа судьбы многих неологизмов XVIII в. в связи перестройкой стилистической системы литературного языка и с изменением общественных условий мы не находим в книге.

Вообще следует отметить, что подобные обобщающие темы мало занимают Г. Хютль-Ворт. Больше всего ее интересует роль отдельных авторов в создании неологизмов. «Коньком» Г. Хютль-Ворт является вопрос об «авторстве» Карамзина в отношении ряда новых или семантически преобразованных слов. И р. смолт вопроса о роли Карамзина как «словообразователя» принес и наиболее ошутимые результаты, которые должны быть учтены историками русского литературного языка. Автор убедительно показывает, что Карамзину ложно приписывалось до сих пор создание и введение в употребление ряда новых слов, а также перосмысление и закрепление за некоторыми словами новых значений. В этом смысле часто погрешали против истины в той или

¹ Ср. Н. М. Ш а н с к и й, Из истории имен существительных на *-ость* в русском литературном языке. Канд. диссерт., М., 1948.

² Ср.: «...потворствуя друзьям, Он правосудие для Секста позабудет» (Гняннин, Титово милосердие); «Человек паче всех есть существо соучаствующее» (Радищев, О человеке);

ивой степени все, касавшиеся данной темы, начиная с Я. К. Грота. Причина таких ошибок заключалась в слишком доверчивом отношении к показаниям «Рассуждения о старом и новом слоге» Шишкова. Недостаточно учитывалось то обстоятельство, что, выступая против нового слога, Шишков ополчается на Карамзина как на действительно самого крупного и наиболее влиятельного его представителя. Но отсюда еще не следует, будто все, что имеется характерного для «нового слога» в произведениях Карамзина и что обратило на себя в этом слоге внимание Шишкова, должно быть избранным самого Карамзина. Вот некоторые слова, которые Г. Хютль-Ворт не считает неологизмами Карамзина, поскольку они встречаются ранее у других авторов или в словарях более раннего времени: *будущность* (есть у Новикова)¹, *всемирный* (есть у Ломоносова и Сумарокова), *достижимый* (дается в словаре Поликарпова; ср. также в словаре Миклошича; замечание Карамзина о том, что он «осмеливается» употребить это слово «по аналогии», больше говорит об уровне знаний Карамзина в области славянского лексического наследия, чем является свидетельством подлинного новообразования), *потребность* (ср. у Татищева, Сумарокова, Фонвизина) и некоторые другие (см. стр. 43—45).

Также возводятся к более раннему (иногда к значительно более раннему) времени появление новых значений или применений слов: *экус* (в отвлеченном смысле еще у Тредиаковского), *влияние* (например, у А. Барсова между 1755 и 1786 гг.), *отношение* (у Новикова), *положение* (= «ситуация»; есть у Татищева), *развитие* (у Новикова), *рассеянный*, *трогательный*, *упомянутый* (есть у Новикова). Менее категорически высказываются сомнения в отношении принадлежности Карамзину калькированного выражения *убивать время*, слова *человечный* (возможным признается лишь новый оттенок значения у Карамзина: «гуманный»).

Эти существенные уточнения имеют значение для общей характеристики Карамзина и его отношения к языку. Так, по данным исследований последнего времени оказываются преувеличенными представления о галломании Карамзина². Г. Хютль-Ворт показала, что должны быть ограничены и представления об особой «неологизаторской» активности Карамзина. В частности, в количественном отношении новообразования, например, Тредиаковского значительно превышают общую массу неологизмов Карамзина (у Тредиаковского найдено более 250 неологизмов, у Карамзина — около 120), хотя автором исследована только часть сочинений первого и почти в полном объеме тексты последнего (за исключением ряда ранних произведений 1780 гг.)³. Бесспорным достоинством Карамзина следует признать его гораздо более сдержанное, чем у ряда известных его предшественников и современников, экспериментирование в языке, очень тактичное и продуманное введение новых слов и оборотов. Только этим можно объяснить, что значительная часть его неологизмов вошла в употребление (приведенные у Г. Хютль-Ворт данные в этом отношении следует признать несколько преуменьшенными).

Другой «конек» работы Г. Хютль-Ворт — словообразовательная роль Тредиаковского, которому она приписывает очень многие из неологизмов XVIII в. Однако Г. Хютль-Ворт опирается при этом часто только на отсутствие фиксации того или иного слова или того или иного значения, найденного у Тредиаковского, в словарях более раннего периода. Она утверждает, что Тредиаковский занимает первое место среди «неологизаторов» XVIII в. (в частности, по сравнению с Карамзиным) не только по количеству введенных им слов и новых смысловых применений, но и по количеству

¹ Автор указывает, что в текстах Карамзина этого слова вообще не обнаружено. Укажу кстати, что слово *будущность* рассматривается еще как неологизм «Библиотеки для чтения» Сенковского в анонимной полемической книжке «Авторский вечер» (СПб., 1835), хотя оно эпизодически встречалось и в начале XIX в. [например, в переводе П. Ш. «Пожар Каиа, или царствование Туссеня Лувертюра» (М., 1802); в «Путешествии в мои карманы» (М., 1803) и позднее (но до начала деятельности Сенковского), например у Пушкина].

² См. об этом: Е. Г. К о в а л е в с к а я, Борьба вокруг карамзинской реформы в конце XVIII — начале XIX веков (вопросы лексики). Автореф. канд. диссерт., Л., 1955, стр. 11—15.

³ Правда, семантические неологизмы (изменения значения или применения слова) учитываются в книге далеко не полно. Мы не нашли здесь замечаний по поводу, например, следующих употреблений слов у Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «питомец железного севера» (ср. значение франц. «de fer»); «царствует глубокое молчание» (ср. значения франц. «régner»); «не тронув в его мозгу никакой новой или девственной фибры» (ср. «fibre vierge»); «она есть не что иное, как...» (ср. «rien d'autre que»); ср. также выражения: «La-Рив старался всеми силами заслужить ее (хвалу.— Ю. С.) и, как говорят французы, превосходил в искусстве самого себя»; «хорошее общество» (ср. «la bonne compagnie»); «вне себя бываю» (ср. нем. «bin ich ausser mir») и некоторые другие.

слов и значений, которые в дальнейшем вошли в общее употребление. Это преувеличение. Автор опирается на сопоставление абсолютных цифр. Но, конечно, решающими здесь следует признать данные относительные. Ведь процент, например, новых слов и новых значений, перешедших из сочинений Карамзина в общее употребление, выше, чем соответствующий процент для всех неологизмов Тредиаковского (по нашему приближительному расчету соотношение: 40% и 25%). Вообще подобные внешние, чисто количественные сопоставления недостаточно убедительны. Нельзя не учитывать и значимости этих новых элементов в лексической системе языка.

Материал по словообразованию и семантическим неологизмам у других виднейших авторов XVIII в., приводимый в книге, более случаен и отрывочен. Без сомнения, привлечение других текстов сильно увеличило бы, например, число неологизмов у Радищева¹. Автор справедливо отмечает (вслед за последними работами советских исследователей) важное значение журнальной деятельности Новикова для обогащения словарного состава русского языка. В прежних работах влиянию журналов Новикова в этом отношении не уделялось необходимого внимания. Отметим, однако, одну неосторожность Г. Хютль-Ворт. Рассматривая неологизмы из статьи «О торговле вообще», напечатанной в «Прибавлении к „Московским ведомостям“» Новикова за 1783 г., автор приписывает их непосредственно Новикову. Между тем мнение об авторстве Новикова в отношении этой статьи, выдвинутое Г. П. Макогоненко², не может считаться вполне обоснованным.

Наиболее ценную часть работы составляет словарь неологизмов. В нем представлено 565 статей (не считая ссылочных). Фактически же число приводимых здесь неологизмов несколько больше (так как в некоторых статьях говорится сразу о нескольких близких грамматически или семантически образованиях). Нет необходимости повторять, что этот словарь охватывает лишь часть действительных неологизмов XVIII в. (особенно «семантических»). Кроме объяснения значения слова, в словарной статье дается цитата, иллюстрирующая его первое (по данным автора) употребление, даются указания на источник и характер новообразования, приводятся данные по словарю Срезневского и словарям XVIII в. относительно этого слова и его прежних значений, а также о ближайших родственных словах, наконец показаны современные словари. Здесь встречаем также полемические замечания по поводу предшествующей интерпретации истории появления слова. Иногда даются и некоторые краткие указания на употребление слова у других писателей.

Несомненно, что утверждения автора, касающиеся источника отдельных новообразований и времени их появления, еще нуждаются в тщательной проверке на более широком материале (автор сам нередко высказывает свои суждения с разными оговорками и ограничениями). Мы остановимся здесь на некоторых частных промахах и неясностях. В статье *Бытие*, *бытие дела* (у Тредиаковского; = «факт») указывается со ссылкой на книгу Н. А. Смирнова «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху», что в петровское время имело место употребление слова *факт*. В работе Смирнова действительно находим указание на употребление этого слова со ссылкой на XXV т. «Сб. Русского исторического общества» (СПб., 1879). Однако на соответствующей странице указанного издания помещено изложение большого документа Петровской поры, сделанное редактором издания на современном русском языке. Попавшее по небрежности Смирнова в разряд заимствований Петровской поры слово *факт* рассматривается как таковое без дальнейшей проверки и в ряде позднейших работ. В материалах картотеки Древнерусского словаря слово *факт* отсутствует. По нашим данным, оно встречается (едва ли не впервые) у Радищева.

Значение слова *всенародный* в сочетании *болезни всенародные* (у Тредиаковского) раскрывается как «эпидемический». Это один из случаев произвольного употребления автором книги термина «значение слова». Из того факта, что выражение *всенародные болезни* замечает в переводе Тредиаковского выражение *maladies épidémiques* французского оригинала, вовсе не следует, будто само слово *всенародный* каким бы

¹ В списке Г. Хютль-Ворт мы насчитали около 25 слов и измененных значений, которые она приписывает Радищеву. Мы могли бы еще указать на следующие слова из его рассуждения «О человеке, его смертности и бессмертии» (в скобках даем страницы по «Полн. собр. соч.» А. Н. Радищева, т. 2, М.—Л., 1941): *единственность* («бытие наше или, лучше сказать, наша единственность») (39), *плододеяние*, *плододеятельный* (41), *груда* (со значением «масса»: «груда крови в животном») (42), *предсуществовать* (43), *внутренний, свемлице* («сердце, сей источник крови и вемлице ее»), *содрогательность* (45), *единообразоваться*, *согнательные воскипение* (со значением «разложение») (47), *тяжественность* (51), *шествоие* (в смысле «прогресс»; ср. «шествоие разума») (52), *среда* (в смысле «сфера, область»; ср. «вмеща в среду рассуждения посторонние предметы») (61), *умственность* (63), *умообразие* (66) и т. д. Конечно, об «авторстве» Радищева в отношении ряда этих слов и значений можно говорить пока только предположительно.

² См. Н. И. Новиков, Избр. соч., М.—Л., 1951, стр. 702—706.

то ни было образом изменило свое значение. В статье *Дух* вряд ли правомерно все указанные автором применения слова *дух* рассматривать как расширение значения под влиянием франц. *esprit*. Во всяком случае, очень легко представить эволюцию значения и на собственно русской почве. Сам пример из Тредиаковского «Духи живыи и кипящи... не способны к делам» столь же хорошо соответствует «Les esprits vifs et bouillants» во французском источнике, как не противоречит и старому значению слова *душа*. Тем менее оснований возводить к этому источнику сочетания вроде *улыбательный дух*, *наблюдательный дух*, *дух кротости* и т. д. (см. стр. 68). Иначе и известные выражения из перковой великопостной молитвы «дух праздности, уныния» и т. д. пришлось бы возводить к французск. *esprit*!

Слово *напоольность* (см. стр. 122) в одном случае его употребления у Тредиаковского раскрывается автором как «отрезок времени меньше полугодия». Имеется в виду следующее место из «Тилемахиды»: «Одной только Напоольности, тоест, меньше Полугодичного времени, довольню стало Тилемаху от Отбытия». Но это существительное имеет отношение не к *полный*, *полность*, *наполнен*, как думает автор, а представляет собой производное от *напоольный* (ср. у Даля: *напоолье* — «обширные поля, пашни под-ряд»). *Напоольность* собственно означает: «время от одной распахки полей (весенней) до другой (осенней)», т. е. действительно менее полугода, что и разъясняется Тредиаковским. В другой цитате из Тредиаковского автор вообще не может определить значение этого слова, что и естественно, раз исследование пошло по неверному пути. Пример следующий: «Как приблизился он к Саланту, то удивился Зрий напоольность Околку, оставленну им как стенуку». Здесь *напоольность* прямой «вариант» к слову *напоолье* в указанном его значении.

Вряд ли правильно, что в отрывке из «Тилемахиды»: «вероятность Басни. . соделывает впечатление; а остроумные по естественной сообразности лжесловия, имеют тогда всю важность правды» — слово *сообразность* имеет значение «Gestaltung» (у автора под вопросом). Здесь следует иметь в виду всё выражение *естественная сообразность*, т. е. сообразность по отношению к естеству, природе, действительности (мы бы сказали: *правдоподобие*). Вряд ли правомерно видеть в таких случаях, как *наблюдательница*, *обмащик*, *хижина* (у Тредиаковского *уединенная хижина* дается в соответствии к *cabinet* во франц. оригинале) и т. д., сдвиги в значении этих слов. Перед нами просто случаи перевода определенных иностранных терминов более или менее подходящими синонимами, не влекущие за собой никаких последствий для применяемых в переводе слов.

Иногда автор нарушает историческую перспективу, видя новое специализированное значение слова там, где только еще имеет место самое общее применение его к новой сфере понятий. Так, исходя из того, что в статье «О торговле вообще», приписываемой Новикову, *прилежание* соотносится с нем. *Industrie*, автор передает значение этого слова как «Industrie, Großgewerbe». Однако здесь слово *прилежание* скорее означает вообще различные виды производительной деятельности (и в этом смысле противопоставляется торговле). То же следует сказать и о первоначальном значении введенного Карамзиным слова *промышленность*. На многочисленных примерах употребления этого последнего слова в первые десятилетия XIX в. можно было бы убедительно показать, что оно только постепенно приобретает тот специализированный терминологический смысл, который сейчас с ним прочно связан. Не случайно Карамзин смотрит на *промышленность* (см. примечание к первой публикации «Писем русского путешественника» в «Московском журнале») как на возможный синоним лат. *industria* и франц. *industrie*, не оговаривая никакой особой специализации в значении этого слова. Сам же автор книги приводит характерный перевод франц. *industrie* в «Dictionnaire complet...» как «прилежание, трудолюбие, рачение». Слово *товарищество* из той же статьи «О торговле вообще» Г. Хютль-Ворт прямолинейно переводит как «Handelsgesellschaft» на основании современного понимания всего контекста.

Книга тщательно отредактирована, и в русских текстах встречается сравнительно немного опечаток. Самая досадная из них в заголовке статьи на стр. 190: *Смесь нестройной* вместо *смесь нестройная*. См. также неправильно указанный год смерти Карамзина на стр. 42 (1828 вместо 1826). В целом исследование Г. Хютль-Ворт, несмотря на указанную неполноту его, односторонность отдельных утверждений и недостаточность теоретических обобщений, следует оценить положительно. Результаты работы автора должны быть учтены при дальнейших историко-лексикологических исследованиях.

Ю. С. Сорокин

С. Е. Яхонтов. Категория глагола в китайском языке.— Изд-во ЛГУ, 1957. 181 стр.

На основе значительного по своему объему фактического языкового материала в рецензируемой книге рассматривается широкий круг вопросов, связанных с описанием грамматических категорий и форм, а также синтаксических свойств и особенностей китайского глагола.

Хотя первая глава составляет незначительную часть книги, в ней освещен один из важных вопросов — место глагола в системе частей речи современного китайского языка. В отличие от А. А. Драгунова, С. Е. Яхонтов не объединяет глагол и прилагательное в одну более общую категорию — категорию предикатива. Напротив, сопоставляя грамматические признаки, присущие глаголу и прилагательному, он наглядно показывает как общие черты, так и значительные различия, существующие между этими частями речи. В заключение им указаны восемь основных признаков глагола, из которых лишь некоторые являются общими для глагола и прилагательного. Концепцию С. Е. Яхонтова по вопросу о месте глагола в системе частей речи китайского языка можно признать достаточно обоснованной.

Вторая глава представляет собой синтаксическое описание китайского глагола. Чтобы выявить синтаксические особенности отдельных групп глаголов и определить характер управления, С. Е. Яхонтову пришлось уточнить понятие дополнения. Это в свою очередь потребовало рассмотрения вопросов, связанных с характеристикой целого ряда синтаксических явлений. Так сложился первый раздел данной главы — «Дополнение и его отличие от других членов предложения». Стремясь отграничить дополнение от других второстепенных членов предложения, С. Е. Яхонтов использует понятия дополнительного члена и обстоятельства отношения; он ищет иные, по сравнению с русским языком, признаки, которые могли бы лечь в основу разграничения различных типов дополнения. Без этого категория дополнения оказалась бы слишком обширной по своему семантико-грамматическому объему. Раздел содержит немало интересных наблюдений и умозаключений. Тем не менее принципы, на основе которых дана классификация второстепенных членов предложения, равно как и отдельные выводы нельзя признать бесспорными. С. Е. Яхонтов выделяет в качестве отдельного члена предложения счетные слова к глаголу (стр. 28—29). Эту идею едва ли можно считать плодотворной. Так называемые счетные слова к глаголу отличаются от слов, указывающих на длительность действия, только по смыслу, да и то между ними существует определенная семантическая близость¹. Синтаксические же свойства этих слов, как это отмечает и сам автор, совершенно одинаковы (стр. 28); и те и другие, представляя собой сочетания существительных с числительными, как правило, помещаются после глагола. Такое разграничение членов предложения лишено собственно грамматических признаков и поэтому вряд ли приемлемо. В том, что сочетание существительного с числительным, указывающее на длительность действия отнесено к обстоятельственным словам, а существительное, обозначающее место, названо косвенным дополнением (стр. 26), тоже легко усмотреть непоследовательность, объясняемую, как нам кажется, отсутствием однозначного подхода к оценке синтаксических явлений.

Среди материалов главы значительный интерес представляет анализ синтаксических свойств глаголов с побудительным значением. Чтобы сделать дальнейшее изложение более ясным, воспроизведем один из примеров: *Вань цунь ды Ван Аньфу бу чжи цыдун цаяньла си, хай чан-чан цоань бежень е наня цзо* «Ван Аньфу из их деревни не только по собственной инициативе снизил ссудный процент, но постоянно уговаривал и других поступить так же» (стр. 44). С. Е. Яхонтов совершенно правильно замечает, что глагол, стоящий в конце предложения, грамматически зависит не от дополнения, а от сказуемого, выраженного побудительным глаголом². Однако этим не исчерпывается вопрос в целом, так как необходимо также определить характер грамматической зависимости, существующей между двумя глаголами. С. Е. Яхонтов, называя второй глагол дополнительным членом, считает его отдельным второстепенным членом предложения³. Сама идея дополнительного члена как синтаксической катего-

¹ В русском языке эти слова относят к обстоятельствам, выражающим меру количества и меру времени (см. «Грамматика русского языка», т. II, ч. 1, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 592—595).

² Существует и другая точка зрения, согласно которой дополнение к сказуемому, выраженному побудительным глаголом, является одновременно подлежащим по отношению к следующему глаголу (см. Ван Ли, Чжун го синьдай юйфа (Грамматика современного китайского языка), т. I, Шанхай, 1947, стр. 183; см. также Б. И с а е н к о, Н. К о р о т к о в, И. С о в е т о в - Ч э н ь, Учебник китайского языка, М., 1954, стр. 20).

³ Что касается терминологической стороны вопроса, то следует признать более удачным термин «объектно-предикативный член» (см. А. И. С м и р н и ц к и й, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 251).

рии, призванной восполнить пробел в существующей системе второстепенных членов предложения, не лишена интереса. Но есть и принципиально иное истолкование синтаксической сущности рассматриваемого явления. Нам кажется более оправданным считать второй глагол частью сложного сказуемого¹. В пользу такого понимания характера синтаксической зависимости между двумя глаголами говорят следующие соображения. Побудительный глагол, будучи глаголом недостаточным, требует для реализации своего значения наличия в предложении второго глагола, с которым он связан теснейшим образом и в смысловом, и в синтаксическом отношении. Следует также иметь в виду, что второй глагол может управлять дополнением (это, кстати сказать, не ускользнуло от внимания С. Е. Яхонтова). Поэтому естественнее говорить о дополнении к одному из компонентов сложного сказуемого, нежели о дополнении к дополнительному члену.

Понятие дополнительного члена автор распространяет также и на другие случаи использования знаменательных слов в позиции после глагола-сказуемого. Рассмотрим следующий пример: *Во сюнди саньгэ... доу цзай куаншан цзидяньгу данла сюэту* «Мы, все три брата.. поступили учениками в электромеханическое отделение на руднике» (стр. 33). По мнению С. Е. Яхонтова, слово *сюэту* «учениками» выполняет функцию дополнительного члена. Вместе с тем он замечает, что такой дополнительный член представляет собой именную часть сложного сказуемого. Последнее объяснение является более правильным, так как глагол и существительное действительно образуют единое смысловое и синтаксическое целое. Остается, однако, неясным, зачем понадобилось при истолковании грамматической сущности данного явления прибегать к понятию дополнительного члена.

Совершенно целесообразно говорить о дополнительном члене при рассмотрении лексических образований типа *цзоуляйла* «устали идти» (стр. 34), так как это практически ничего не даст и, напротив, лишь вызывает превратное представление о том, что якобы в составе слова можно выделить члены предложения. Идея дополнительного члена оказывается плодотворной только в том случае, когда этим термином С. Е. Яхонтов называет существительное, следующее за дополнением. Например: *Дацзя ичжи доу цзюэ та* «*Лао Сун*» «Все одинаково называли его „Лао Сун“» (стр. 33).

Слова, стоящие после глагола и в смысловом отношении призванные обозначать так называемую неотчуждаемую принадлежность, рассматриваются С. Е. Яхонтовым в качестве отдельного члена предложения и именуется обстоятельством отношения (стр. 34). Сколь неправомерно было выделение А. А. Драгуновым в частную лексико-грамматическую категорию имен существительных, обозначающих неотчуждаемую принадлежность (по этому вопросу мы согласны с мнением М. К. Румянцева²), столь же необоснованным представляется нам выделение этих слов в особую синтаксическую категорию — обстоятельство отношения. С. Е. Яхонтов пишет, что «в большинстве случаев это — название части тела человека или части предмета, на которую распространяется действие, обозначаемое глаголом» (стр. 34). Как известно, объект (а объектом, естественно, может быть как целый предмет, так и часть его), на который распространяется действие, обозначаемое глаголом, обычно принято считать дополнением. Таким образом, с точки зрения основного значения, присущего дополнению как грамматической категории и заключающегося в его отношении к глаголу-сказуемому, эти слова ничем не отличаются от слов, обычно относимых к дополнению. Естественно, что у этих слов не оказывается и тех внешних грамматических признаков, которые позволили бы с достаточным основанием выделить их в особую синтаксическую категорию.

Нам кажется особенно неоправданным называть обстоятельством отношения слова со значением неотчуждаемой принадлежности в том случае, когда они относятся к прилагательному. Например: *Ни баба нэммо да няньци...* «Твой отец так стар...» (дословно: «Твой отец такой большой в отношении возраста...» — см. стр. 35). Мы полагаем, что в данном случае прав А. А. Драгунов, который сочетание слов типа *да няньци* «большой возраст» относит к так называемым качественно-предметным словосочетаниям и считает, что последние могут выражать в китайском языке сказуемое³.

¹ Так, в русском языке сочетание глаголов типа *советую заниматься* рассматривается как сложное глагольное сказуемое (К. А. Т и м о ф е в, Инфинитивные предложения в русском литературном языке. Докт. диссерт., М., 1951, стр. 190—191); ср. также предложение: *начальник велел вам никуда не уходить*, где «инфинитив является частью сложного сказуемого» (М. М. Н и к и т и н а и В. П. С у х о т и н, Рецензия на «Граматику русского языка», ВЯ, 1955, № 3, стр. 120).

² См. рецензию М. К. Р у м я н ц е в а на книгу А. А. Драгунова «Исследования по грамматике современного китайского языка» («Советское востоковедение», 1955, № 4, стр. 162).

³ А. А. Д р а г у н о в, Исследования по грамматике современного китайского языка, I — Части речи, М.—Л., 1952, стр. 68.

Материалы раздела «Дополнение и его отличие от других членов предложения» говорят о том, что С. Е. Яхонтов, рассматривая широкий круг вопросов, стремится найти объяснение сложным синтаксическим явлениям, выходящим за рамки обычных построений. Вместе с тем этот раздел весьма наглядно свидетельствует о том, насколько недостаточны еще наши представления и как несовершенны еще наши выводы в части, касающейся системы второстепенных членов предложения в современном китайском языке.

Во втором разделе главы дана классификация глаголов по их синтаксическим особенностям. В основе этой классификации лежит деление глаголов на переходные и непереходные. Акад. В. В. Виноградов в заключительной части своего труда «Русский язык» писал, что «углубленное исследование соотносительных категорий глагольной переходности и непереходности становится одной из центральных задач грамматического описания системы глагола»¹. Это замечание в полной мере сохраняет свое значение и в отношении китайского языка. То обстоятельство, что С. Е. Яхонтов уделяет большое внимание рассмотрению этого вопроса, является бесспорным достоинством рецензируемой книги. Не рассматривая вопрос о переходности и непереходности китайского глагола в целом, так как вряд ли возможно в краткой рецензии сколь-нибудь подробно осветить эту сложнейшую проблему, мы хотим лишь сделать несколько замечаний.

Переходный глагол, как пишет об этом С. Е. Яхонтов, характеризуется тем, что требует прямого дополнения (стр. 37). Вслед за Ж. Мюлли и А. А. Драгуновым он считает прямым дополнением, которое может помещаться не только после глагола, но и перед ним, в последнем случае получая перед собой служебное слово *ба* (стр. 25). Признаком прямого дополнения, по мнению С. Е. Яхонтова, является и другая особенность: прямое дополнение в предложениях активного строя соответствует подлежащему в предложениях пассивного строя, т. е., иначе говоря, обозначает конструкцию с *бай* (стр. 25). В смысловом отношении «переходные глаголы обозначают действия, в результате которых их объект в какой-то мере изменяет свое состояние, качества, положение в пространстве, принадлежность определенному лицу и т. п., либо такие, в результате которых объект создается или уничтожается...» (стр. 38). С другой стороны, дополнение при глаголах мысли, чувства и речи, обозначая предмет или явление, отражающиеся в сознании субъекта действия или вызывающие в нем какие-то чувства, а не предмет, изменяющийся под влиянием действия, является косвенным (стр. 49). Между тем глаголы мысли, чувства и речи довольно свободно допускают конструкцию с *ба* или конструкцию с *бай*. Ссылку на то, что конструкции с *ба* и *бай* при глаголах мысли, чувства и речи «никак не являются языковой нормой» (стр. 50), вряд ли можно признать достаточно обоснованной. Мы приводим несколько примеров, аналогичных тем, которые С. Е. Яхонтов дает на стр. 49—50. Более того, с глаголами мысли, чувства и речи возможны построения, допускающие одновременное использование конструкций с *ба* и конструкций с *бай*. Например: *Ни куай дэнь цзюу ба, та хуэй син ды, буао бай та ба ни каньцзянь* «Поскорее уходи, он может проснуться; не нужно, чтобы он тебя видел» (дословно: «не нужно, чтобы ты был увиден им») ². Все это вызывает сомнение в правомерности того взгляда, что «глаголы мысли, чувства и речи являются косвенно-переходными» (стр. 49). Последнее же изображение в свою очередь ставит под сомнение правильность положения, что прямым дополнением следует считать только то дополнение, которое допускает конструкции с *ба* и с *бай*.

По нашему мнению, возможность или невозможность конструкции с *ба*, этого в высшей степени своеобразного синтаксического явления, не зависит (по крайней мере в современном языке) от вещественного значения глагола, не определяется, таким образом, его отнесенностью к той или иной частной лексико-грамматической категории, а зависит прежде всего от структурных особенностей предложения и от структуры (но уже в меньшей мере) глагола-сказуемого. Поэтому возможность конструкции с *ба* вряд ли является одним из грамматических признаков, на основании которых допустимо проводить деление глаголов на переходные и непереходные.

Нечеткое разграничение прямого дополнения и так называемого «беспредложного косвенного дополнения со значением места» (стр. 26) тоже приводит к тому, что «настоящие непереходные глаголы», кстати сказать, противопоставляемые косвенно-переходным глаголам, могут, оказывается, иметь дополнение, которое по значению не отличается от обстоятельства места (стр. 58). Таким образом, получается, что глаголы, признаваемые за «настоящие непереходные», могут все же иметь беспредложное косвенное дополнение со значением места и тем самым практически не отличаются от косвенно-переходных глаголов. Нам кажется, что стремление отыскать прямое и косвенное дополнение является отражением грамматических предвзятостей, связанных с системой русского языка; оно едва ли способствует уяснению особенностей глагольного управления в китайском языке. Для последнего, быть может, следует признать более

¹ В. В. Виноградов, Русский язык, М.—Л., 1947, стр. 762.

² См. Ба Цзинь, Дуаньбинь сяошо цзи, Чанчунь, 1943, стр. 85.

обоснованным деление дополнений на предложные и беспредложные. Это, по-видимому, один из возможных путей разграничения конкретных форм дополнения.

Занимаясь классификацией глаголов по характеру управления, С. Е. Яхонтов иной раз слишком много внимания уделяет смысловому содержанию отдельных глаголов, что объективно означает уклон к семантике и отвлекает внимание исследователя от описания собственно грамматических свойств китайского глагола. Так, например, С. Е. Яхонтов считает, что «если глагол обозначает движение, которое не может изменить направления» (*дяо* «падать», *тяо* «прыгать»), направление падения или прыжка не может измениться на полпути), дополнение или обстоятельство получает значение конечного пункта движения (*дяо ди* «упасть на землю», *тяо цзин* «прыгать в колодезь» — стр. 61). Однако согласиться с этим утверждением не представляется возможным, так как оно противоречит живым фактам языковой действительности. Дополнение, управляемое глаголом *тяо* «прыгать», может означать не только конечный, но также и исходный пункт движения. Например: *Х у а н: Э, ни хай цюаньго го тяо лоу!* «Х у а н: Да-а, и еще советовал мне выброститься из окна!» (дословно: «прыгнуть с многоэтажного дома»)¹. Дополнение, управляемое глаголом *тяо* «прыгать», может означать предмет, при помощи которого совершается прыжок. Например: *тяо цзянлосань* «прыгать с парашютом». Таким образом, конкретное лексическое значение глагола не определяет собой значение и характер управляемого им дополнения, так как в китайском языке беспредложное дополнение может находиться в самых разнообразных отношениях с глаголом-сказуемым.

Третья глава представляет собой морфологическое описание китайского глагола. Она содержит много тонких и интересных наблюдений над различными явлениями в сфере грамматических категорий глагола. Эта глава, если не считать некоторых спорных положений, которые неизбежны при широком рассмотрении сложных вопросов, является наиболее ценной частью работы.

По-видимому, следует считать правильным один из основных выводов, к которым С. Е. Яхонтов пришел в результате изучения временных свойств глагола. Он пишет, что «времена китайского глагола... представляют собой смешанные видо-временные категории» (стр. 167—168). И действительно, многочисленные факты языка свидетельствуют о том, что глагольные формы, образуемые суффиксами *ла*, *го*, *чжэ*, выражают не чисто видовые, а смешанные видо-временные значения глагола. В этой связи нужно заметить, что А. М. Цуканов в итоге большого и серьезного исследования глагольной формы, образуемой суффиксом *ла*, тоже пришел к выводу о том, что эта форма выражает единое видо-временное грамматическое значение².

Немалое научное и практическое значение имеет вопрос об относительном употреблении форм времени, нашедший в книге довольно полное освещение. С. Е. Яхонтов рассматривает относительное употребление форм настоящего (стр. 111), прошедшего (стр. 109 и 120) и будущего (стр. 146) времен. Если суммировать сведения по данному вопросу, то, пожалуй, можно говорить о наличии в китайском языке стройной системы так называемых относительных времен. Большой интерес представляет также вопрос о модально-переносном употреблении форм времени. Мы не отрицаем того, что в китайском языке существует переносное употребление временных форм глагола. Однако нам кажется, что сфера действия этого явления ограничена, и едва ли во всех случаях, о которых пишет С. Е. Яхонтов, действительно имеет место переносное употребление. Так, по его мнению, форма настоящего-будущего времени может употребляться вместо прошедшего завершенного времени, подчеркивая в таких случаях неожиданность, внезапность действия или то, что действие произошло только что (стр. 130). По-видимому, более оправданным является объяснение, предложенное А. М. Цукановым. Последний считает, что наличие в системе китайского глагола видо-временных форм позволяет глаголам с нулевым оформлением выражать в определенных синтаксических условиях видо-временные оттенки, совпадающие по своему содержанию с видо-временными значениями этих глагольных форм³. Следовательно, в данном случае А. М. Цуканов усматривает не переносное, а соотносительное употребление форм глагола, обусловленное определенными синтаксическими условиями.

Значительное место в рецензируемой работе занимает освещение вопросов, связанных с характеристикой результативных глаголов. Как известно, в сфере этих глаголов имеется большое число лексических образований, весьма интересных по своей структуре и особенностям употребления. Мы хотим остановиться на образованиях типа *цзоула чжуйюй* «вышел». С. Е. Яхонтов считает, что в тех случаях, когда суффикс *ла* присоединяется непосредственно к корню результативного глагола, последний «теряет цельнооформленность, и модификатор, оставаясь служебным элементом, формально превращается в отдельное слово» (стр. 89). Несколько ниже С. Е. Яхонтов пишет:

¹ См. Ц а о Ю й, Цзюйбэнь цзи, Пекин, 1955, стр. 320. Этот пример любезно предоставил в наше распоряжение Б. С. Исаченко.

² А. М. Ц у к а н о в, Глагольная форма на *-ла* и некоторые проблемы вида в современном китайском языке. Автореф. канд. диссерт., М., 1955, стр. 12.

³ Там же, стр. 10.

«Что же касается морфем *лай* и *цую*, то хотя мы по традиции пишем их слитно с модификатором, к которому они относятся, и хотя, в ряде случаев, они по смыслу составляют с ним единое целое, формально они всегда могут быть отделены от модификатора дополнением, обстоятельством места или подлежащим и, следовательно, являются не частью предшествующего глагола, а самостоятельными служебными словами» (стр. 89—90). Столь сложное и мало убедительное объяснение является следствием того, что С. Е. Яхонтов упускает из виду существование в китайском языке наряду с служебными элементами типа *лай* и *цую* также и служебных элементов типа *чулай* и *чуцую*. Интересно отметить, что служебные элементы этого типа употребляются не только с глаголами, но также с прилагательными и целыми фразеологическими словосочетаниями. В этом случае части служебных элементов вообще не могут быть разъединены. На фоне всей совокушности глагольных образований, в состав которых входят так называемые глаголы направления движения, элементы *чулай* и *чуцую* выступают как вспомогательные глаголы, в лексическом отношении представляющие собой единое слово.

В работе встречаются неточные формулировки. На стр. 38 и 151 говорится о «пропусках» членов предложения. По нашему мнению, при синтаксическом анализе не следует говорить о пропуске членов предложения, ибо это означает подразумевание якобы недостающих слов. На стр. 154 С. Е. Яхонтов, говоря о слове *цую*, называет его «служебным наречием». Мы считаем, что признание за каким-либо словом служебной функции исключает возможность отнесения этого слова к знаменательной части речи, ибо знаменательная и служебная функции в принципе не совместимы в рамках одного слова¹.

В заключение хочется сказать, что отмеченные недостатки не влияют на то благоприятное впечатление, которое складывается в результате ознакомления с рецензируемой книгой — книгой интересной и в своей большей части могущей быть полезной для разработки вопросов, связанных с изучением и описанием китайского глагола.

В. И. Горелов

«Дослідження з мовознавства в Українській РСР за сорок років». — Київ, Видавництво Академії наук Української РСР, 1957. 310 стр.

Авторский коллектив сборника поставил перед собой задачу дать максимально полные сведения о той работе, которая была проведена украинскими языковедами за сорок лет (1917—1957). Эти сведения даются в форме кратких обзоров дореволюционного научного наследия, развернутых аннотаций, а также почти исчерпывающих перечней трудов украинских языковедов в период с установления Советской власти до наших дней.

Почти во всех статьях сборника отмечаются те трудности в развитии украинистики, которые были обусловлены политическим бесправием и социально-национальным угнетением народов дореволюционной России, и подчеркивается тот вред, который был нанесен развитию украинского языкознания различными проявлениями буржуазно-националистических тенденций².

Сборник открывается статьей И. К. Белодёда «Изучение истории украинского литературного языка в советское время». Кратко охарактеризовав дореволюционное научное наследие в этой области, автор в самых общих чертах определяет предмет и проблематику истории украинского литературного языка, опираясь на положения, разработанные русскими исследователями; в статье указывается на необходимость учитывать специфику предмета и задач данной науки в отличие от предмета и задач исторической грамматики украинского языка; однако мысль о необходимости строгой дифференциации истории литературного языка и истории языка художественной литературы не находит своего развития, а как показывает дальнейшее изложение — материалы этих двух особых наук нередко смешиваются.

Переломными в истории разработки вопросов развития украинского литературного языка были, по словам автора, 30-е годы, когда появились основополагающие в этой области труды В. В. Виноградова и Л. А. Булаховского. Однако в приведенном автором обзоре работ украинских языковедов 20—30-х годов преобладают работы, которые в большей мере относятся не к изучению общих закономерностей развития украинского литературного языка, а к изучению словесного мастерства ряда украинских писателей (Шевченко, Квитки-Основьяненко, Первомайского, Тычины, Ивана Ле и др.).

¹ Подробнее см. нашу статью «К вопросу о морфологической характеристике слов типа *цую*, *бянь*, *чай*» («Труды Военного ин-та иностр. языков», № 10, 1956, стр. 22—27).

² См., например, статьи И. К. Белодёда, С. П. Левченко, И. Г. Матвиеяса и др.

В послевоенный период отмечается большая работа по составлению вузовских программ и учебных пособий по курсу истории украинского литературного языка. Подчеркивается особое значение для изучения указанной дисциплины исследований Л. А. Булаховского (как объединенных под общим названием «3 историчных коментаріі в до української мови», так и других его трудов, посвященных проблемам происхождения и истории украинского языка), а также изданного коллективом Института языкознания АН УССР обобщающего труда «Курс истории украинского литературного языка»¹. Большое место в статье отводится характеристике работ по изучению языка классиков украинской литературы, языка советских украинских писателей, в частности — писателей эпохи Великой Отечественной войны. Попутно характеризуются работы, посвященные изучению языка украинских памятников письменности XVI—XVIII вв., вопросу о периодизации истории украинского литературного языка (П. П. Плющ, И. К. Белодед) и вопросу о русско-украинских языковых связях (П. И. Ижакевич, Г. М. Гнатюк, И. К. Белодед и др.).

В статье С. П. Левченко «Развитие исследований по исторической грамматике украинского языка после Октябрьской революции» содержатся сведения об издании памятников украинского языка и исследованиях, посвященных изучению их языка. Отметив малочисленность работ, посвященных изучению фонетических и морфологических явлений, лексики, и почти полное отсутствие в 20-е годы исследований по синтаксису и историческому словообразованию, автор указывает на оживление работы по исторической грамматике, возрастание интереса к изучению общих проблем истории украинского языка в 40-е годы (в частности, проблемы развития восточнославянских языков в начальный период формирования восточнославянских народностей). Перечислив работы, посвященные изучению фонетических, морфологических (реже — синтаксических) вопросов, автор заканчивает свою статью критическим обзором учебных пособий по исторической грамматике украинского языка, вышедших в 20—30-е годы.

В статье И. Г. Матвеева «Исследование грамматики современного украинского литературного языка за советское сорокалетие» подводятся итоги исследованиям в области изучения грамматического строя современного украинского литературного языка. В советский период украинское языкознание наиболее интенсивно развивалось именно в этой области (выработка норм украинского правописания, определение норм литературного употребления, нормативная направленность лексикографических трудов и т. д.). В статье дается аннотированный список работ, посвященных изучению фонетической системы украинского языка (экспериментальное изучение звуков украинского языка, сравнительный анализ способов артикуляции согласных звуков и т. д.); особо подчеркивается значение исследований Л. А. Булаховского в области изучения украинской акцентологии (установление общности системы ударения в восточнославянских языках, развитие в них индивидуальных особенностей в позднейший период, выработка нормативных указаний в отношении современного украинского произношения и ударения и т. д.). Приводится также аннотированный список работ по изучению украинского словообразования, по изучению теоретических и практических вопросов украинской пунктуации (Л. А. Булаховский, В. С. Ващенко и др.). Особо выделяется коллективный труд «Курс сучасної української літературної мови» (в 2 томах). Подробно освещается дискуссия, возникшая в 30-е годы в связи с опубликованием статьи Е. В. Кретевица «Сложноподчиненные предложения в современном украинском языке».

Итоги развития украинской лексикографии подводятся в статье Т. В. Зайцевой «Сорок лет украинской советской лексикографии». После краткого обзора дореволюционных изданий (словари непонятных слов к произведениям классиков украинской литературы, рукописный словарь украинского языка 1835 г., словарь Гринченко) автор переходит к рассмотрению основных недостатков лексикографических трудов 20—30-х годов. Эти недостатки, по мнению автора, были обусловлены резко утилитарным характером большинства словарей, с одной стороны, пуристическими установками составителей, с другой; по словам автора, словари эти нередко «являлись не в результате изучения живого языка и законов его развития, а были продуктом безоглядного словотворчества». Положительно оцениваются дополнения к словарю Гринченко, составленные Д. И. Яворницким (Д. И. Яворницький, Словник української мови, т. 1. А — К, Катеринослав, 1920). Автор подвергает критическому рассмотрению работу и методологические установки Постоянной комиссии для составления словаря живого украинского языка, возглавлявшейся А. Ю. Крымским, и изданный этой комиссией «Практический русско-украинский словарь» (т. I—III, 1924—1928), а также работы Института научного языка по сборанию, изучению и нормализации терминологической лексики и работы по составлению и изданию исторического словаря украинского языка (руководитель Е. К. Тимченко).

¹ «Курс історії української літературної мови», т. I—Дожовтневий період, за ред. акад. АН УРСР І. К. Білодіда, Київ, 1958.

В статье дается обстоятельная характеристика основных трудов Словарного отдела Института языкознания Украинской Академии наук — четырехтомных русско-украинского и украинско-русского, однотомного русско-украинского словаря (1948 г.); приводятся сведения о ходе работы по составлению и изданию этих словарей; четырехтомный русско-украинский словарь характеризуется с точки зрения его состава, принципов отбора слов, подачи иллюстративного материала и т. д. Попутно даются сведения о состоянии подготовительной работы по составлению разного типа словарей (словаря языка Т. Г. Шевченко, словаря синонимов, словаря областной лексики, а также двуязычных, специальных, орфографических словарей, словарей иностранных слов и т. д.). В статье содержатся сведения о состоянии теоретической работы в области лексикографии, разветвлению и росту которой в значительной мере способствовало наличие печатного органа Словарного отдела Института языкознания («Лексикографічний бюлетень», вып. 1—5, 1951—1955).

Освещению состояния работы по вопросам теории перевода посвящена статья И. А. Багмута «Вопросы теории перевода на Украине за советское время». Автор отмечает широкий размах переводческой деятельности на Украине и прежде всего — переводов марксистской литературы. Разрешение многих сложных проблем перевода марксистской литературы на украинский язык явилось мощным толчком к появлению ряда научных трудов по вопросам перевода публицистической литературы и способствовало установлению тесной связи переводческой деятельности с разрешением проблемы развития национального литературного языка. В статье конспективно излагаются содержание статей ряда авторов об основных недочетах переводов литературно-критической и художественной литературы (М. Ф. Рыльского, В. С. Ильина, И. К. Белодода, О. Л. Кундзича и др.), приводятся сведения о работе ряда совещаний по упорядочению переводческого дела (совещания 1941, 1954 гг.; постановка вопросов перевода на III съезде советских писателей Украины). Положительно оценивая русско-украинский словарь 1948 г., автор считает необходимым усилить внимание к лексикографическим изданиям, обслуживающим нужды переводчиков, в связи с широким разветвлением и усложнением переводческой деятельности.

Статья Ф. Т. Жилко «Исследование диалектов украинского языка в советскую эпоху (1917—1957 гг.)» посвящена обзору работ по диалектологии украинского языка в послевоенный период, составлению исследований последних лет с работами 20—30-х годов, выявлению главных направлений развития украинской диалектологии. Отметив, что до революции диалектология была самой отсталой областью украинистики, автор дает сведения о первых попытках научного описания отдельных диалектных явлений, классификации и описания украинских говоров, составления первых программ для записей украинских говоров как в дореволюционное время, так и в 20—30-е годы.

40-е и особенно послевоенные годы характеризуются как период значительного разветвления диалектологических исследований (интенсивные записи украинских диалектов, описания говоров и их групп, выработка методов лингвистической географии, собрание и картографирование материалов для диалектологического атласа украинского языка). Попутно дается общая характеристика Вопросников и Программы для сбора материалов для диалектологического атласа украинского языка.

Об «Основных вопросах развития украинской топонимии в послеоктябрьский период» пишет К. К. Целуйко. После общих замечаний о состоянии изучения географических названий дореволюционными историками, филологами и этнографами дается обстоятельная характеристика развития украинской топонимии в советскую эпоху; отметив особое внимание советских исследователей к вопросам методики и методологии топонимических разысканий, автор дает обзор работ, посвященных выяснению вопроса о предмете топонимии как языковедческой науки; автор подчеркивает значение новой постановки вопроса об источниках (организация записи собственных географических имен из уст народа как путем проведения специальных топонимических экспедиций, так и через корреспондентов-учителей). В заключение автор, отметив причины отставания топонимической лексикографии, останавливается на деятельности украинских топонимистов, направленной на выработку единой программы собирания топонимических материалов, единых правил их записи и единого плана организации топонимических разысканий.

Обзор научной литературы, учебных пособий и характеристика основных направлений в изучении русского языка дается в статье Г. П. Ижакевича «Из истории изучения русского языка на Украине в советский период». Характеризуя работы, посвященные вопросу о роли русского литературного языка в развитии других литературных языков, в частности украинского литературного языка (статьи Булаховского, Фетисова, Гелнера и др.), автор приводит перечень работ, посвященных изучению русско-украинских языковых связей. К несомненным достижениям в разработке проблем исторической грамматики русского языка автор относит труды Л. А. Булаховского, монографическое исследование синтаксиса древнерусских грамот В. П. Борковского и ряд других работ.

В статье Т. Б. Лукниова «Изучение западнославянских и южнославянских языков на Украине в советское время» приводятся сведения о трудах по изучению бол-

тарского языка, польского языка, по изучению сравнительной грамматики славянских языков и т. д.

В статье Н. С. Родзевич «Развитие романо-германского языкознания на Украине в советский период» дается общий обзор учебной литературы (по немецкому, английскому и французскому языкам), вышедшей на Украине в 20—30-е годы.

В статье А. С. Мельничук «Развитие общего и индоевропейского языкознания на Украине за 40 лет» характеризуются работы по вопросам общеметодологического характера.

В сборник включены собранные М. М. Пещак сведения о статьях био-библиографического характера (personalia), опубликованных в украинских изданиях. Статьи об ученых-языковедах (преимущественно — русских и украинских) даются в порядке алфавитного размещения фамилий языковедов, которым они посвящены. К сборнику приложен систематический указатель статей, опубликованных в издаваемых Институтом языкознания АН УССР сборниках «Мовознавство» (1934—1957).

Г. М. Макеева

J. Benzing. D'e tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik.— Wiesbaden, Akademie-Verlag, 1956. 151 стр.¹ (Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jg. 1955, № 11).

За последние годы И. Бенцинг опубликовал ряд работ, посвященных исследованию тунгусо-маньчжурских языков². Взгляды его на алтайскую проблему, а также на некоторые черты тунгусских языков сформулированы в докладе «Заметки о тунгусских языках и их отношениях к другим языкам, называемым алтайскими»; дальнейшее свое развитие эти взгляды нашли в рецензируемой нами работе; см. особенно специальный первый раздел ее «Общие сведения о тунгусских языках» [стр. 955(7)—964(16)].

Объединение различных неиндоевропейских языков в семью «урало-алтайских» И. Бенцинг считает весьма проблематичным. Точно так же не доказанным, с его точки зрения, является родство тюркских, монгольских и тунгусских языков, причисляемых к алтайским, хотя многие совпадения в этих языках позволяют признать такое родство не исключенным. Автор считает, что для разрешения проблемы генетического родства алтайских языков и принадлежности к ним тунгусских необходимы в первую очередь серьезные исследования сравнительного характера внутри каждой из указанных языковых групп. Общность же между собой тунгусских языков И. Бенцинг считает безосновной несмотря на то, что грамматическая структура маньчжурского языка, по его мнению, была значительно разрушена под влиянием китайского.

Книга «Тунгусские языки» представляет собой первую сравнительную грамматику тунгусо-маньчжурских языков, в которой изложены все основные сведения о их фонетике, морфологии и синтаксисе. Это выгодно отличает рецензируемую работу от всех предшествующих сравнительных исследований в области тунгусо-маньчжурских языков, где, как известно, рассматриваются лишь отдельные языковые явления. Важно отметить в то же время, что И. Бенцинг не ограничивается простым описанием фактов, а выявляет закономерности их развития и восстанавливает предполагаемые звуки и формы общетунгусского языка-основы.

Материалом для исследования, как указывает сам автор, послужили в первую очередь изданные в Советском Союзе книги на гольдском (нанайском), удэйском, эвенкийском и ламутском (эвенском) языках и доступные ему научные работы советских авторов. Кроме того, по маньчжурскому языку он привлекает материалы И. Захарова³, по чжурчженскому — В. Грубе⁴, по языкам же негидальскому, солонскому, орок-

¹ Книга имеет двойную пагинацию.

² См. краткое изложение сообщения И. Бенцинга (J. Benzing, Remarques sur les langues tongouses et leurs relations avec les autres langues dites altaïques) в отчете о заседании Парижского лингвистического общества от 16 февраля 1952 г., помещенном в «Bull. de la Société de linguistique de Paris», t. XLVIII, fasc. 1, 1952, стр. XVII—XVIII; в полном виде этот же доклад был опубликован в «Ural-altaïsche Jahrbücher», Bd. XXV, Hf. 1—2, 1953. См. также J. Benzing, Lamutische Grammatik mit Bibliographie, Sprachproben und Glossar, Wiesbaden, 1955.

³ И. Захаров, Полный маньчжурско-русский словарь, СПб., 1875; его же Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879.

⁴ W. Grube, Goldisch-deutsches Wörterverzeichnis, в кн. L. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-lande, Bd. III—Anhang, St.-Petersburg, 1900; W. Grube, Die Sprache und Schrift der Jučen, Leipzig, 1896.

скому и ороческому — материалы, содержащиеся в работе В. И. Цинциус¹. Тем не менее автор не принял во внимание (или ему неизвестен) еще ряд работ по исследуемым языкам², многие из которых могли бы внести ясность в некоторые недоуменные для него вопросы.

В разделе II «Фонетика» [стр. 965(17)—1000(52)] автор отмечает в тунгусских языках гласные краткие, долгие, дифтонги, гармонию гласных, губную аттракцию в рамках гармонии, отпадение кратких гласных *i/i* в конечной позиции после простого согласного звука в северотунгусских языках, утрату конечного звука *n* в южнотунгусских языках, наличие в тунгусском языке-основе всех гласных двух рядов, звуки *x*, *s*, *p* в отдельных тунгусских языках, возможные сочетания согласных в слове, небольшое количество слов с начальными звуками *w*, *j*, отсутствие *r* в начальной позиции, употребление в конце слова лишь некоторых согласных, а также другие черты.

Основной недостаток этого раздела состоит в том, что, характеризуя фонетические закономерности тунгусо-маньчжурских языков, автор опирается на данные только письменных языков, тогда как известно, что орфографическое написание не может отразить полностью всех фонетических особенностей языка. Так, например, И. Бенцинг указывает, что гласные *i/i* «фонетически во многих тунгусских языках совпадают, но фонологически всегда отличаются» (стр. 21, § 27). К такому заключению он пришел, исходя из написания, которое не отражает в ряде языков различий между звуками *i* и *i*.

Рассматривая соответствие звуков \bar{u}/\bar{u} северотунгусских языков дифтонгу $\bar{u}\bar{u}$ и сочетанию $\bar{u}\bar{u}\bar{a}$ в южнотунгусских языках (стр. 26, § 34), И. Бенцинг высказывает предположение, что как звук \bar{u}, \bar{u} , так и звуко сочетание $uwa/\bar{u}\bar{u}\bar{a}$ развились из дифтонга * $ua/\bar{u}\bar{a}$ и что, следовательно, среди форм, например, местоимения «вы» — эвенкийск. *sü*, гольдск. *süð(süä)* и маньчж. *süwe* — наиболее древней следует считать форму *sud(süä)*; ср. также переход $wa > ua$ в глаголе *wa* «убить». Ход рассуждений автора в данном случае нам представляется недостаточно убедительным. Многочисленные примеры на выпадение щелевых согласных между гласными, которое прослеживается при сравнительном исследовании всех тунгусо-маньчжурских языков, свидетельствует, как нам кажется, о другом, более вероятном пути развития, а именно: $uwa > \bar{u}; \bar{u}\bar{u}\bar{a} > \bar{u}\bar{u} > \bar{u}$. В таком случае дифтонг в южнотунгусских языках оказывается не исходным, а вторичным³.

В отношении ударения в тунгусо-маньчжурских языках И. Бенцинг совершенно справедливо отмечает отсутствие сведений в общих грамматиках по этим языкам и разноречивость кратких высказываний, имеющих в некоторых других работах.

Некоторые наблюдения над эвенкийским языком дают нам основание думать, что силовое ударение в словах эвенкийского языка далеко не всегда падает на первый слог, что место ударения в разных словах обусловлено наличием долгих и недолгих гласных, а также слоговой структурой слова. Поэтому в различных словах ударение падает на различные слоги.

Раздел III «Морфология» [стр. 1001(53)—1095(147)] состоит из краткой характеристики структуры слова в тунгусо-маньчжурских языках, некоторых замечаний об основных способах словообразования, а также сравнительного описания частей речи. Вызывает интерес точка зрения автора, высказанная им относительно общетунгусской формы на *-*ni* = маньчж. *-ngge*, гольдск. *-ngo/-ngu*, ольч. *-ngu*, удэйск. *-ni*, негид. *-ni(i)*, эвенкийск. *-ni(i)*, ламутск. *-n(a)* (стр. 61, § 73). Форма эта, по мнению И. Бенцинга, имеет выделительное значение, так как употребляется в случаях указания на предмет из числа ему подобных. Это объяснение интересно как попытка иного толкования указанной формы по сравнению с теми точками зрения, которые высказаны в отношении ее в литературе по тунгусо-маньчжурским языкам. Однако такое объяснение, по-видимому, не исчерпывает полностью всех функций этой формы, так как ей свойственно выражение различных отношений между предметами и главным образом все же отношений по принадлежности, которые при условии добавления суффиксов *-ni* в эвенкий-

¹ В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949.

² А. В. Аврорин, Очерки по синтаксису нанайского языка. 1. Прямое дополнение, Л., 1948; А. Ф. Бойцова, Категории лица в эвенкийском языке, Л.—М., 1940; Г. М. Василевич, Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1948; В. А. Горцевская, Формы отрицания в эвенкийском языке, Л., 1941; О. А. Константинова и Е. П. Лебедева, Эвенкийский язык. Учебное пособие для педагогических училищ, М.—Л., 1953; Е. П. Лебедева, Наречия места в эвенкийском языке, М.—Л., 1936 («Известия [Научно-исследоват. ассоциации Ин-та народов Севера им. П. Г. Смидовича]», вып. 10); В. И. Цинциус, Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. 1 — Фонетика и морфология, Л., 1947, и мн. др.

³ См. об этом В. И. Цинциус, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, стр. 110—111.

ском и негидальском и *-qa* в ламутском выражают значение принадлежности условной или относительной.

Следует также отметить, что, рассматривая указанную форму в разделе отменных глаголов, автор причисляет ее, таким образом, к разряду словообразовательных. По нашему же мнению, она должна быть отнесена к формообразующим, так как выражает грамматическое значение.

В разделе склонения имен автор отмечает, что суффикс творительного падежа не отсутствует в маньчжурском языке, а лишь совпадает по звуковой форме с родительным: **-ǰi* > маньчж. *-i*, т. е. что две различные в прошлом формы в результате своего развития дали в маньчжурском два омонимичных показателя: суффикс инструментального *-i* > *-ǰi* и суффикс генитива *-i* < **-ni*. Подобное утверждение, однако, нуждается в дополнительном обосновании.

Не ясна позиция автора в отношении генитива. Возражая против утверждения В. И. Цинциуса о том, что генитив свойствен лишь одному маньчжурскому, и представляя генитив в общей таблице суффиксов падежей всех тунгусо-маньчжурских языков (стр. 79, § 88), а затем говоря также о генитиве в связи со случаями двойной флексии (стр. 89, § 102), Бенцинг в то же время приводит все указанные им суффиксы генитива в разделе словообразования имен прилагательных как суффиксы, которые образуют от существительных имена прилагательные притяжательные (стр. 90—91, § 105). Из всего сказанного И. Бенцингом относительно генитива следует сделать вывод, что он объединяет две формы, различающиеся в современных тунгусо-маньчжурских языках. Одна из этих форм имеет показателем маньчж. *-i* ~ *-ni*, солонск. *-ni* и является генитивом, который в остальных тунгусо-маньчжурских языках отсутствует¹. Показатели другой формы маньчж. *-ŋə*, ольч. *-ŋgi*, удэйск. *-ni*, негид. *-ni* ~ *-ni*, эвенкийск. *-ni*, ламутск. *-ni* и т.п. — в ряде работ рассматриваются как суффиксы, образующие притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные², в некоторых же других работах эта форма характеризуется как особая предикативно-притяжательная форма имен существительных и местоимений³.

При описании глагола автор придает важнейшее значение форме на *-ra*, *-sa*, *-da*, которую он называет аористом и которая, по его мнению, послужила основой для образования целого ряда тунгусских глагольных форм (настоящего, прошедшего и будущего времен, условных и некоторых других форм).

В соответствии со способом образования форм аориста автор устанавливает три класса глагольных основ: *-ra*, *-sa*, *-da* и связанные с ними номинативные формы *-ri*, *-si*, *-di*. В «Заметках о тунгусских языках и их отношениях к другим языкам, называемым алтайскими» И. Бенцинг сопоставляет эти формы аориста с соответствующими тюркскими формами на *-r*, *-s*, *-d*. В результате анализа форм аориста И. Бенцинг делает вполне обоснованный вывод о том, «что в аористе тунгусских языков перекрещиваются две первоначально различные глагольные парадигмы: а) формы на **-n* (во мн. числе **-r*?) + энклитические местоимения, б) формы на **-ra* (**-sa*), **-da* + энклитические местоимения» (стр. 132, § 137). Однако точка зрения И. Бенцинга относительно трех вышеуказанных форм аориста представляется нам приемлемой лишь в плане исследования прошлого состояния языка, в современных же тунгусских языках грамматическое значение этих форм не дает оснований ни для обобщающей характеристики их как форм аориста, ни для подразделения глагольных основ на три класса.

При рассмотрении форм будущего времени автор выделяет из суффикса будущего времени *-ǰaŋə* элемент *-qa*. В разных частях работы И. Бенцинг дает разноречивое определение этого элемента и без достаточных пояснений причисляет его то к показателям вида, то к показателям причастия.

Одну из форм будущего времени в эвенкийском языке — будущего непосредственного на *-ǰal* автор характеризует как аорист начинательного вида, например *duku. ǰa.l.lan* «он сейчас (непосредственно) напишет» (стр. 134, § 139). Здесь следует иметь в виду, что элементы, составляющие показатель этой формы (*ǰa* + *l*), по-видимому, уже утратили (или утрачивают) свое первоначальное значение, так как они занимают необычные по отношению друг к другу места в слове: показатель начинательного вида *-l* помещается за показателем несовершенного вида *-ǰa*, тогда как в других случаях, когда *-l* выступает как живой видовой показатель, он всегда предшествует суффиксу *-ǰa(-l+ -ǰa)*. Отсюда следует, что суффикс *-ǰal* в современном эвенкийском языке должен рассматриваться как особый формат будущего времени.

В разделе IV «Замечания по синтаксису» [стр. 1096(148)—1099 (151)] И. Бенцинг очень кратко излагает свои наблюдения по основным вопросам этого наименее разра-

¹ См. В. И. Ц и н ц и у с, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, стр. 256, 271.

² См. А. Ф. Б о й ц о в а, указ. соч., стр. 72—137; О. А. К о н с т а н т и н о в а и Е. П. Л е б е д е в а, указ. соч., стр. 101 и 116—120.

³ В. А. А в р о р и ц, Предикативно-притяжательные формы в нанайском и других тунгусо-маньчжурских языках, ВЯ, 1956, № 3.

ботанного раздела в грамматиках тунгусо-маньчжурских языков. В рецензируемой работе, как и в «Заметках о тунгусских языках и их отношениях к другим языкам, называемым алтайскими» согласование определения с определяемым в числе и падеже в тунгусских языках автор связывает с явлением двойной падежной флексии и на основании этого высказывает мнение, что согласование является структурной необходимостью этой группы языков. Последнее представляется нам достаточно справедливым, так как согласование определения с определяемым действительно характерно для ряда говоров эвенкийского, а также эвенского языков.

*

Труд И. Бенцинга вносит значительный вклад в науку о языке. С выходом в свет этой сравнительно-исторической работы тунгусо-маньчжуроведение получило новые данные об исходных фонемах и формах тунгусского языка-основы и их развитии. Несмотря на то, что сами грамматические факты, которых касается И. Бенцинг, в той или иной мере уже известны из опубликованных ранее работ, интерес к рецензируемой книге не снижается, так как многие из этих фактов получают здесь новое освещение. В некоторых случаях выводы, к которым приходит автор, как это отмечалось нами выше, следует признать спорными, но ценность работы в целом от этого не становится меньше. Ряд недостатков (отсутствие четкого разграничения фактов современного языка и фактов, относящихся к его истории; схематичность изложения; недостаточная обоснованность ряда выводов; допущенные неточности) в большей мере объясняются, по-видимому, тем, что автор пользуется сравнительно ограниченным языковым материалом, к тому же только письменных языков и лишен возможности использовать тот богатый материал (в частности, в фонетической транскрипции), которым располагают советские специалисты. К сожалению, этот материал, а также исследования по тунгусо-маньчжурским языкам публикуются у нас еще очень мало.

Книга И. Бенцинга должна вызвать у советских тунгусоведов и алтаистов большой интерес и побудить их к дальнейшим исследованиям как в специальной области тунгусо-маньчжуроведения, так и в более общих вопросах алтаистики.

В. А. Горцесская, В. Д. Колесникова, О. А. Константинова

A. Carnoy. Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen (Bibliothèque du Muséon, vol. 39). — Louvain, 1955. 224 стр. (Publications universitaires, Institut orientaliste).

Сам факт появления «Протоиндоевропейского этимологического словаря» свидетельствует о весьма интенсивном развитии этой новой отрасли индоевропейского языковедения. Под термином «протоиндоевропейский» имеются в виду языки народов, появившихся в Европе и Малой Азии до италийцев, кельтов и греков и оставивших в виде заимствований множество слов, которые невозможно вести к индоевропейскому при помощи фонетических закономерностей, существующих в италийском, кельтском, греческом или каком-либо другом индоевропейском языке.

Вслед за П. Кречмером, К. Паули и А. Фикком, которые положили начало изучению «догреческих» языков, большинство ученых считали все этимологически темные слова и формообразовательные элементы в италийском, кельтском и греческом языках остатками неиндоевропейских языков¹. В результате работ В. Георгиева, который первый последовательно доказал индоевропейский характер догреческих элементов и дал таблицу фонетических соответствий «догреческого» языка с индоевропейским, теория об индоевропейском характере «догреческого» языка приобрела все больше приверженцев².

Достижения В. Георгиева были вскоре приняты и развиты А. И. Ван-Винденкеном, В. Мерлингеном, О. Хаасом, А. Карнуа и некоторыми другими³. В связи с признанием индоевропейского характера «догреческого» языка некоторые ученые склонны рассматривать теперь этрусский язык тоже как индоевропейский⁴.

¹ Подробный обзор теорий о неиндоевропейском характере догреческих элементов см.: V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, I, 1, Sofia, 1941, стр. 13—59; е го же, Вопросы родства средиземноморских языков, ВЯ, 1954, № 4, стр. 57.

² О значении работ В. Георгиева в практическом и общетеоретическом плане см.: W. Merlingen [рец. на кн.:] A. J. van Windkens, *Le pélasgique, «Indogerm. Forsch.»*, Bd. 61, 1954, стр. 297; см. также: W. Merlingen, *Das «Vorgriechische» und die sprachwissenschaftlich-vorhistorischen Grundlagen*, Wien, 1955.

³ См. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 59.

⁴ См. там же, стр. 50 и сл.; см. также: A. Carnoy, *Dialectologie proto-indo-européenne, «Orbis»*, t. I, № 2, 1952, стр. 423 и сл.; е го же, *La langue étrusque et ses origines, «Antiquité classique»*, t. XXI, fasc. 2, 1952, стр. 289 и сл.

Выпуску рецензируемого словаря предшествовало несколько работ А. Карнуа по «догреческому» и этрусскому языку¹, но эти работы, по словам самого автора, вряд ли можно считать оригинальными, во всяком случае в области «догреческого», поскольку в них он целиком следует за В. Георгиевым и А. И. Ван-Виндекенсом (стр. V)².

Протоиндоевропейский словарь А. Карнуа состоит из трех больших отделов соответственно реконструируемым языкам, относимым автором к протоиндоевропейским: первый отдел — пелазгский (section pélasgique) (стр. 1—78); термин «пелазгский» условно обозначает «догреческие» языки; второй отдел — западный протоиндоевропейский (section proto-indo-européenne de l'occident) (стр. 79—163), здесь имеются в виду иллирийцы или лингуры; третий отдел — этрусский (section étrusque) (стр. 165—216); в конце этрусского отдела помещено небольшое количество слов ликийского языка, соотносенных с индоевропейскими основами (стр. 216—219).

Словарь имеет довольно обширное общее предисловие (стр. V — XII) и два частных, предпосланных второму и третьему отделам. Автор, говорится в предисловии, не претендует на то, чтобы его словарь был поставлен в один ряд с существующими этимологическими словарями отдельных индоевропейских языков. Его задача скромнее. Например, относительно пелазгского он просто полагает, что наступил момент собрать все этимологии, разбросанные по многим отдельным статьям и книгам, в единый словарь, «который мог бы с легкостью и пользой служить справочником для эллинистов в качестве дополнения к этимологическим словарям Буазака, Гофмана, Фриска и др.» (стр. V — VI). Составляя два других отдела словаря, автор преследовал аналогичные цели: он стремился координировать работу в этих областях и дать отправную точку новым исследованиям (стр. IX — X).

Второму отделу предпослана таблица фонетических трансформаций реконструируемых индоевропейских звуков в «западных протоиндоевропейских языках». В этих фонетических закономерностях можно заметить много общего с фонетическими закономерностями пелазгского языка, хотя «западные протоиндоевропейские» языки принадлежат к группе centum (стр. 79). В относительно обширном введении к третьему (этрусскому) отделу А. Карнуа характеризует свой метод исследования и толкования этрусских слов. Как и В. Георгиев, он опирается на античную традицию относительно анатолийского происхождения этрусков, т. е. на признание близкого родства этрусского языка с ликийским, лидийским, пелазгским, хеттским и другими древними малоазиатскими индоевропейскими языками³. Здесь также дается таблица фонетических закономерностей этрусского языка, которые сближают его с пелазгским и хеттским. Из пунктов 8 и 10 видно, говорит А. Карнуа, что этрусский язык, как и хеттский, был языком centum и даже сохранил наряду с ним ларингал в виде *h*. Однако это весьма сомнительно⁴.

Во всех трех отделах словаря слова распределены в алфавитном порядке, за исключением слов ликийского языка, помещенных в конце этрусского отдела (стр. 216—219) и расположенных соответственно фонетическим закономерностям, выводимым автором для этого языка. Наибольшее количество слов содержит пелазгский отдел — около 1010; из них 530 слов (т. е. больше половины), обозначенные звездочками, — этимологии самого автора⁵. В словах, этимологии которых не принадлежат А. Карнуа, в словарной статье дается необходимый, но, к сожалению, очень краткий справочный материал с ссылками на соответствующие работы различных ученых, главным образом на работы В. Георгиева и А. И. Ван-Виндекенса. При наличии нескольких толкований приводятся основные из них. Поскольку пелазгский отдел задуман как дополнение к существующим уже этимологическим словарям греческого языка, автор совсем не помещает в нем соответствий с другими индоевропейскими языками, за исключением греческих соответствий, которые в этом случае очень важны. Он ограничивается сведением данного слова к индоевропейскому корню.

¹ См. A. Carnoy, Le substrat «pélasgique» dans la toponymie grecque, «Orbis», t. III, № 2, 1954, стр. 433 и сл.; е го ж е, L'hypothèse pélasgique et la mythologie grecque, «Muséon», LXVII, 3—4, 1954 (см. также работы по этрусскому языку, указанные в предыдущем примечании).

² В скобках здесь и далее указывается страница рассматриваемого словаря.

³ См. вышеуказанные работы А. Карнуа и его вышедшую позже рецензируемого словаря книгу, посвященную специально этому вопросу: A. Carnoy, Lycien, étrusque, indoeuropéen, Louvain, 1956. См. также рецензию на эту книгу М. Лежена, («Revue des études anciennes», t. 58, № 3-4, 1956, стр. 341). Ср. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 50—51.

⁴ См. K. Olschka, Schrift und Sprache der Etrusker, «Historia», Bd. VI, Hf. 1, 1957, стр. 34 и сл.

⁵ А. Карнуа в 1957 г. в качестве дополнения к рецензируемому словарю опубликовал еще 40 новых пелазгских этимологий (См. A. Carnoy, Le substrat «pélasgique» du grec. Nouveaux exemples, «Orbis», t. VI, № 1, 1957, стр. 135 и сл.).

Словарь включает ряд удачных этимологий, теперь уже многими признанных, таких, как: пелазг. ἄλειψω «мазь», «масло» (стр. 7), ср. греч. λίπος¹; пелазг. ἄμεσσω (стр. 8) (гlossа Гесихия) «ключица, лопатка», ср. лат. *humerus*; пелазг. ἄφ(ε)υος (стр. 13) «богатство», ср. лат. *ops*, санскр. *āpnas*²; пелазг. ἄστυ (стр. 12) «город», ср. санскр. *vastu*, ирл. *foss*; пелазг. βάσκανος (стр. 15) «мошеник», «волшебник», ср. лат. *fascinum*, греч. φάσκα; пелазг. βάσκιου·δεσμοί φρυγάνων (гlossа Гесихия) (стр. 15) «вязанка», «охапка», ср. греч. φάσκος, лат. *fascis*³; пелазг. βασιλεύς (стр. 15) «царь», «властитель», даются две этимологии: одна — Георгиева с пометкой «предпочтительно», связывающего это слово с санскр. *bhagaḥ*⁴, и другая — Вап-Виндекенса, связывающего его с **bhos-*, *bhās*, санскр. *bhās*⁵; пелазг. θεράπην (стр. 25) «жилище», ср. греч. τέραρνον⁶; лат. *trabs*; пелазг. μέλυδος (стр. 48) «свиноп», ср. лат. *plumbum*; пелазг. σέργοι·ἐλαφοί (гlossа Гесихия) (стр. 61) «олени», ср. лат. *cervus*, арм. *sirvis*, и.е. **keruo*⁷; пелазг. τερέβινθος (стр. 69) «восточное дерево», дается лучшая, чем у Георгиева⁸, этимология Вап-Виндекенса⁹, который выводит это слово из и.е. **der(e)u*; пелазг. χρόνος (стр. 78) «время», ср. греч. χείρω, и.е. **gr-*но от и.е. *(*s*)*ger* «резать».

Словарь содержит сравнительно много слов, но в погоне за количеством, которое «само по себе, по мнению автора, в настоящем случае имеет доказательную силу» (стр. 168) (с чем вряд ли можно согласиться), он стремился включить в свой словарь абсолютно все когда-либо предложенные этимологии, независимо от степени их вероятности. Поэтому в словаре можно заметить много весьма сомнительных этимологий, например: ὅσιος (стр. 52) «установленный священным законом» выводится из **ius-ios*, лат. *ius*, *ustus*; этимология Мерлингена, тоже несколько сомнительная: (ὅσιος < **īag-ios*, ср. греч. ἅγιος «священный», санскр. *yājati*) все же лучше, поскольку и.е. **ǵ* > пелазг. *s*¹⁰; πηλος (стр. 55) «болото» выводится в словаре из и.е. **bolu* < **bel*, ср. литовск. *balai*, русск. *болото*, но оно прекрасно объясняется из и.е. **pel*, ср. лат. *palus* и пр.¹¹; δαίμων (стр. 20) — первоначально «знак» — семантически трудно связать с санскр. *dhyaman* «мысль» и авест. *daeman* «взгляд», как это делает А. Карнуа, исходя из и.е. **dhei*. Это слово имеет множество других объяснений¹². Также и θώρας (стр. 27) «панцирь» трудно вывести из и.е. **tuer-*«огораживать», «окружать», поэтому вряд ли стоит отбрасывать сопоставления с санскр. *dharakaḥ* «тот, который вмещает»¹³; θάμβος (стр. 24) «ужас» прекрасно выводится как чисто греческое и.е. **dhamb-*, в противоположность τάφος < **dhmbh-* в результате диссимилиации¹⁴. Также весьма рискованно семантически объединять κορυφή (стр. 38) «вершина», κορδύλη·τύλη (стр. 37) «вздутие», κέρυνθος (стр. 38) «гора», κολοφών «верхушка», κολόσσος (стр. 37) «колосс», κάλυδρος «хохлатый жаворонок» (стр. 30) и сводить все эти слова к индоевропейским чередующимся корням *ger-/gel-* «вертеть», «крутить»¹⁵.

Особенно много субъективного в трактовке собственных имен, которые совершенно излишне увеличивают словарь. Среди них много этимологий самого автора. Весьма

¹ Сноска дана только на вышеуказанную книгу В. Мерлингена «Das Vorgriechische...» (стр. 5), хотя В. Мерлингеном в этом месте цитируется В. Георгиева, который первый предложил эту очень удачную этимологию (см. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, Lf. I, стр. 78).

² Снова нет ссылки на В. Георгиева (см. V. Georgiev, там же, стр. 80).

³ Эту этимологию признает и Гумберт в своем отрицательном отзыве на данный словарь (см. *Revue des études grecques*, t. 69, Paris, 1956, стр. 219).

⁴ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 81.

⁵ См. A. J. van Windekens, *Le pélasgique*, Louvain, 1952, стр. 76.

⁶ Словарь греческого соответствия не дает. См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 85.

⁷ Остальные соответствия этому слову в индоевропейских языках см.: Вяч. Вс. Иванов, [рец. на кн.:] W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, ВЯ, 1955, №6, стр. 126.

⁸ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 108.

⁹ См. A. J. van Windekens, указ. соч., стр. 138.

¹⁰ См. W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, стр. 18.

¹¹ См. указанную рецензию В. Мерлингеном в «Indogermanische Forschungen», стр. 229; см. также: E. Boisacq, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, Paris, 1923, стр. 779; A. Walde, J. Pokorny, *Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen*, Band II, Lief. I, Berlin — Leipzig, 1926, стр. 55.

¹² См., в частности, Boisacq, указ. соч., стр. 162, где δαίμων (и.е. **dai*) < **da-*ст-μωι: лат. **lasi-*, в др.-лат. *lases*, лат. *lares*, *larium*.

¹³ См. там же, стр. 361.

¹⁴ См. J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, Lief. 3, Bern, 1949, стр. 248 и сл.

¹⁵ См. указанную рецензию Мерлингеном (стр. 299) и словарь Бузака, где κολόσσος и κολοφών объясняются как чисто греческие и неродственные (стр. 486—487).

спорны, например, этимологии Ὀδυσσεύς (стр. 51) < *o-luk-io-, ср. лат. *Ulysses*; Ἦφαιστος (стр. 24) «Гепест», дор. Ἦφαιστος, которое Карнуа пытается связать с индоевропейской основой «воды» *ar- и *āp-, по его мнению, Ἦφαιστος — эквивалент *aran parat* «сын воды», но Ἦφαιστος может просто обозначать «тот, который светит»¹. Очень заманчива, но мало вероятна этимология Ἀχιλλεύς «Ахилл» и в связи с ней Ἀχαιοί «Ахейцы», Ἀχαιῶν (стр. 13), которые Карнуа вслед за Ван-Виндекенсом² выводит с помощью фонетического превращения *kw > k > kh* из индоевропейской основы воды *aqw, известной только в италийских, германских, хеттском и тохарском языках (хет. *eku* «пить», тох. А и В *yoksti* «пить»), и толкует Ἀχαιοί как «морской народ», Ἀχαιῶν как «берег моря». По нашему мнению, этимология Мерлингена более правдоподобна, хотя в словаре она вообще не принята: Ἀχιλ(λ)εύς < o-qel(j)-eus «тот, кто гонит»; «тот, кто приказывает»; ср. греч. ο-κέλλω, κέλλω³.

Вообще связь имени собственного Ἀχιλλεύς с именем народа Ἀχαιοί очень рискованна и с семантической стороны; не случайно Ван-Виндекенс и Мерлинген не разбирают Ἀχαιοί. Напрасно отвергается объяснение Мерлингена: Θησεύς «Тезей» (стр. 25) из *tāg-ēus*, ср. греч. ταγής «предводитель», «начальник»⁴. Карнуа выводит из и.-е. *teu > tēues > tē(u)so «сила».

Совершенно неправдоподобно толкуется Αἴγιθος как «очень гнусный» из и.-е. *aighw; при этом греч. αἴθ-χος < *aiχ-σος. В таком случае придется признать, что -σος является пелагской формой греческого суффикса превосходной степени -ιστος. Примеры таких субъективных и рискованных этимологий при желании могут быть значительно увеличены.

Включив в свой словарь абсолютно все этимологии Ван-Виндекенса, добавив множество своих, весьма рискованных, особенно в именах собственных, помечая некоторые слова со знаком вопроса, например Θάσος (стр. 25) или κωμοί (стр. 38), Карнуа вместе с тем опускает много этимологий В. Георгиева, среди которых имеются такие интересные, как κινέω (стр. 90)⁵; ὄρωμι (стр. 95); πάλις (стр. 96); σκάρφος, ср. греч. σκάπτω (стр. 102); σκίφος, ср. греч. σκπή (стр. 103); φαῦλος, ср. греч. παῦρος (стр. 109); ῥαφή, ῥαφίς, ср. греч. ραπίς, ράπτω (стр. 97); ῥάφης, ῥαφανίς, ср. лат. *garum garā* (стр. 97) не включено ῥαφος⁶; ὄφέλλω, ср. греч. πολύς⁷.

В справочном аппарате встречаются небрежности: отсутствие ссылок на Георгиева уже выше указывалось; нет также ссылки на него в ἐκβύβαλον (стр. 64)⁸; δονέω (стр. 22) вообще дано в качестве собственной этимологии автора, в то время как интерпретация Ван-Виндекенса ничем от нее не отличается⁹.

Наконец, в τύραννος (стр. 73) «царь», которое выводится из индоевропейского корня *turō только на основе сближения с неточно толкуемым *Turan* — именем этрусской Афродиты, дается ссылка на Ван-Виндекенса, но совершенно игнорируется интересная этимология Георгиева, впервые предложенная им в «*Studia linguistica*» (II, 1948, стр. 83) раньше Ван-Виндекенса. В. Георгиев выводит τύραννος из и.-е. *kérās-no-s (ср. греч. κάρανος) и использует его для своей этнографической теории о переселении пелаггов в Палестину¹⁰.

По типу пелагского отдела построены и два других, но в них еще больше субъективных и недостаточно обоснованных толкований, особенно в этрусском, где многое закрыто от нас или спорно. К этрусскому отделу вполне применим отзыв о статье А. Карнуа «*La langue etrusque et ses origines*», положенной в основу этого отдела, в обзоре К. Яначека, который считает работу Карнуа целиком гипотетичной¹¹. Заметим, что работа подобного рода, так как речь идет о языках, реконструкция которых опирается на очень бедные источники, требует значительно большей осмотрительности и более строгого и жесткого анализа, чем мы найдем в протоиндоевропейском словаре Карнуа. Необходимы также более твердые критерии в разграничении отдельных слоев заимствований, которые вряд ли могли проникнуть в греческий язык из какого-либо единого языка вроде пелагского.

¹ См. вышеуказанный отзыв Гумберта на рассматриваемый словарь.

² См. этимологию слова Ἀχιλλεύς в указанной книге Ван-Виндекенса (стр. 144).

³ См. W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, стр. 15.

⁴ См. там же, стр. 18.

⁵ В этом абзаце в скобках даны страницы книги В. Георгиева «*Vorgriechische Sprachwissenschaft*»; о κινέω см. также цитируемую рецензию Вяч. Вс. Иванова (стр. 126).

⁶ См. V. Georgiev, *Inscriptions minoenes quasi-bilingues*, «Годишник на Софийска ун-т», ист.-филол. фак-т т. XLVI, кн. 4 — Езикознание и литература, София, 1950, стр. 48.

⁷ См. W. Merlingen, *Das «Vorgriechische...»*, стр. 13.

⁸ См. V. Georgiev, *Vorgriechische Sprachwissenschaft*, стр. 102.

⁹ См. A. J. Van Windekens, указ. соч., стр. 48.

¹⁰ См. В. Георгиев, Вопросы родства средиземноморских языков, стр. 60.

¹¹ См. ВЯ, 1954, № 3, стр. 101.

Нужно сказать, что рассматриваемый словарь А. Карнуа следует признать работой преждевременной и недостаточно основательной. Мы присоединяемся к отзывам Гумберта и Лежена об этом словаре, хотя и не разделяем всей резкости их суждений. Несомненно, что словарь сыграет свою положительную роль в плане задач, поставленных автором (см. выше). Но работа с этим словарем требует очень большой осторожности.

Л. А. Гиндин

J. Gonda. The character of the Indo-European moods. With special regard to Greek and Sanskrit. — Wiesbaden, O. Harrassowitz, 1956. VIII+211 стр.

Тема рассматриваемой книги важна не только для изучения индоевропейских языков, но и для общего языкознания, так как по вопросу о значении грамматической категории наклонения все еще существуют разнообразные мнения.

Во введении и двух последующих главах Дж. Гонда обращается к взглядам своих предшественников, отмечая прежде всего два момента.

1. Создатель индоевропейского синтаксиса Б. Дельбрюк полагал, что различие субъюнктива и опитатива в индоевропейском языке было связано с различием в выражении воли и желания. В понимании слов «воля» и «желание» Дельбрюк опирался на философа П. Ф. Гербарта¹. При этом, устанавливая значение опитатива и субъюнктива, Б. Дельбрюк исходил из категорий и понятий современного мышления, модернизировал древнейшее сознание.

Поэтому в дальнейшем многие ученые выступили против его мнения. Они или вообще отрицали древность форм опитатива и субъюнктива (например, Х. Недерсен), или полагали, что первичное значение этих форм не имеет ничего общего с наклонением, а является чисто временным: субъюнктив и опитатив представляют собой разные типы будущего времени (Гудвин, Хирт, А. Хан и др.). При этом они обычно допускали, будто значение времени является исходным, первичным по сравнению со значением наклонения, т. е. будто в системе глагола временные различия обязательно предшествуют всем остальным.

2. Усилия ученых были направлены в основном на то, чтобы собрать как можно больше разных случаев употребления форм того или иного наклонения, составить список частных значений, которые эти формы получают в различных контекстах, а затем установить, какое из этих значений является хронологически первичным. Так как надежных языковых данных для этого нет, то приходилось обращаться к общим соображениям (что из чего скорее может получиться: значение будущего времени из значения возможности или наоборот и т. д.). При этом опять-таки к языку древнейшего периода применялись категории современного мышления.

Дж. Гонда выступает против подобного подхода. В главе II на примере большого числа неиндоевропейских языков он показывает, что наличие временных различий, и в частности форм будущего времени, отнюдь не является обязательным и повсеместным фактом: «категория времени зачастую отсутствует или является „нечистой“ (т. е. смешана с видом. — П. М.), или представляет собой результат сравнительно позднего развития. Поэтому нет особых оснований считать самоочевидным существование специальных форм будущего времени в доисторической глагольной системе и. е. праязыка» (стр. 22). Эта мысль развивается в главе III, где вскрываются особенности архаического восприятия времени, закрепленные в языке (отсутствие абстрактного представления о времени: нем. *Zeit* и голл. *tijd* «время» — англ. *tide* «прилив и отлив», ср. *eventide* «вечерняя пора»; нем. *Mal* «раз» — нем. *Mahl*, англ. *meal* «еда»; гот. *heila*, нем. *Weile* «время, промежуток времени» — лат. *qui-es* «покой», русск. *по-чи-ть*; неразличение будущего и прошедшего: санскр. *tatra*, греч. *πότε* и *τότε*, англ. *then* и русск. *тогда* — все одинаково могут употребляться по отношению к будущему и прошедшему и т. д.).

Исходя из этого, Дж. Гонда видит свою задачу не в том, чтобы выяснять хронологические отношения между значениями какой-либо формы, а в том, чтобы «сосредоточить все усилия на проблеме существенного значения категории, лежащего в основе всех ее употреблений, которые следует рассматривать как частные случаи этого центрального значения, обусловленные контекстом, ситуацией, лексическим значением глагола и тому подобными факторами» (стр. 69).

Иначе говоря, Дж. Гонда ищет то, что Р. Якобсон называет «общим значением» (*Gesamtbedeutung*) категории: не сумму значений в отдельных конкретных употреб-

¹ Взгляды П. Ф. Гербарта иллюстрируются таким примером: «Наполеон проявлял волю, когда был императором; Наполеон изъявлял желания, когда находился на Св. Елене...» (стр. 48).

лениях, а то о б щ е е, что есть во всех них, т. е. значение, которое категория получает в системе из противопоставлений с другими категориями. Такой подход к изучению индоевропейских наклонений представляется в известной степени оправданным. Нужно только отчетливо помнить, что полученное таким образом общее значение вовсе не обязательно должно быть исторически исходным.

С описанной выше точки зрения Дж. Гонда анализирует традиционно выделяемые наклонения: инфинктив, опатив и субъюнктив. Индикатив специально не рассматривается; однако мимоходом автор протестует против принятого противопоставления индикатива как «объективного» наклонения субъюнктиву и опативу как «субъективным» наклонениям, выражающим «настроение», «расположение» говорящего: «индикатив выражает тот факт, что говорящий рассматривает процесс — т. е. акт, действие, событие... — как реальный или актуальный. Однако, как правило, говорящий не осознает «субъективный» характер высказывания, глагол которого стоит в индикативе» (стр. 3).

Инфинктив рассматривается в главе IV. Вокруг этой встречающейся в Ригведе и Авесте формы, иначе называемой «безаугментный аорист» (тип **bheret*), идут споры. Ее пытаются трактовать то как прошедшее, то как будущее время, то как «несобственный субъюнктив» и т. д. Это объясняется исключительным многообразием ее функций и употреблений, что вызывает разнобой при переводе этой формы на западные языки.

Дж. Гонда пришел к выводу (в согласии с Е. Куриловичем и Л. Рену — стр. 36, 37), что сущность инфинктива — в полном отсутствии временной и модальной характеристики, т. е. его значение — понятие чистой глагольности, чуждое всякой категории.

Преимущественное наличие форм инфинктива в Ригведе и Авесте объясняется религиозно-магическим характером этих текстов (действия, приписываемые сверхъестественным силам, совершаются вне времени).

Падение инфинктива Дж. Гонда считает «не чисто лингвистическим процессом, но скорее явлением социально-языкового порядка» (стр. 37): «развитие цивилизации» (кавычки автора), практическая жизнь потребовали от говорящих более точной временной и модальной характеристики действия, и другие формы пришли на смену такому образованию, как инфинктив, недифференцированному и безразличному к времени и наклонению.

Глава V посвящена опативу. При исследовании опатива затруднения вызывают прежде всего его так называемые «вторичные» окончания. Эти окончания характерны еще для инфинктива, аориста и имперфекта и рассматриваются как показатели прошедшего времени. Для объяснения их присутствия в опативе выдвигались разные гипотезы [например, такая: вторичные окончания опатива связаны с «отдаленностью» (*remoteness*) этого наклонения, с присущим ему значением своеобразного «отдаленного будущего»!].

Дж. Гонда, очевидно, правильно решает вопрос об окончаниях опатива. Он полагает, что в период образования опатива вторичные окончания, лишённые временного значения, были нейтральными показателями лица и залога.

Что же касается основного значения этого наклонения, то оно, по мнению автора, таково: действие, выраженное глаголом в опативе, может и не осуществиться; оно может быть желаемым или рекомендуемым, вероятным, предполагаемым или мнимым, — во всяком случае, его осуществление проблематично.

Исходя из этого значения, Дж. Гонда рассматривает собранный на 15 страницах материал и объясняет самые различные случаи употребления опатива. Вот, например, авест. *yavata xšayōit* (опатив) *yimo* «когда царствовал Йима»; здесь автор так объясняет опатив: «говорящий не может или не хочет рассматривать данный процесс как актуальный; он лично не знаком с царствованием Йимы и хочет быть осторожным в своем высказывании... Значение опатива в этой фразе приблизительно таково: «Когда, как предполагают (думают, говорят и т. д.), царствовал Йима...». «*Yavata* может сопровождаться и индикативом» (стр. 66). Так разбираются еще десятки других примеров.

В главе VI исследуется субъюнктив. Не вдаваясь в запутанный спор о том, какое из многочисленных значений субъюнктива является исходным, Гонда устанавливает для него такую «общую функцию»¹: употребляя глагол в субъюнктиве, «говорящий рассматривает действие как существующее только в его уме; другими словами, субъюнктив выражает представление. Глагол в субъюнктиве обозначает мысленный образ действия, которое, по мнению говорящего, может осуществиться... Но ожидает ли говорящий этого осуществления, желает или боится его, надеется на него, стремится к нему или

¹ То, что автор называет в данном случае «общей функцией», можно было бы, по терминологии Р. Якобсона, считать «общим значением». Вообще целый ряд терминов — и в первую очередь такие, как «функция», «значение», «употребление», — используются в работе Дж. Гонды без достаточно строгого определения и разграничения, что приводит иногда к нечеткости изложения.

просто видит его своим мысленным взором, — к этому субъюнктив безразличен. Всякое уточнение — желание, побуждение, предчувствие и т. д. — зависит от контекста... Ведь то, что мы называем „субъюнктив“, есть только обобщение некоторых моментов, присущих целому ряду индивидуальных форм, каждая из которых имеет свое значение и употребление» (стр. 70—71).

Последующие тридцать с лишним страниц отводятся разбору материала, в основном древнеиндийского и греческого. Опираясь на данную выше формулировку общего значения субъюнктива, Дж. Гонда толкует различные случаи его употребления.

Так, легко объясняется развитие у субъюнктива значения будущего времени; ведь действие в будущем — это «мысленный процесс». Или использования субъюнктива в гомеровских сравнениях: «как лев ломает (ἀξῆ — субъюнктив) шею коровы, так...». Здесь для сравнения привлекается мысленное, воображаемое действие; но это же действие можно представить себе и как реальное — тогда в сравнении употребляется индикатив. Субъюнктив часто встречается в утверждениях общего характера, так как там действие может мыслиться как воображаемое [например, ведич. *yá jāti* «(каждый), кто почитает...»]. И так далее.

Любопытно, что в ряде неиндоевропейских языков существуют глагольные формы, которые в общих чертах соответствуют по значению индоевропейскому субъюнктиву и совпадают с ним по употреблению (стр. 107—109). Подобные типологические сопоставления могут оказаться очень полезными, особенно при анализе значения той или иной грамматической категории, т. е. там, где связь языка и мышления выступает в наиболее явной форме. Особый раздел данной главы (стр. 109—116) посвящен вопросу о форме ведического субъюнктива и его связи с инъюнктивом. Сопоставляя субъюнктив с оптативом, Дж. Гонда делает общий вывод: субъюнктив выражает действие, которое говорящий уже как бы мысленно видит; а оптатив — действие, которое говорящий считает возможным и только.

Глава VIII посвящена функции так называемых «модальных частиц» (греч. *καί* и *ἄν*, гот. *an*, лат. *an*), которые являются, по мнению автора, элементами, ограничивающими и уточняющими смысл высказывания с точки зрения отношения к нему говорящего (говорящий может подчеркивать все высказывание или его часть, выражать свое сомнение или удивление, допускать высказанный факт с некоторыми оговорками и т. д.) — стр. 133).

В главе IX подробно изучается строение условных предложений в индоевропейских языках (привлечен и неиндоевропейский материал); в частности, рассматриваются греческие предложения с *εἰ* [εἰ] сопоставляется с готским *ei* и считается местным падением мужского или среднего рода указательного местоимения **e/o* «этот»; таким образом, первоначальное значение этого союза было «при том, что», «в том (случае)», «по отношению к тому» (стр. 167); условное значение является вторичным]. И, наконец, в главе X рассматривается запретительная частица **mē* и различные конструкции с ней.

К сожалению, в книге так и не дается совершенно ясного ответа на вопрос: существовали ли наклонения с теми значениями, которые им приписывает автор, уже в индоевропейском праязыке? Из самого изложения как будто вытекает, что Дж. Гонда отвечает на этот вопрос положительно. Однако для такого вывода его материал, ограниченный в общем древнегреческим и древнеиндийским языками, является недостаточным: лингвистика давно отказалась от несложного метода возводить в ранг праязыковых явления, засвидетельствованные только в двух-трех отдельных языках. Правда, возможно, что автор ставил своей задачей не проникновение в эпоху праязыка, а установление основных значений категории наклонения только в древнегреческом и древнеиндийском. Однако и в этом случае недостаточное внимание к вопросу о становлении наклонений и их роли в древнейшую эпоху представляется досадным упущением. Если бы автор стремился создать строго синхронное описание этой категории, он был бы вправе в известные моменты абстрагироваться от истории. Но его работа — это историческое исследование, и отсутствие должной перспективы во многом затемняет картину.

Что касается методов анализа, то в своей рецензии на книгу Дж. Гонды¹ Е. Курилович справедливо отмечает, что хотя «традиционные формулировки заменены новыми... метод выработки определений мало изменился». Ведь если Дж. Гонда стремился установить общее, т. е. системное значение наклонений, то он должен был, как указывает Е. Курилович, прежде всего выделить те противопоставления, которыми определяется место каждого наклонения в системе наклонений, чего он не сделал. Е. Курилович полагает, что оптатив определяется двойным противопоставлением: 1) оптатив-императив, где оптатив характеризуется оттенком возможности, и 2) оптатив-субъюнктив, где оптатив имеет оттенок желательности, в отличие от субъюнктива (таким образом, снимается старый спор о первичном значении оптатива: «возможность или желательность»).

Попутно Е. Курилович приводит интересные примеры категорий, которые также определяются только двойным противопоставлением (греч. перфект: перфект-презент

¹ Kratylus, Jg. I, Hf. 2, 1956, стр. 123—130.

и перфект-аорист; или категория собирательности: собирательность-множественность и собирательность-единственность, ср. итал. *iova — iovi* и *iova — iovo*). Для субъюнктива наиболее важным является контраст с будущим временем индикатива, а также с опативом.

Второй рецензент, Г. Зайлер¹, хотя он и не совсем согласен с конкретными выводами Е. Куриловича (Зайлер полагает, что опатив противопоставляется претериту и субъюнктиву), также настаивает на необходимости определять категории, исходя из противопоставлений, в которых участвуют эти категории.

Иначе не удастся четко сформулировать устанавливаемые автором значения наклонений, и в формулировках остается много не совсем понятного и даже сомнительного. Вообще все изложение Дж. Гонды не отличается особой ясностью. Обширный материал подан несколько нестройно и подчас затрудняет понимание мысли автора, вместо того чтобы облегчать его.

Основное достоинство книги — это сам подход к определению значения категории: стремление установить ее общее значение, а не дробить его на сумму разнообразных употреблений. В книге собран большой лингвистический и библиографический материал, помогающий глубоко ознакомиться с вопросом.

И. А. Мельчук

H. Birkland. Growth and structure of the Egyptian Arabic dialect, «Avhandlingar utgitt av det Norske videnskaps-akademi i Oslo», II—Hist.-Filos. Klasse, 1952, № 1. — Oslo, 1952. стр. 1—57.

Небольшая работа Г. Биркланда «Развитие и структура египетского арабского диалекта» является удачным опытом применения структурального метода к изучению возникновения и развития одного из современных арабских диалектов. В ней рассматриваются следующие проблемы: 1) паузальное происхождение египетских арабских форм; 2) хронология развития египетского арабского диалекта; 3) ударение и количество гласного; 4) фонематическая система гласных; 5) фонематические дифтонги; 6) фонематические согласные. Этим проблемам и соответствуют основные разделы работы.

Во введении, останавливаясь на истории египетского арабского диалекта, начиная с появления арабского языка в Египте в результате исламского завоевания (VII в. н. э.), Г. Биркланд высказывает предположение, что классический арабский язык на определенном этапе своего развития явился источником всех современных арабских диалектов. Но окончательное разрешение этого сложного вопроса он считает возможным только после детального изучения основных современных диалектов арабского языка.

Во введении дается также краткая оценка ряда описательных работ, посвященных грамматическому строю арабского диалекта в Египте и сравнению его с классическим арабским языком. Но в отличие от предшественников Г. Биркланд видит свою главную задачу в выяснении структуры языка, послужившей в свое время основой для возникновения египетского диалекта, и истории ее развития вплоть до современного состояния. С этой целью рассматриваются две языковые структуры: с одной стороны, языковая структура классического арабского языка, известная нам по письменным памятникам, и с другой стороны, структура египетского арабского диалекта в его нынешнем состоянии. Но между этими этапами лежит относительно большой период времени — несколько веков. Если признать, что египетский диалект развился из классического арабского языка, то существующая в настоящее время разница между ними может быть объяснена только изменениями, которым подверглась данная языковая структура в процессе развития. Отсутствие письменных памятников, отражающих разговорный язык, делает эту задачу особенно сложной.

Единственным возможным путем исследования этого развития Г. Биркланд считает синхронное рассмотрение структур двух упомянутых языковых систем и установление определенных этапов, приведших структуру классического арабского языка к новому качеству — египетскому диалекту арабского языка. При этом для каждого этапа тщательно дифференцируются, с одной стороны, явления развивающиеся (продуктивные и отмирающие, окаменевающие), а с другой стороны, явления относительно стабильные, устойчивые. При изучении этого вопроса Г. Биркланд старается найти такое звено в цепи языковых явлений, которое может считаться основным в процессе развития языковой структуры, и останавливается на так называемых паузальных формах.

В классическом арабском языке слово может произноситься или слитно с последующим за ним словом — и в этом случае оно сохраняет свою обычную форму, называе-

¹ Там же, стр. 131—135.

мую контекстной, — или может быть отделено от другого слова паузой и тогда оно подвергается известным изменениям, так как по фонетическому закону классического арабского языка оно может оканчиваться только на долгий слог. Например:

контекстные формы

qatala
al-kalbu
al-madrasatu

паузальные формы

qatal
al-kalb
al-madrasah и т. д.

По мнению Г. Биркланда, именно паузальные формы классического арабского языка представляют собой такие фонетические явления, которые легли в основу египетского диалекта. Потеря контекстных форм вызвала не только дальнейшее фонетическое развитие, но и существенные изменения в грамматике: так, исчезновение падежных форм в египетском диалекте объясняется утратой контекстных форм классического арабского языка. Г. Биркланд, между прочим, выражает сожаление, что до сих пор не ставился вопрос, из каких форм (контекстных или паузальных) возникли новые диалектные формы. Однако в свое время советский арабист Я. Виленчик отметил, что в «народных» арабских языках исчезли контекстные формы, и указал на некоторые следствия, произошедшие в грамматическом строе под воздействием фонетических изменений¹. В отличие от Г. Биркланда Я. Виленчик рассматривает судьбу этих форм именно в диалекте, отмечая большую жизнеспособность форм паузальных и слабость контекстных, и, таким образом, можно думать, что он относил процесс утраты контекстных форм за счет паузальных уже к истории развития самих арабских диалектов. Г. Биркланд же начинает историю развития египетского диалекта с той стадии, когда контекстные формы классического арабского языка были уже утрачены. Проследить процесс развития египетского диалекта ранее этого периода он считает невозможным.

Таким образом, по мнению Г. Биркланда, первой стадией является тот период, когда для системы языка были характерны паузальные формы арабского классического языка и при этом уже исключались контекстные формы. Но, как замечает сам автор, в египетском диалекте имеются слова и в контекстных формах. Отрицает ли их наличие общий вывод, или же они являются исключениями, не затрагивающими систему языка? Г. Биркланд довольно убедительно показывает, что эти исключения не противоречат его основному положению. Так, согласно паузальному явлению все конечные первоначально краткие гласные должны были исчезнуть в египетском диалекте. Например, *al-walad* «мальчик», *darab* «любил». Но как объяснить существование таких конечных гласных в местоимениях *'hiwa* «он», *'hiya* «она», где конечное *a* никогда не было долгим? Автор утверждает, что паузальные формы этих слов в классическом арабском языке были — *huwah* и *hiyah*, где конечные слоги являются долгими, и, следовательно, формы могли бы сохраниться (утрату же *h* он объясняет в разделе о согласных). Таким же образом трактуется и форма местоимения *di* (*dih*), где наличие конечного краткого гласного объясняется долготой конечного слога. Также и конечные гласные в личных местоимениях *'inta*, *'inti*, *'ihna*, *'humma* обуславливаются возникновением их из форм с краткими конечными гласными. Если же они были долгими, предполагается, что они сократились так рано, что не могли быть сохранены в диалекте без паузального *h*.

Г. Биркланд обращает внимание и на такие слова, которые кончаются на краткие гласные, также являющиеся старыми и краткими гласными, но сохранение которых объясняется не наличием паузального *h*. Например, во фразе: *min ayyi gihatīn kān* ковенный краткий гласный *i* в слове *ayyi* Г. Биркланд считает пережитком падежных окончаний, сохраненным в определенных словосочетаниях, являющихся или остатками классического арабского языка, или заимствованиями из литературного арабского языка в более поздний период.

Таким же образом Г. Биркланд объясняет и сохранение контекстных падежных окончаний. Например, формы слов *'dā 'iman* «всегда», *'ābadan* «никогда», *'hālan* «сразу» и т. д. он считает пережитками, сохранившимися благодаря адвербиализации.

Подобное явление наблюдается в определенных идиоматических выражениях типа *'a 'ūzu bil'lāh* «прибегаю к аллаху», *b-izni-l'lāh* «с разрешения аллаха» и т. п., являющихся заимствованиями.

Г. Биркланд приходит к выводу, что «вряд ли может быть отвергнуто, что египетские арабские формы должны были возникнуть из старых арабских паузальных форм. Немногие сохранившиеся пережитки контекстных форм были приспособлены к данной лингвистической системе, и их падежные окончания рассматривались как вспомогательные гласные. Их лингвистическая функция исчезла» (стр. 16).

Во втором разделе Г. Биркланд пытается установить этапы или стадии развития системы классического арабского языка при его переходе к современному египетскому диалекту.

¹ См. Я. В и л е н ч и к, Древнеарабские контекстные формы в народном языке сирийского диалекта, «Записки коллегии востоковедов», т. II, вып. 2, Л., 1927, стр. 249—256; е г о ж е, Этюды по исторической фонетике вульгарно-арабских диалектов, «Доклады АН СССР», Л., 1927, стр. 1—6, 157—161.

При этом он широко использует метод относительной хронологии, опираясь на ряд языковых законов и положений, из которых некоторые подробно разработаны им самим. Особо отметим важное для относительной хронологии и хорошо аргументированное положение, по которому «сокращение конечного долгого гласного должно было произойти после утраты конечной „хамзы“» (стр. 17).

В развитии египетского арабского диалекта устанавливается пять этапов.

I этап. Все слова имели паузальные формы классического арабского языка, за исключением немногих пережитков контекстных форм, где краткие конечные гласные были вспомогательными гласными. Каждое слово кончалось согласным или долгим гласным.

II этап. Все «хамзы» и окончание женского рода *h* опускались после долгих гласных, например, слово 'ašā' «обед» стало 'ašā и т. д. На этой стадии структура окончаний слов осталась такой же, как и на первой стадии, т. е. каждое слово оканчивалось либо долгим гласным, либо согласным. Но очень важным моментом было введение силового ударения, т. е. подчеркивание отдельного слога или слова, что отсутствовало в классическом арабском языке и на первой стадии развития египетского диалекта. Возможность введения этого ударения объясняется как раз опущением «хамзы» и окончания женского рода *h*. К этому же времени относится начало процесса присоединения предлогов к глаголу с одним ударением (например, 'qālit lūh «она сказала ему» > 'ālitū), которое должно было происходить еще при наличии долгих гласных.

III этап. Сокращаются все конечные долгие гласные и, следовательно, создается новая система, где каждое слово кончается согласным или к р а т к и м гласным. Эта языковая система сохраняется, как утверждает Г. Биркланд, до пятой стадии. Что же касается ударения, то Г. Биркланд отмечает, что на третьей стадии оно еще определяется количеством гласного (типом слога).

IV этап. Отмечается сокращение гласных, которое, как Г. Биркланд удачно замечает, уже несомненно свидетельствует о наличии ударения. На этой стадии под ударением находятся все долгие гласные, следовательно, каждое слово имеет не более одного долгого гласного, а остальные сокращаются. В результате появляется редукция гласных.

V этап. Отпадает некоренное конечное *h*. А отпадение *h* после долгих гласных создает новую языковую систему, так как появляются опять долгие конечные гласные, которые исчезли на третьем этапе. С другой стороны, эта утрата *h* придает ударению большее функциональное значение. Г. Биркланд считает возможным, что на этом этапе противопоставление долгих и кратких гласных заменяется противопоставлением ударных и безударных.

Вопросу об ударении он посвящает отдельный раздел, где рассматривает функциональное значение ударения и количества гласного на разных этапах развития египетского диалекта. Г. Биркланд показывает, что в египетском арабском диалекте количество гласного играет малую роль. Ударение приобретает уже функциональное значение. Интересно отметить, что перед нами в данном случае явление, которое свидетельствует о влиянии диалекта на произношение литературного языка в Египте.

В этом же разделе Г. Биркланд довольно убедительно показывает, что в классическом языке ударение не имело никакой функции и определялось лишь количеством слогов. Неудивительно, что арабские грамматики ни слова не писали о подобном языковом явлении, хотя вообще до мельчайших подробностей описывали каждое явление языка. Едва ли можно обвинять их в том, что они игнорировали явление ударения, как это считали некоторые арабисты.

Г. Биркланд заканчивает раздел утверждением, что в современном египетском диалекте противопоставление долгих и кратких гласных не имеет грамматической или семантической функции; тогда как ударение имеет очень важное функциональное значение. Диахронически значение ударения заключается в том, что в результате его появились редукция и опущение гласных.

В связи с отмеченными основными вопросами развития структурных форм египетского диалекта автор решает ряд частных проблем. Так, он анализирует фонематическую систему гласных египетского диалекта, отмечая три краткие гласные фонемы классического языка и пять долгих (*a, i, u; ā, ē, ī, ō, ū*), рассматривает фонематические дифтонги и согласные фонемы, сохранившиеся от классического арабского языка и возникшие вновь на различных этапах развития диалекта.

В разделе о согласном Г. Биркланд затрагивает вопрос о встречающемся в египетском диалекте согласном *g*, считая его в отличие от К. Брокельмана не старым семантическим *g*, а продуктом развития $\check{g} > g$. Однако в доказательство этого положения он приводит лишь одно слово *wišš*, которое отражает, видимо, явление частного характера и не может опровергнуть многочисленных данных, выдвинутых К. Брокельманом¹. Кроме того, нужно иметь в виду, что в одном из ранних египетских

¹ К. Brockelmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, Bd, I, Berlin, 1912, стр. 122.

папирусов 90 г. хиджры (708—709 г. н. э.) лат. *quaestor* транслитерируется как «джим» читалась еще в это время как «g».

В общем, работа Г. Биркланда интересна как с точки зрения того круга вопросов, которые в ней ставятся, так и с точки зрения цели и задачи, выходящих за пределы чистого описания египетского диалекта.

Изучение современного египетского диалекта является у Г. Биркланда только частью более широко задуманного исследования современных арабских диалектов, которое должно открыть путь к реконструкции древнего состояния. С этой точки зрения постановка вопроса и подход к решению представляют большой интерес.

Метод Г. Биркланда, последовательно проводимый в работе, помог установить конкретные этапы в развитии египетского диалекта арабского языка, он дал возможность определить ряд отдельных положений, важных для изучения других арабских диалектов. Вместе с тем в своей работе Г. Биркланд ограничивается лишь теми явлениями, которые можно объяснить, исходя из паузальных форм, и охватывает далеко не все моменты в развитии египетского диалекта.

Г. М. Габучан

J. W. Perry, A. Kent, M. M. Berry. Machine literature searching. — New York — London, 1956. 162 стр. (Western reserve university press, Interscience publishers).

Рецензируемая книга посвящена проблеме машинного поиска информации, приобретающей за последнее время все большее значение. Непрерывно увеличивающееся число научных сообщений, публикуемых в самых различных источниках, делает практически невыполнимой задачу полностью разобраться в существующих материалах и найти всю интересующую информацию. Имеющиеся средства организации поиска информации (каталогизация, библиографические указатели, библиографические бюро) малоэффективны из-за недостаточной скорости и гибкости. В связи с общим развитием автоматизации отдельных функций человеческого мозга естественным является стремление автоматизировать поиск информации, применяя для него новейшее быстродействующее автоматическое оборудование.

Вопросу о рациональной организации хранения, поиска и выдачи информации посвящаются в настоящее время многочисленные исследования, образующие особую научную отрасль — документалистику (где под «документом» понимается любая отдельная запись информации — от канцелярского документа до целой книги). К числу таких исследований принадлежит рецензируемая книга, излагающая результаты работ, проведенных центром исследований по документалистике при Western reserve university в штате Огайо (США). Книга представляет собой отдельное издание серии статей, опубликованных в 1954—1955 гг. в журнале «American documentation»; возможно, это объясняет характерные для нее многочисленные повторения и длины. Авторы занимаются только проблемой машинного поиска готовой информации (документов), оставляя в стороне вопросы, связанные с машинным преобразованием информации (логический вывод и т. п.), хотя, как можно судить по отдельным замечаниям, эти вопросы также подвергались исследованию.

Поставив проблему и отметив несовершенство существующих средств поиска информации, авторы предлагают общую схему машинного поиска информации. Она включает два этапа: 1) на первом этапе анализируется содержание документа (единицы информации), записываемого в машину. При этом выделяются предметы, свойства, процессы и т. д., о которых идет речь, и связывающие их отношения; все это соответствующим образом индексируется в машинном языке и записывается в машину (на перфокартах, магнитных лентах и т. п.); 2) при осуществлении собственно поиска вопрос формулируется в машинном языке в виде определенной характеристики требуемой информации. Просматривая всю записанную информацию, машина выдает те единицы, которые характеризуются указанными признаками.

Таким образом, содержание документа записывается в машину в виде расширенного названия (индекса), включающего предметы, свойства, процессы и их отношения, о которых идет речь в записываемом документе. Основной теоретической проблемой является построение машинного языка для записи указанных индексов. Именно в связи с этой проблемой книга может представлять интерес для лингвистов.

Необходимо, говорят авторы, построить некий код с упорядоченной терминологией и введенными отношениями, который обеспечил бы машине рациональный способ поиска документов на основании определенных признаков вводимого вопроса. Очевидно, такими признаками могут быть идентичность терминов и отношений между этими терминами. Следовательно, предлагается метод анализа и сравнения содержания во-

проса и документа и систематизации документов на основе их семантических характеристик. «Машинный язык» не может быть построен только на основе логики классов или анализа машинных операций; рациональный машинный язык должен быть связующим звеном между операциями машины и человеческим мышлением.

В материалах, содержащихся в книге, вкратце рассматриваются различные системы коммуникации (реально существующие языки, математическая символика, символика формальной логики и т. д.). Авторы не считают рациональным использовать натуральные языки (даже в переработанном виде) в качестве кода, пригодного для машины (поскольку не логика, по их мнению, лежит в основе реально существующих языков). На основе сравнения языков показывается произвольность их знаков (например, различная дифференциация цвета в разных языках; эскимосские языки различают много названий снега, в других языках понятие «снег» передается одним словом и т. д.). Устанавливается необходимость строгой дифференциации терминов по отношению к данной отрасли (построение языка рассматривается для точных наук и техники, хотя он, по мнению авторов, может быть полезен и для других отраслей, например медицина или юриспруденция).

Таким образом, в центре внимания авторов стоят не лингвистические проблемы, но проблемы связи содержания с операциями по поиску и выбору. Авторы вообще отказываются от путей переработки текста с тем, чтобы устранить многозначность и неопределенность. Проще и рациональнее, по их мнению, кодировать не язык, а смысл. Основная цель машинного языка, следовательно, — быть связующим звеном между вопросом и информацией, заложенной в машине.

В книге предлагается лишь приблизительный метод кодирования (с примерами на ограниченном материале). По мнению авторов, язык строится следующим образом: выделяются основные понятия, через которые определяются все остальные; например: M-SH — «машина, прибор»; M-SR — «измерение»; T-MP — «температура» и т. д. Далее вводятся аналитические отношения, т. е. постоянные отношения между понятиями, например: A — «включение в класс», U — «отношение прибора к выполняемому процессу» и т. д. Сочетание основного понятия с аналитическим отношением образует так называемый семантический множитель, например: MASH — «машина» («элемент класса машин»), MUSR — «нечто для измерения» и т. д. Комбинация нескольких семантических множителей образует их логическое произведение, обозначающее понятие (понятия), характеризующееся всеми этими семантическими множителями, например: MASH MUSR TWMP — «прибор для определения температуры». Если логическое произведение не определяет понятие однозначно, используются числовые индексы, например, указанное сочетание с индексом 01 обозначает «термометр», 02 — «пирометр» и т. д. Таким образом записываются более специфические понятия, которые могут встречаться в записываемых документах. Кроме того, вводятся переменные синтетические отношения, обозначающие, как именно могут связываться в записываемых документах эти специфические понятия. В заключение авторы рассматривают перспективы развития машинного поиска информации.

Книга представляет интерес для специалистов по документалистике, а также для логиков и лингвистов, работающих в области построения искусственных языков для машинной обработки информации.

Д. Г. Лахути, Б. А. Успенский

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ В КАЗАХСТАНЕ

Языковедческая работа в Казахстане возглавляется Институтом языка и литературы АН КазахССР. В составе этого института имеются отделы: диалектологии и истории языка, терминологии, толкового словаря, двуязычных словарей, Отдел сопоставительного изучения русского и казахского языков; в ближайщие месяцы намечено организовать Отдел восточных рукописей, а также фонетическую лабораторию.

Казахские языковеды ведут большую и плодотворную работу по изучению различных вопросов казахского языкознания. За последние годы они добились значительных успехов: были составлены русско-казахский, казахско-русский и диалектологический словари; продолжалось интенсивное изучение грамматического строя и лексики казахского языка; оживилась работа в области казахской диалектологии и терминологии. Языковеды приняли участие в издании ряда эпических произведений казахского фольклора и в подготовке научных изданий этих произведений. Следует признать, однако, что разработка основных разделов казахского языка — фонетики, грамматики, лексики, истории и диалектологии — ведется неравномерно. В настоящее время наиболее исследованной областью оказался грамматический строй казахского языка.

Серьезным достижением казахского языкознания нужно считать издание курса «Современный казахский язык» (37 печ. листов)¹. Авторский коллектив в составе ведущих казахских языковедов М. В. Балакаева, А. И. Исакова, С. К. Кенесбаева, Г. Г. Мусабасва и Н. Т. Сауранбаева проделал большую и нужную работу. В книге довольно подробно излагаются основные вопросы фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. Несмотря на отдельные недостатки, этот труд, единственный пока вузовский учебник по современному казахскому языку, стал настольной книгой каждого учителя, преподавателя и студента Казахстана. Завершена работа над курсом современного казахского языка на русском языке; книга «Современный казахский язык» под ред. Н. А. Баскакова, М. В. Балакаева и С. Кенесбаева будет издана в трех частях.

В 1957 г. вышла в свет положительно оцененная в печати монография М. В. Балакаева (8 печ. листов), первая серьезная работа по вопросам словосочетания в казахском языке². Автор осветил все основные типы словосочетаний в казахском языке и, привлекая обширный фактический материал, дал подробное их описание; выводы автора благодаря этому представляются вполне обоснованными. В том же году была издана работа А. К. Хасеновой (5 печ. листов), посвященная исследованию производных от различных частей речи глагольных основ с аффиксом *-ла/-ле*, одним из наиболее продуктивных в казахском языке³.

Серьезных успехов добилось казахское языкознание в изучении лексики казахского языка. Как первая попытка изучения синонимов казахского языка представляет интерес монография А. Болганбаева «Синонимика имен существительных в казахском языке» (5 печ. листов)⁴, где автор, устанавливая отношения синонимии к другим лексическим категориям, дает классификацию синонимов и излагает способы их образования. В качестве приложения приводится краткий синонимический словарь.

Особенно ощутимы успехи в области разработки казахской лексикографии. В текущем году завершается работа над составлением большого казахско-русского словаря. В данное время составляются фразеологический и синонимический словари казахского языка.

Большим культурным событием явилось издание объемистого русско-казахского словаря (96 печ. листов)⁵, который по своему качеству гораздо выше лексикографической

¹ «Қазіргі қазақ тілі (Лексика, фонетика, грамматика)», Алматы, 1954.

² М. В. Балакаев, Основные типы словосочетаний в казахском языке, Алматы, 1957.

³ А. Хасенова, Қазақ тіліндегі *-ла/-ле* аффиксті туынды түбір етістіктер, Алматы, 1957.

⁴ Ә. Болғанбаев, Қазақ тіліндегі зат есімдік синонимдер, Алматы, 1957.

⁵ «Русско-казахский словарь», под общ. ред. Н. Т. Сауранбаева. Словарь составили А. Исаков, Х. Махмудов, Г. Мусабасев, М., 1954.

продукции прошлых лет. Этот словарь дает верную картину лексического состава казахского языка. Можно привести множество примеров удачного калькирования русских фразеологических единиц. Конечно, в переводе ряда слов были допущены искажения, неточности, но не они определяют сущность словаря.

Г. Г. Мусабаяевым и Х. Х. Махмудовым был издан малый казахско-русский словарь¹, который получил положительную оценку на страницах республиканской печати. Несмотря на ряд недостатков (например, неправильный перевод некоторых слов, неправильное разграничение омонимии и многозначности слов и т. д.), этот словарь как первый опыт составления казахско-русского словаря сыграл свою положительную роль. Он является полезным пособием для лиц, изучающих казахский язык, а также для переводчиков. Сейчас в Отделе двуязычных словарей работают над большим казахско-русским словарем, который должен быть завершен составлением в 1958 г.

Особое внимание уделяется изучению терминологии казахского языка. В связи с созданием Отдела терминологии казахского языка усилилась работа по изучению терминов и особенно по составлению терминологических словарей. Пока еще отдел не дал серьезных монографических работ по терминологии. Но в настоящее время подготовлены отраслевые терминологические словари по горному делу, медицине, математике, физике, а также делопроизводству. В 1956 г. вышел из печати «Краткий русско-казахский словарь лингвистических терминов»². Этот словарь способствует нормализации и уточнению лингвистических терминов по казахскому языкознанию, в употреблении которых пока еще имеется разнобой. Основным недостатком работы лексикографических отделов института нужно считать оторванность лексикографической практики от теории лексикографии. Нельзя считать нормальным, что казахское языкознание до сих пор не имеет ни одной статьи по теории лексикографии.

Отдел толкового словаря под руководством акад. АН КазахССР С. К. Кенесбаева закончил составление первого тома двухтомного толкового словаря казахского языка (80 печ. листов). Такой словарь в Казахстане, как и в других тюркоязычных республиках, составляется впервые. Издание толкового словаря с большим интересом ожидается писателями, научными работниками, переводчиками, студентами. Толковый словарь поможет глубже изучить лексику родного языка и, безусловно, сыграет положительную роль в деле нормализации языка литературного. В настоящее время первый том этого словаря после обсуждения на производственном совещании редактируется и в ближайшие месяцы будет сдан в печать.

Казахские языковеды проделали значительную работу в области усовершенствования и уточнения орфографических норм литературного языка. Казахская письменность с принятием алфавита на русской основе получила в общем устойчивые орфографические нормы. Но языковая практика последних 15 лет показала, что существующие алфавит и орфография требуют уточнения. Общественность высказалась за то, чтобы следифические буквы в алфавите были расположены после соответствующих букв по их графическим сходствам. Чтобы избежать разнобой в написании одних и тех же слов, высказывались предложения о передаче сочетания *ый* через *и* и т. д.

Учитывая требования общественности, Институт языка и литературы разработал проект нового алфавита и орфографии, который был опубликован и обсуждался как на страницах газеты «Учитель Казахстана», так и на республиканском совещании учителей, посвященном улучшению преподавания языка и литературы в школе. В результате обсуждений был выработан окончательный вариант проекта, который 5 июня 1957 г. был утвержден Президиумом Верховного Совета КазахССР³. После этого сотрудниками института были написаны статьи-консультации по вопросам новых правил орфографии казахского языка. В настоящее время готовится к печати «Большой орфографический словарь казахского языка».

Отрадным явлением в области диалектологической работы за последние годы можно считать расширение круга исследований народных говоров. Защищена кандидатская диссертация Г. Калиевым⁴. Институт за последние 5 лет снарядил больше диалектологических экспедиций, чем за все предыдущие годы своего существования. Диалектологические материалы тщательно обрабатываются и в виде отдельных статей публикуются в сборниках. Отдел истории и диалектологии казахского языка сдал в печать сборник «Вопросы истории и диалектологии казахского языка» (вып. 1). Подготовлен и второй выпуск этого сборника. Серьезным вкладом в диалектологическую

¹ Х. Махмудов, Г. Мусабаяев, Казахско-русский словарь, Алма-Ата, 1954.

² С. Кенесбаев, Т. Жанұзақов, Лингвистикалық терминдердің қысқаша арысша-қазақша сөздігі, Алматы, 1956.

³ «Қазақ тілі орфографиясының негізгі ережелері (Қазақ ССР Жоғарғы Советінің Президиумы 1957 жылғы 5 июньде бекіткен)», газ. «Социалистік Қазақстан», 8 июня 1957, № 133 (10335).

⁴ Г. Калиев, Некоторые особенности аральского говора казахского языка. Автореф. канд. диссерт., Алма-Ата, 1954.

науку нужно считать выпуск диалектного словаря Ж. Д. Доскараева¹, который был положительно оценен в печати. Этот словарь, являясь первым опытом в области казахской диалектной лексикографии, окажет большую помощь в изучении истории языка, а также при составлении диалектологического атласа казахского языка. Работа Доскараева является также одним из источников изучения исторического развития казахской лексики и окажет неопределимую услугу в создании исторической грамматики казахского языка.

В 1956 г. был составлен и издан на правах рукописи «Вопросник по собиранию диалектологических особенностей казахского языка», куда вошли 250 вопросов, характеризующих основные диалектные особенности языка. Сейчас институт ставит перед собой задачу продолжить описательную работу в области диалектологии. Нужно признать, что мы еще не располагаем достаточными фактическими материалами и описательными работами, чтобы решать такие спорные вопросы, как классификация диалектов, вопрос об опорном диалекте литературного языка и др. Подготовлена и сдана в печать капитальная работа покойного ученого С. А. Аманжолова «Диалекты в казахском языке» (40 печ. листов). Сотрудники Отдела диалектологии и истории языка института приступили к монографическому описанию диалектных особенностей языка населений Джамбульской, Гурьевской, Западно-Казахстанской, Семипалатинской, Южно-Казахстанской областей.

Надо признать, что за указанный период очень слабо исследовались вопросы истории казахского языка. Лишь за последние 2 года стали изучаться языковые особенности древнетюркских памятников, а также язык фольклора. Недавно была защищена А. Курышжановым кандидатская диссертация на тему «Формы и значения падежей в языке „Codex Sumanicus“». Защищена диссертация по вопросам топонимики Казахстана². Тем не менее в изучении истории языка мы еще не можем выйти за рамки журнальных статей. Институт языка и литературы подготовил хрестоматию по истории и диалектологии казахского языка (25 печ. листов). В хрестоматии приводятся тексты дореволюционных изданий на арабском шрифте; после каждого текста выявляются языковые особенности соответствующего произведения. Однако из-за отсутствия арабских шрифтов в типографиях Алма-Аты издание этой работы задерживается. Неудовлетворительно ведется изучение фонетики казахского языка. В этой области нет сколько-нибудь серьезного труда, кроме раздела «Фонетика», написанного С. К. Кенесбаевым для курса «Современный казахский язык». Недостаточно разрабатываются вопросы языка писателей.

Значительная работа проведена в области сопоставительного изучения русского и казахского языков. Многолетняя практика преподавания русского языка в казахских школах и вузах показала эффективность сопоставительной методики — при сопоставлении казахского и русского языков отличительные черты их выявляются особенно полно, что облегчает работу по усвоению специфических явлений этих языков.

Вопросам сопоставительной грамматики казахского и русского языков посвящена не одна работа. Назовем здесь кандидатскую диссертацию Е. Н. Шиновой и монографию В. А. Исенгалевой (10 печ. листов)³. На недавно созданный при институте Отдел сопоставительного изучения русского и казахского языков возложена задача организации сопоставительного изучения этих языков. Сейчас отдел совместно с коллективом преподавателей Казах. ун-та и Казах. пед. ин-та работает над созданием сопоставительной грамматики русского и казахского языков.

Знаменательным событием явилось издание объемистого сборника по вопросам изучения русского языка⁴, который получил положительную оценку на страницах журнала «Вопросы языкознания». После длительного перерыва за последние 5 лет было выпущено 7 выпусков «Известий АН КазахССР (Серия филологии и искусствоведения)». В этих выпусках поднято много интересных, мало изученных вопросов, теоретическое обсуждение которых будет способствовать дальнейшему развитию казахского языкознания и литературоведения.

Издан «Библиографический указатель по казахскому языкознанию» (6 печ. листов), охватывающий лингвистическую литературу, начиная со второй половины XIX в. и кончая 1955 г.⁵ Многие научные сотрудники института издавна участвуют в работе

¹ Ж. Доскараев, Қазақ тілінің жергілікті ерекшеліктері (лексика). II бөлім, Алматы, 1955.

² А. Абдрахманов, Некоторые вопросы топонимики Казахстана. Автореф. канд. диссерт., Алма-Ата, 1954.

³ Е. Н. Шинова, Способы словообразования имен существительных в русском и казахском языках. Канд. диссерт., Алма-Ата, 1954; В. А. Исенгалеева, Служебные имена и послелоги в казахском языке, Алма-Ата, 1957.

⁴ «Вопросы изучения русского языка. Сб. лингвистических статей», под ред. Х. Х. Махмудова, Алма-Ата, 1956.

⁵ Ш. Ш. Сарыбаев, Қазақ тіл білімінің библиографиялық көрсеткіші, Алматы, 1956.

над учебными пособиями по родному языку: букварями (С. К. Кенесбаев, Г. Б. Бегалиев), книгами для чтения (Ж. Д. Доскараев), учебниками для начальных школ (М. Б. Балакаев), учебниками для педучилищ (Н. Т. Сауранбаев) и др. За последние пять лет значительно выросли молодые кадры казахских языковедов; защищено около 20 кандидатских диссертаций.

За период 1953 — 1957 гг. было проведено несколько совещаний, дискуссий, обсуждений по различным вопросам казахского языкознания. В 1954 г. при участии преподавателей вузов и студентов обсуждался учебник «Современный казахский язык». В 1956 г. состоялось широкое обсуждение большого русско-казахского словаря. Осенью 1956 г. в Алма-Ате состоялось Всесоюзное совещание, посвященное спорным вопросам тюркологии (категория вида и некоторые вопросы сложного предложения); материалы совещания вышли в свет отдельной книгой¹. Все эти обсуждения, дискуссии помогли правильному разрешению спорных вопросов и тем самым способствовали дальнейшему развитию казахского языкознания.

Лингвистическая работа ведется также и за пределами Института языка и литературы. Над различными проблемами казахского языка работают преподаватели Казах. ун-та, Казах. пед. ин-та, Женск. пед. ин-та, а также научные сотрудники Института педагогических наук. Языковедами этих учреждений были опубликованы следующие труды: К. Аханов, Вопросы лексики казахского языка (5 печ. листов), А. Хасенов, Имена числительные в современном казахском языке (6 печ. листов), Т. Кордабаев, Категория времени глагола в современном казахском языке (6 печ. листов)²; разрешению одного из трудных вопросов в школьной практике посвящена работа А. Абилякаева «Прямая и косвенная речь в казахском языке» (4 печ. листа), недавно вышла в свет его работа — «Семантика и функция глагола *де-* в казахском языке»³.

Большая заслуга в области развития методической науки по родному языку принадлежит Институту педагогических наук. Этот институт только за первое полугодие 1957 г. издал в виде методических пособий для учителей по казахскому языку и литературе 25 названий книг, брошюр, сборников. Приведем некоторые из них: А. Хасенов, Некоторые вопросы изучения синтаксиса простого предложения (5 печ. листов); И. Уюкбаев, Вопросы преподавания казахского языка в школе (4 печ. листа); «Русско-казахский словарь» (7 печ. листов); К. Барманкулов, Г. Бегалиев, Методические указания по казахскому языку для 2-го класса (5 печ. листов); «Из опыта преподавания казахского языка и литературы» (сб. статей) (6 печ. листов); Ф. Мусабекова, Система письменных работ по грамматике и правописанию в I — IV классах (3 печ. листа); С. В. Шкуридин, Категория залогов в русском и казахском языках (1957, 4 печ. листа)⁴.

В Секторе востоковедения АН КазахССР ведется плодотворная работа по изучению уйгурского и дунганского языков. За последние пять лет сектором востоковедения был опубликован «Русско-уйгурский словарь» (21000 слов)⁵ и работа А. Кайдарова «Парные слова в современном уйгурском языке» (1958, 13 печ. листов)⁶; в Издательстве АН КазахССР выпущена в свет книга С. Е. Малова «Язык желтых уйгуров» (13 печ. листов)⁷. Сектором подготовлены к печати «Уйгурско-русский словарь» (40 печ. листов) и «Труды Сектора Востоковедения», т. I.

Большие задачи стоят перед казахским языкознанием в разработке узловых вопросов родного языка. Это прежде всего изучение вопросов происхождения общенародного и литературного языка, составление исторической грамматики казахского языка, картографирование диалектных особенностей языка, составление диалектологического атласа, экспериментальное изучение фонетики, выпуск многотомного толкового словаря, большого казахско-русского словаря, словарей языка Абая, Алтынсарина

¹ «Вопросы грамматики тюркских языков», Алма-Ата, 1958.

² К. А х а н о в, Қазақ тілі лексикасының мәселелері, Алматы, 1956; Ә. Х а с е н о в, Қазіргі қазақ тіліндегі сан сөмдер, Алматы, 1957; Т. Р. К о р д а б а е в, Қазіргі қазақ тіліндегі етістіктердің шақ категориясы, Алматы, 1953.

³ А. Ә б і л қ а е в, Қазақ тіліндегі төл сөз бен төлеу сөз, Алматы, 1956; е г о ж е, «Де» етістігінің мағналары мен қызметі, Алматы, 1958.

⁴ Ә. Х а с е н о в, Жай сөйлемдер синтаксисін оқытудың кейбір мәселелері, Алматы, 1957; И. ү й ү қ б а е в, Мектепте қазақ тілін оқыту мәселелері, Алматы, 1957; «Русско-казахский словарь для казахской начальной школы», составил Н. Г. Миршанов, Алма-Ата, 1956; К. Б а р м а н к у л о в, Г. Б е г а л и е в, Қазақ тілінің оқытуға методикалық нұсқаулар. II класс үшін, Алматы, 1957; «Қазақ, тілі мен әдебиетін оқыту тәжірибелерінен», Алматы, 1957 («Педагогикалық оқулар»); Ф. М у с а б е к о в а, Бастауыш мектепте қазақ тілінен жүргізілетін жазба жұмыстардың түрлері және оларды бағалау нормалары, Алматы, 1957.

⁵ «Русско-уйгурский словарь», под ред. Ю. Цунвазо и А. Шамиевой [Алма-Ата], 1958.

⁶ А. К а й д а р о в, Парные слова в современном уйгурском языке, Алма-Ата, 1959.

⁷ С. Е. М а л о в, Язык желтых уйгуров. Словарь и грамматика, Алма-Ата, 1957.

и других писателей, составление фразеологического и синонимического словарей, разработка теоретических вопросов казахской лексикографии, изучение способов национального освоения русско-интернациональных слов и терминов, выявление процессов влияния русского языка на казахский, составление сопоставительной грамматики русского и казахского языков, специальное изучение языка писателей.

Ш. Ш. Сарыбаев

НАД ЧЕМ РАБОТАЮТ УЧЕНЫЕ?

Редакция «Вопросов языкознания» обратилась к ряду ученых-лингвистов с просьбой рассказать читателям журнала о своей научной работе и поделиться планами на ближайшее будущее. В этом номере публикуется часть ответов, полученных в течение июня 1958 г. В последующих номерах публикация будет продолжена.

*

1. Готовлю к печати первую книгу сборника (на русском языке) «Избранные работы по осетинскому языку», состоящего из моих трудов, опубликованных на грузинском языке в разное время (с 1923 г.). Но так как осетиноведение за последние десятилетия значительно подвинулось вперед (благодаря, главным образом, исследованиям В. И. Абаева и В. С. Соколовой), в частности по тем вопросам, которых я касался в своих прежних работах—ни одна из них не входит в сборник в первоначальном виде: почти все они потребовали пересмотра, дополнения, а подчас и исправления, с учетом появившейся литературы по этим вопросам. Таким образом, сборник отражает нынешнее состояние рассматриваемых в нем вопросов. В 1959 г. буду готовить к печати книгу вторую «Избранных работ по осетинскому языку» куда войдут некоторые мои доклады, не оформленные для печати, а также ряд новых статей по вопросам, возникшим в процессе работы над первой книгой.

2. Продолжаю работать над переводом (и комментариями) гат Авесты, который печат мною еще в прошлом году. Работа очень трудоемкая; однако года через два думаю закончить и опубликовать книгу; отдельные же ее части будут печататься в периодических изданиях (кое-что печаталось и раньше).

3. Работаю над улучшением «Учебника грамматики русского языка для грузинских школ», седьмое издание которого выйдет в этом году.

4. Продолжаю работать над книгой «Основы общей фонетики», вышедшей первым изданием в 1949 г. Готови ее для нового издания, стараюсь учесть новейшие достижения в области фонетики у нас и за рубежом и расширить в ней фонологическую часть. Трудно сейчас сказать, когда удастся мне ее закончить.

5. Не прекращаю работу над теоретическими и практическими вопросами грузинской логopedии. В настоящее время редактирую две книги по логopedии: одну — теоретическую, а другую — для практической работы логopedов в школах.

6. Работаю в редакционной коллегии русско-грузинского словаря: заканчиваю свою часть на букву «П».

Г. С. Ахвледиани
(Тбилиси)

*

Я продолжаю свои исследования в области греческой эпиграфики. В этом году должна выйти монография члена-корр. АН СССР В. Н. Лазарева о Киевской св. Софии. Для этой монографии я написал и сдал в издательство «Искусство» отдельную главу о надписях на мозаиках. Теперь продолжаю работать над второй частью этого исследования: «Надписи на фресках и граффити Киевской св. Софии». В текущем году готовлюсь к экспедиции для обследования памятников Византийской эпохи на территории Албанской Народной Республики. Кроме того, подготавливаю публикации некоторых монументальных древнегреческих надписей и граффити.

В Киевском университете я занят подготовкой к новой экспедиции в Приазовье для изучения новогреческих говоров, о которых в настоящее время в научной литературе имеются лишь весьма скудные сведения, несмотря на то, что они представляют значительный интерес для греческой диалектологии. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы вместе с теми, которые предполагается добыть, запланировано опубликовать под общим названием: «Сопоставительное описание новогреческих говоров Приазовья». Эту работу я начал вместе с канд. филол. наук Т. Н. Чернышевой, автором монографии об урузуф-ялтинском говоре приазовского диалекта новогреческого языка (часть этой монографии опубликована в начале текущего года издательством ИГУ).

Продолжаю также работу над небольшой книгой справочного характера «Греческие слова в восточнославянских языках», а вместе с Т. Н. Чернышевой, Ф. А. Никити-

ной и другими членами кафедры общего языкознания и классической филологии — над учебником новогреческого языка. В области общего языкознания я начал разрабатывать тему — сопоставительное изучение лексики родственных и неродственных языков (см. мое предварительное сообщение в «Ежегоднике КГУ» за 1957 г.). Работа над отдельными темами курса основ языкознания должна быть завершена изданием лекций по общему языкознанию для студентов КГУ.

А. А. Белецкий
(Киев)

В последнее время я работал главным образом над докладом для Республиканского совещания по вопросам перспектив развития в УССР общественных наук. Тема моего доклада — «Состояние и задачи языкознания в УССР». Некоторую часть своего времени я уделял подготовке книги «Акцентологический комментарий к сербохорватскому языку» и редактированию статей своих учеников для «Славистического сборника» кафедры славянской филологии КГУ.

Если состояние здоровья мне позволит, то я, вероятно, должен буду заняться после обсуждения на Республиканском совещании моего доклада подготовкой его к печати. Буду также продолжать работу над «Акцентологическим комментарием» и над почти уже законченной частью книги «Простое предложение в украинском языке» («Управление»).

Л. А. Булахоский
(Киев)

Будучи одним из организаторов и членом редакции коллективной «Сравнительной грамматики германских языков», подготавливаемой Сектором германских языков Института языкознания АН СССР совместно с Сектором индоевропейских языков Ленинградского отделения института, я пишу для этого издания вводную главу, посвященную племенным диалектам древних германцев. Значение этой проблемы для сравнительной грамматики я изложил в докладе «Сравнительная грамматика и диалектология», прочитанном на конференции германистов в декабре 1956 г. в Институте языкознания; доклад печатается в трудах конференции. Использование методов лингвистической географии по отношению к доистории языка позволяет, по моей мысли, преодолеть абстрактный схематизм сравнительной грамматики старого младограмматического направления и наметить связь между историей языка и историей народа и для этого древнейшего этапа развития языка. Этим определяются задачи и место порученной мне главы в общих рамках концептуума по сравнительной грамматике германских языков.

Вопрос о применении методов современной лингвистической географии для восстановления правильной сравнительно-грамматической перспективы развития древнегерманских языков и диалектов поставлен в ряде новейших исследований по германистике (Т. Фрингса, Ф. Маурера, Э. Шварца и др.), в частности и в моей книге «Немецкая диалектология» (Изд-во АН СССР, 1956). Для ознакомления с последними немецкими работами по этому вопросу Институт языкознания направляет меня осенью 1958 г. в научную командировку в Германскую Демократическую Республику.

В. М. Журмунский
(Ленинград)

Первая тема моих занятий в этом году — сопоставительная лексикология. Я написал два этюда: 1) «Из русско-индийских сопоставлений» (статья задумана была во время поездки в Индию в марте-апреле 1957 г., опубликована в «Вестнике ЛГУ» — № 8, 1958); 2) «Из славяно-балтийских лексикологических сопоставлений» (статья появится в «Вестнике ЛГУ» в этом году, в № 14). Подготавливаю статьи, посвященные литовско-индийским и украинско-литовским сопоставлениям.

Вторая тема — история слов в русском языке. Заканчиваю статью по истории слова *преlestь* и собрал материал о наименованиях взятки. Кроме того, редактирую составленный коллективом филологов ЛГУ словарь автобиографической трилогии М. Горького (выпуск первый пойдет в печать в последнем квартале текущего года) и подготавливаю статью о принципах составления этого словаря. Наконец, руковожу подготовкой лекского областного словаря, составляемого группой диалектологов ЛГУ. Написал статью о принципах региональной лексикографии.

Предполагаю издать ряд древнерусских текстов XVII в., которые можно определить собирательным названием «Ремесленные книги Московской Руси», а также «Торговую книгу купца Кошкина», содержащую ценные лексические материалы, снабдив эти издания лексикологическими комментариями. В этом году пойдет в печать «Словарь Ричарда Джемса 1618 г.» с моим переводом, вводной статьей и комментариями. В апреле 1958 г. я сдал в печать свои переводы древнерусских повестей XV—XVI вв.; предпо-

лагаю к 1960 г. подготовить новый сборник переводов художественной прозы Московской Руси XV — XVII вв.

Наконец, для изданий Академии наук Литовской ССР хочу написать серию очерков по литовской лексикологии и фразеологии, а также подготовить к изданию курс лекций по литовскому языку акад. Ф. Ф. Фортунатова (по записям акад. Покровского, акад. Ляпунова, проф. Ушакова и сохранившимся рукописям Фортунатова). Последнее, о чем я должен упомянуть: в связи с чтением курса санскрита для аспирантов намереваюсь обработать свои лекции в такую книгу о древнеиндийской науке о литературном языке, в которой освещено было бы понимание грамматических категорий индийскими грамматистами и глубокие теоретические философские различия в подходе, анализе и понимании языковых явлений между индийскими и европейскими лингвистами.

Б. А. Ларин
(Ленинград)

*

Изучение русского языка предполагает исследование старых письменных источников, так как иначе те или иные построения по языку могут оказаться ошибочными. Письменных источников по русскому языку колоссальное количество — десятки тысяч. Далеко не все тут изучено, а то, что и изучалось, во многом требует исправлений, углублений, дополнений. Как историк языка, в первую очередь я интересуюсь самыми древними памятниками. Мое внимание привлекает Сборник Святослава 1073 года — второй сохранившийся от древности памятник письменности. Я предполагаю на основе исчерпывающего словаря к памятнику заняться отдельными вопросами его морфологии. Памятник этот имеет особое значение благодаря тому, что это не профессиональный источник типа евангелий, псалтырей и проч. Лексически он разнообразнее; разнообразнее он также в морфологической области; можно предположить, что русская струя должна была отразиться в нем значительнее. Очень важно было бы поставить вопрос о печатном издании памятника — этого старейшего нашего письменного источника более или менее мирского характера. Второй занимающий меня вопрос — о сложении русского залога. Обе эти темы очень трудоемки, исследование их возможно только на базе широко привлеченного материала.

Издавна работаю я над академическим словарем русского языка. Эта работа привлекает тем, что такой словарь имеет прикладной характер, вместе с тем научен необходим и в будущем займет свое место среди прочих, ранее изданных академических словарей. Важно насколько возможно повысить научный уровень издаваемого словаря.

С. П. Обнорский
(Москва)

*

В настоящее время я работаю над комментированным изданием комедии Аристофана «Плутос». В этом издании должен быть помещен греческий текст комедии, обширное введение (об истории аттической комедии, о жизни и сочинениях Аристофана, об устройстве афинского театра во времена Аристофана, о представлениях в нем, о рукописях вообще и о рукописях сочинений Аристофана, о критике текста, о метрике, о языке комедии и др.) и пространный комментарий к тексту «Плутоса».

Комментарий, задуманный мною, должен быть не обычным школьным комментарием. Я мыслю себе его как пропедевтику к изучению всех вообще произведений Аристофана, а не только «Плутоса», главным образом со стороны языка, но также и критики текста и реалий. Поэтому я не ограничиваюсь объяснением слов, конструкций, реалий, необходимых только для данной фразы, но разбираю, и иногда довольно подробно, вопросы, касающиеся языка Аристофана и даже вообще греческого языка.

Для иллюстрации приведу несколько примеров. По поводу междометия ϕ в первом стихе я на двух страницах говорю об употреблении его сравнительно с употреблением соответствующих частиц в латинском и русском языках перед звательным падежом (я вообще охотно делаю такие сравнения, касающиеся способа выражения). В стихе 40 есть форма $\tau\epsilon\beta\sigma\upsilon\gamma$ с разночтением $\tau\epsilon\beta\sigma\upsilon\gamma$; я привожу на нескольких страницах разбор мнений ученых по вопросу об окончании ϵ и η во втором лице ед. числа страдат. и среднего залога настоящего и будущего времени. В стихе 9 упомянут $\tau\rho\epsilon\pi\omega\gamma$ «треножник»; я излагаю на 9 страницах сведения об употреблении треножников в Греции вообще и у Дельфийского оракула в частности. Говоря о критике текста, я подробно излагаю и доказываю свое мнение о ненадежности конъектуральной критики, приводя примеры из сочинений разных писателей (даже из «Русалки» Пушкина). Поэтому комментарий мой становится огромным, в среднем по 3 страницы моего письма на один стих, в «Плутосе» же 1205 стихов. В дальнейшем он станет короче, так как факты языка будут повторяться.

С. И. Соболевский
(Москва)

Я, как и раньше, занят вопросами из области историко-сравнительного изучения иранских языков. Мне приятно было поэтому прочитать в № 2 «Известий АН СССР, ОЛЯ» за 1958 г. статью А. С. Чикобава об иберийско-кавказском языкознании. Методологические установки этой статьи весьма близки к моим, несмотря на значительную большую сложность иберийско-кавказского языкознания по сравнению с иранским.

В этом году печатаются три моих статьи: в «Известиях ОЛЯ» — статья «Согдийские В(У)Δ' (') N(H)»; в журнале «Советское востоковедение» — статьи «О некоторых согдийских монетах и легендах» и «Таджикское *пуст*».

В текущем же году надеюсь подготовить к изданию три согдийских рукописных документа (один — на коже, другой — на дереве, третий — на бумаге) с переводом и комментариями. Все три — из нашего собрания согдийских документов, добытых в 1933 г. при раскопках на горе Муг в Таджикистане. Как и большинство других ранее изданных мною документов этого собрания, они являются, в основном, документами хозяйственного содержания.

В Издательстве восточной лит-ры при Институте востоковедения АН СССР недавно сдана в набор редактируемая мною книга И. М. Оранского «Введение в иранскую филологию».

Считаю своим долгом довести до конца издание всех согдийских документов, добытых советскими учеными. Созываемый в 1960 г. Международный конгресс востоковедов в Ленинграде делает эту работу еще более актуальной.

А. А. Фрейман
(Ленинград)

В 1956 г. я издал первый том моего труда «Арабские диалекты Средней Азии», в котором представлены тексты на бухарском наречии среднеазиатского арабского, а также перевод и комментарий к текстам. В настоящее время работаю над подготовкой к изданию второго тома, в котором будут помещены тексты на кашкардарьинском наречии, а также перевод и комментарий. Вслед затем будет издан третий том — словарь для обоих наречий с подробным объяснением слов и указанием мест, в которых они встречаются. В четвертом томе будет представлен грамматический анализ языка среднеазиатских арабов.

Параллельно с этим работаю над теми армазскими надписями, которые до сих пор еще не опубликованы. Большинство из этих надписей теперь уже дешифровано мною и подготовлено к печати. Некоторые из них будут изданы в ближайшее время. После опубликования этих надписей предполагаю подготовить к печати корпус всех армазских надписей, который войдет в серию «Корпус иранских надписей», издаваемую ЮНЕСКО.

Работа над армазскими надписями и их комментированием, с целью идентификации встречающихся в них имен исторических личностей и географических названий, заставила меня критически пересмотреть весь существующий эпиграфический и иной материал, относящийся к армазской эпохе, главным образом на греческом языке и на среднеиранских диалектах. В связи с этим пришлось подготовить новое издание ранее известных и неоднократно издававшихся памятников, чтение которых, предлагаемое различными исследователями, оказалось, однако, неудовлетворительным. В этой связи и подготовил к изданию некоторые греческие надписи, касающиеся Грузии.

В текущем году я приступил также к редактированию большого «Русско-арабского словаря», который предполагается выпустить в свет в ближайшие годы.

Г. В. Церетели
(Тбилиси)

1. Продолжаю работать над проблемой эргативной конструкции и по данному иберийско-кавказских языков. В монографии «Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках» (Тбилиси, 1948)¹ документально установлено, что при переходных глаголах грузинского языка вначале имелась не номинативная конструкция, а эргативная (субъект — в эргативном падеже, объект — в именительном); эргативной конструкции по времени предшествовали индифинитная конструкция (не оформленная основа выступала как в роли субъекта, так и объекта).

На очереди стоит вопрос о становлении номинативной конструкции и при переходных глаголах в настоящем времени. Сопоставляя строение глагольной основы настоящего времени со структурой глагольной основы прошедшего основного времени в древнегрузинском языке и учитывая при этом показателя занского и сванского глагола, должно уяснить пути развития конъюгационных

¹ Описательному анализу эргативной конструкции (на материале древнегрузинского языка) посвящена глава монографии «Проблема простого предложения в древнегрузинском языке. 1. Подлежащее и дополнение в древнегрузинском языке», Тбилиси, 1928.

основ (глагольных тем) переходного глагола и вскрыть морфологическую основу синтаксических процессов, приведших к формированию номинативной конструкции (субъект — в именительном, «прямой объект» — в дательном падеже).

Монография о древней структуре глагольных основ, над которой я теперь веду работу, является продолжением труда «Древнейшая структура именных основ в картвельских языках» (Тбилиси, 1942), где в составе именных основ выявлены окаменелые экспоненты грамматических категорий личности и вещи (в префиксах) и детерминативные суффиксы.

2. Готовлю новое издание книги «Общее языкознание. II. Основные проблемы», которая первым изданием вышла на грузинском языке в 1945 г. Закончена работа над первым разделом (проблема языка как предмета языкознания). Остаются две проблемы: 1) проблема специальных методов (методов изучения истории языка и методов описания системы языка) и 2) проблема строения лингвистики (отраслевой состав и взаимоотношение отраслей — морфологии и синтаксиса, морфологии и лексики, стилистики и синтаксиса, фонетики и фонологии, фонетики и стилистики... и т. д.). При рассмотрении методов описания системы языка должное место будет отведено анализу новейших попыток решения проблемы, в частности структурализму.

3. Параллельно изучается проблема языка как предмета философии (и в историческом аспекте) с должным учетом того обстоятельства, что до возникновения лингвистики как самостоятельной науки философия языка исчерпывала собою всю теорию языка (да и после возникновения лингвистики никогда не прекращался «импорт» в лингвистику теорий, зарождавшихся в умозрительной философии языка).

4. Совместно с доц. П. И. Церквадзе готовлю к печати университетский учебный «Курс аварского языка» (часть I — Хрестоматия со словарем, часть II — Грамматический анализ).

5. Как главный редактор «Толкового словаря грузинского языка», работаю над шестым томом, находящимся в производстве, и восьмым (последним) томом, который готовится к печати.

Арн. С. Чикобава
(Тбилиси)

*

Сейчас я занят изданием древнейшего датированного грузинского рукописного текста — Синайского многоглава 864 г. В подготовке текста к печати приняли участие члены возглавляемой мной кафедры древнегрузинского языка Тбилисского университета им. Сталина.

Приступаю к редактированию большого двухтомного древнегрузинского словаря, составленного членами той же кафедры по письменным памятникам V—X вв. Объяснения слов в словаре даны на грузинском и русском языках. Первый том будет печататься, вероятно, в 1959 г.

Продолжаю разрабатывать вопросы языка поэмы «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. Поэма XII в. до нас дошла в поздних (XVI—XVIII вв.) списках, изобилующих искажениями, вставками. Образована специальная комиссия для научно-критического изучения поэмы (по всем основным рукописям), в результате чего должны быть исправлены искажения, изъяты позднейшие вставки и т. д. Комиссия, в которой и я участвую, должна установить текст, возможно ближе передающий бессмертное творение руставелевского гения. Работа должна быть закончена в течение двух лет, а издание критически установленного текста поэмы должно быть приурочено к 250-летию первого печатного издания поэмы, т. е. к 1962 г. (1712—1962).

На последнем месте стоят у меня этимологические разыскания. Думаю дать серию этимологических заметок по картвельским языкам.

Нетерпю надежды выкроить свободное время для переложения моей грузинской грамматики на русский язык, чтобы полученные результаты изучения морфологического строя этого своеобразного языка, обладающего полипростоинными (многоличными) формами глагола, стали доступны широкому кругу специалистов. Это тем более важно, что трактовка некоторых грамматических явлений, данная на примерах грузинского языка, имеет значение и для других языков.

А. Г. Шанидзе
(Тбилиси)

*

В ответ на Ваше письмо могу сообщить, что в связи с тем, что в этом году запланирована сдача в печать второй части первого тома «Топонимических названий Латвийской ССР», мне и ближайшим моим сотрудникам придется заниматься дополнением и уточнением собранного материала и окончательным редактированием рукописи этого тома.

В связи с решением Президиума АН ЛатвССР об издании моих избранных трудов в шести томах и о вторичном издании «Грамматики латышского языка» и словаря К. Мюленбаха и Я. Эндзелина потребуются мои советы и консультация.

Я. М. Эндзелин
(Рига)

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО МАШИННОМУ ПЕРЕВОДУ

С 15 по 21 мая 1958 г. в 1-м Московском гос. пед. ин-те иностранных языков состоялась конференция по машинному переводу. В конференции приняло участие 340 человек, представивших 79 организаций. Всего на конференции было заслушано более 70 докладов, преимущественно посвященных автоматическому переводу. Значительное место заняли также сообщения несобственно лингвистические — доклады математиков и инженеров, связанные по тематике с вопросами прикладного языкознания.

15 и 16 мая проходили пленарные заседания конференции, на которых заслушивались наиболее значительные сообщения как теоретического, так и практического характера. С 17 по 20 мая работа конференции велась одновременно в двух секциях — теоретической и в секции алгоритмов машинного перевода. 21 мая на заключительном пленарном заседании были подведены итоги работы конференции.

Пленарные заседания открылись выступлением проф. М. И. Стеблина-Каменицкого (ЛГУ), особо остановившегося на том значении, какое имеет практика машинного перевода для проверки достижений и догм традиционного языкознания. Совместный доклад проф. А. А. Яиунова и О. С. Кулагиной был посвящен обобщению работ по созданию машинного перевода (французско-русский и англо-русский эксперимент), проведенных в Математическом институте АН СССР. Особое место в докладе было уделено лингвистическим вопросам машинного перевода — выработке точной системы лингвистических понятий, месту языка-посредника в системе машинного перевода, вопросам лингвистической статистики, изучению структуры языков на базе переводческих алгоритмов.

Аналогичным проблемам уделено известное место и в докладе И. К. Бельского, в котором на материале экспериментальных данных по созданию англо-русского машинного перевода, осуществленного в Институте точной механики и вычислительной техники АН СССР, был поставлен ряд общих вопросов машинного перевода. И. К. Бельская рассказала также о структуре аналитических и синтетических схем того варианта машинного перевода, в котором в качестве языка-посредника принят реальный язык (в данном случае — русский). Доклад Н. Д. Андреева (ЛГУ) был, напротив, целиком посвящен проблеме создания абстрактного языка, так называемого «мета-языка». Н. Д. Андреев предложил конкретные методы преобразования фактов реальных языков в факты мета-языка, продемонстрировав символику, применяемую в Экспериментальной лаборатории машинного перевода ЛГУ, и наметив отдельные фазы языковых преобразований.

О последовательности построения системы языка говорил проф. П. С. Кузнецов, доклад которого был посвящен анализу элементарных единиц различных порядков, связанных между собой определенными иерархическими отношениями. Проблема общей теории перевода в связи с машинным переводом нашла отражение в совместном докладе В. Ю. Розенцвейга и И. И. Ревзина. Докладчики предложили разграничивать «перевод 1» как вид творческой деятельности и «перевод 2» как установление строгих лингвистических соответствий.

На пленарном заседании был заслушан также доклад Вяч. В. Иванова о преобразовании сообщений и переработывании кодов. На пленарном же заседании было сделано сообщение Р. Л. Добрушина о значении математических методов в языкознании. Докладчик наметил конкретные пути к сближению математики и языкознания, указав, что развитие современной науки требует создания более точных методов формализации языка. Проф. Е. А. Бокрев говорил о проблеме языка-посредника для машинного перевода и о роли искусственного международного языка. Об одном из способов конкретного решения проблемы машинного перевода со многих языков на многие — о модели языка-посредника — говорил И. А. Мельчук. Под языком-посредником докладчик понимает абстрактную систему межязыковых соответствий. На основе независимого анализа и синтеза разрабатывается особая система правил и таблиц, устанавливающая соответствия между условным дифровым кодом различных языков. Проблема преподавания языка в связи с развитием современной теории языкознания была затронута в докладе И. И. Ревзина об «активной» и «пассивной» грамматике акад. Л. В. Щербы. Машинный перевод, как отметил докладчик, показал правомерность и необходимость раздельного подхода к проблемам анализа языка («пассивная грамматика») и синтеза («активная грамматика»). В заключение пленарных заседаний состоялся доклад проф. Л. И. Гутенмахера, рассказавшего о создании информационной машины.

Проблематика сообщений, заслушанных на заседаниях теоретической секции, была очень разнообразной. Вопросам общей теории перевода были посвящены доклады А. А. Реформатского и Вяч. В. Иванова. Доклад А. А. Реформатского представлял собой детальный анализ известных до сих пор теорий перевода, анализ его литературоведческого и лингвистического аспектов. Вяч. В. Иванов касался такой специфической проблемы, как лингвистическая сторона стихотворного перевода — вопроса, еще не нашедшего удовлетворительного решения. Часть докла-

дов теоретической секции относилась к вопросам связи современного теоретического языкознания с лингвистическими исследованиями прошлых эпох. Так, например, в докладе В. Н. Т о п о р о в а проводились некоторые аналогии трудов древнеиндийских грамматиков, особенно грамматики Панини, проблемам и методам современного теоретического языкознания. Интересная проблема перевода древних текстов методами машинного перевода была поставлена в докладе В. В. Ш е в о р о ш к и н а.

Значительное место в теоретической секции занимали доклады, посвященные анализу структуры языка, логическим связям внутри языковых единиц, структуре предложения, логической природе контекста. К этому кругу вопросов относились доклады, которые сделали: С. К. Ш а у м я н — о логическом анализе понятия структуры языка, И. И. Р е в з и н — о формальной структуре предложения, О. С. Б и н о г р а д о в а и А. Р. Л у р и я — об объективном исследовании смысловых связей, Л. И. И л и я — относительно методов членения синтаксического целого и т. д.

Особый интерес вызвали сообщения по лингвистической статистике. О различных методах ее применения к языковому материалу говорили: Р. М. Ф р у м к и н а — об обработке глагольных основ с чередованиями в испанском языке, Р. Г. К о т о в — о лингвистической статистике текстов русского языка, М. Г. У д а р ц е в а — о частотности лексических единиц в английской геологической литературе и В. М. Г р и г о р я н — о роли фактора частотности в определении стилистических функций слова. Специфика конференции во многом определила весь комплекс тематических сообщений теоретической секции. Большие значение имели в этом смысле сообщения математиков (Р. Л. Добрушина и О. С. Кулагиной), занимающихся проблемами математической лингвистики.

На заседаниях секции алгоритмов машинного перевода да слушались сообщения о конкретной работе по созданию правил машинного перевода, проделанной отдельными коллективами. Так, в докладах О. С. К у л а г и н о й и Г. В. Ч е к о в о й (МИ АН СССР) рассказывалось о создании алгоритма машинного перевода с французского языка на русский, а в докладе Т. Н. М о л о ш н о й (МИ АН СССР) — о системе построения алгоритма машинного перевода с английского языка на русский.

Экспериментальная лаборатория машинного перевода при ЛГУ, несмотря на сравнительно небольшой срок своего существования, представила ряд докладов, разнообразных по тематике и по охвату материала: о работе над индонезийско-русским (Н. Д. А н д р е е в), арабско-русским (О. Б. Ф р о л о в а), норвежско-русским (В. П. Б е р к о в), японо-русским (Л. А. Б а б и н ц е в), бирманско-русским (О. А. Т и м о ф е е в), хинди-русским (Т. Е. К а т е н и н а), вьетнамско-русским и русско-английским (Л. Н. З а с о р и н а) алгоритмами машинного перевода. Во всех сообщениях сотрудников ЭЛМП затрагивалась проблема создания искусственного языка-посредника; докладчиками применялась также система символики, разработанной под руководством канд. филол. наук Н. Д. Андреева.

На заседаниях той же секции были представлены доклады и сотрудников Института точной механики и вычислительной техники АН СССР: проблеме создания словаря многозначных слов машинного перевода был посвящен доклад С. С. Б е л о к р и н и ц к о й (на материале немецкого языка) и значительная часть доклада И. К. Б е л ь с к о й; о принципах группировки сложных существительных немецкого языка по лексико-семантической общности сообщил В. В. П а р ш и н; В. А. В о р о н и н сделал доклад о работе, проведенной им по созданию алгоритма машинного перевода с китайского языка на русский.

Вопрос о месте знаков препинания в общей системе машинного перевода с русского языка был поднят в докладе Т. М. Н и к о л а е в о й. Некоторые вопросы машинного перевода с японского языка — выделение слова, рассечение сложного предложения и непосредственный анализ японского глагола — были освещены в докладе М. Б. Е ф и м о в а.

Интересное решение ряда лингвистических проблем машинного перевода было предложено в сообщениях сотрудников Лаборатории электромоделирования при ВИНТИ АН СССР. О системе синтеза русского предложения рассказали Э. М. В о л о ц к а я и А. Л. Ш у м и л и н а. В совместном докладе Э. М. В о л о ц к о й, Е. В. П а д у ч е в о й, И. Н. Ш е л и м о в о й и А. Л. Ш у м и л и н о й были подробно проанализированы методы выделения синтагматических конфигураций русского языка. Доклад М. М. Л а н г л е б е н и Е. В. П а д у ч е в о й был посвящен сложному вопросу установления морфологической и синтаксической омонимии при анализе английского текста.

О работах по машинному переводу с французского и английского языков в Горьковском университете было рассказано в докладах В. И. А г р а е в а и К. В. К о м и с с а р о в о й. С отдельными сообщениями выступили и сотрудники Института языкознания АН СССР — А. В. С у п е р а н с к а я — о собственных именах в машинном переводе, Н. Н. Л е о н т ь е в а и Г. Н. В а в и л о в а — об избыточности флексий русского прилагательного.

В конференции принимали участие не только ученые Советского Союза — с докла-

дом о работе над порядком слов при переводе с русского языка на китайский выступил научный сотрудник Института языкознания Китайской Народной Республики Лю Юн-цюань.

Разнообразие и сложность практических и теоретических вопросов, поставленных на конференции, естественно, привели к оживленным прениям. Особый интерес вызвала проблема языка-посредника. Выдвинутому в ряде сообщений тезису о необходимости применения в качестве языка-посредника живого реального языка была противопоставлена точка зрения сторонников создания абстрактного, логически не противоречивого языка, для перевода на который будут приспосабливаться отдельные алгоритмы машинного перевода для реальных языков (Н. Д. Андреев и др.). И. А. Мельчук считает языком-посредником систему абстрактных межязыковых соответствий. В прениях затрагивались также проблемы выработки единообразной терминологии, общей для всех исследователей в области машинного перевода, проблема построения словаря, вопрос о возможностях машинного перевода в связи с переводом художественного текста, проблема места символики в разработке алгоритмов, связь прикладного языкознания с другими смежными дисциплинами и т. д.

В резолюции, принятой на заключительном пленарном заседании, было отмечено большое народнохозяйственное и общекультурное значение машинного перевода как одного из способов автоматизации умственного труда. Автоматизация перевода научно-технической литературы связана с общей программой технического прогресса, намеченной XX съездом КПСС. Далее в резолюции указывается на растущий интерес к тематике машинного перевода и математической лингвистики, которая становится одной из ведущих проблем современного прикладного языкознания, тем более что идеи математической лингвистики могут найти широкое применение и вне проблематики машинного перевода — в вопросах передачи речи на расстояние, в преподавании иностранных языков, при составлении типовых грамматик, словарей и т. д.

Конференция предлагает наладить тесную совместную работу представителей различных дисциплин, занимающихся переводческими алгоритмами, а также усилить подготовку кадров лингвистов, обладающих достаточными знаниями в соответствующих областях математики. В резолюции указывается на необходимость издания журнала по прикладной лингвистике при Комитете по прикладной лингвистике и расширения полиграфической базы «Бюллетеня» Объединения по машинному переводу 1-го МГПИИЯ. Конференция приняла также решения: ходатайствовать перед Министерством высшего образования СССР об открытии на переводческом факультете 1-го МГПИИЯ отделения научно-технического и машинного перевода, об издании трудов конференции и о созыве в 1960 г. Всесоюзной конференции по машинному переводу.

Т. М. Николаева

СИМПОЗИУМ ПО ВОПРОСАМ РАЗБОРЧИВОСТИ РЕЧИ

С 26 по 30 мая 1958 г. в Москве состоялся симпозиум по вопросам разборчивости речи, организованный Комиссией по акустике при АН СССР. В симпозиуме принимали участие советские и чехословацкие ученые — физики, связисты и лингвисты. Было рассмотрено два вопроса: 1) о допустимости использования испытательных таблиц, состоящих из бессмысленных звукоочетаний (словов), 2) о типах звукоочетаний (словов), включаемых в испытательные таблицы.

После вступительного слова акад. Н. Н. Андреева были заслушаны по первому вопросу следующие доклады: от Чехословакии — И. Славик (физик) и И. Вахек (лингвист) «Новый метод испытания разборчивости речи»; от Советского Союза — Л. Р. Зиндер (лингвист) «Лингвистические принципы построения артикуляционных таблиц», Б. И. Фрид (связист) «Соотношение между слоговой и словесной разборчивостью» и Е. Ю. Гурбанов (связист) «Вопросы практического применения артикуляционных таблиц».

И. Славик и И. Вахек подвергли в своем докладе критике общепринятый до сих пор метод испытания трактов связи при помощи слогов, не имеющих смыслового значения. Исходя из того, что такая методика не соответствует условиям, при которых в действительности происходят телефонные разговоры, и основываясь на том положении, «что сущность языка состоит в самой тесной связи звуковой формы с смысловым содержанием», докладчики предлагают отказаться от традиционной методики. Взамен этого они рекомендуют новый, комплексный метод. Основное место в нем занимают испытания при помощи таблиц слов; по мнению докладчиков, такие таблицы дают возможность оценивать в равной мере качество передачи и звуковой формы, и смысла. Далее комплексный метод предусматривает испытания при помощи бесед на заданные темы, а для специальных случаев (для определения передаваемости отдельных звуков) — испытания при помощи бессмысленных слогов.

Л. Р. Зиндер защищал в своем докладе противоположную точку зрения. По его мнению, испытания при помощи бессмысленных слогов вполне допустимы с лингвистической точки зрения по следующим соображениям: 1) звуковая сторона языка (фонемы) абстрагируется от смысловой, образуя особую систему, обладающую известной самостоятельностью; 2) восприятие звуковой формы присутствует пониманию; 3) артикуляционные испытания должны давать возможность объективной оценки качества тракта, т. е. его способности передавать звуковую форму речи; 4) поскольку тракт передает только звуковую форму, а не смысл, постольку испытательные таблицы должны содержать звуковой материал в наиболее свободном от избыточности (в теоретико-информационном смысле) виде.

Б. И. Фрид излагал результаты экспериментов, из которых явствует, что между артикуляцией (т. е. процентом правильно принятых) слогов, артикуляцией слов и артикуляцией фраз существует однозначная зависимость. Таким образом, если через тракт А слогов передаются лучше, чем через тракт Б, то и передача слов, а также и фраз будет в такой же мере лучшей через тракт А, чем через тракт Б.

Е. Ю. Гурбанов говорил, во-первых, о теоретических преимуществах испытаний при помощи бессмысленных слогов, наиболее свободных от избыточности с теоретико-информационной точки зрения; во-вторых, о большей точности результатов, достигаемых таким методом, особенно когда испытываются тракты с хорошим качеством; в-третьих, о большей экономичности испытаний при помощи бессмысленных слогов по сравнению с другими методами.

В ходе прений, в которых приняли участие от Чехословакии И. Мерхаут и В. Кли-меш и от Советского Союза В. А. Артемов, Ю. С. Быков, Л. А. Варшавский, И. М. Литвак, Н. Б. Покровский, А. А. Реформатский, М. А. Сапожков, В. Н. Федорович и А. Г. Эльсниц, была прежде всего выявлена необходимость различать разборчивость, т. е. способность идентификации таких языковых элементов, у которых звуковая форма не связана со смысловым содержанием (звуки и слоги), и понятность, т. е. способность идентификации таких языковых элементов, у которых звуковая форма неразделимо связана со смысловым содержанием (например, слова и фразы).

Далее было выяснено, что разборчивость не является непосредственной мерой понятности, но что между ними существует прямая зависимость. Это позволило прийти всем участникам симпозиума к следующему согласованному решению. «По установлении для данного языка взаимозависимостей между различными видами разборчивости и понятности при определении качества того или иного тракта нет необходимости измерять разные виды разборчивости и понятности. Достаточно измерить один из указанных видов, а именно тот, измерение которого связано с меньшими трудностями. Результат такого измерения дает возможность иметь данные и о величине других видов разборчивости и понятности».

По второму вопросу были заслушаны следующие доклады: И. Вахек «Дискуссионное сообщение по методике составления артикуляционных таблиц», Ю. С. Быков «Сравнение эффективности различных систем артикуляционных измерений». И. Вахек критиковал в своем докладе слоговые артикуляционные таблицы ВНАС за отсутствие в них открытых слогов, безударных гласных и сочетаний из трех согласных, которые являются характерными для русской речи. Ю. С. Быков о необходимости составления слоговых таблиц путем членения потока речи.

В прениях выступили Л. А. Варшавский, Е. Ю. Гурбанов, Л. Р. Зиндер и А. А. Реформатский.

Л. Р. Зиндер

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ СИНТАКСИСА СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКА

С 9 по 11 июня 1958 г. в Братиславе (Чехословакия) проходила конференция по вопросам синтаксиса словацкого языка, организованная Институтом словацкого языка Словацкой Академии наук. Конференция привлекла большое количество участников из Чехословакии — научных работников Института словацкого языка Словацкой АН, Института чешского языка Чехословацкой АН, профессоров и преподавателей вузов. В ее работе приняли участие и зарубежные лингвисты: проф. Н. С. Поспелов (СССР), проф. З. Клеменевич (Польша), проф. Бруно Мериджи (Италия). В прениях по основному докладу доц. Й. Ружички и по 15 содокладам выступило около 40 ученых. Конференция по вопросам синтаксиса в известной мере продолжила работу конференции по морфологии словацкого языка, проходившей два года тому назад. Целью обеих конференций было обобщение основных проблем, связанных с созданием академической грамматики словацкого литературного языка (главный редактор доц. Й. Ружичка).

В основном докладе «Спорные вопросы синтаксиса словацкого языка» доц. Й. Ружичка поставил перед конференцией пять основных вопросов, решение которых

имеет первоочередное значение для дальнейшей успешной работы над подготавливаемой академической грамматикой: отношение морфологии и синтаксиса; проблема синтагмы; проблема членов предложения и их определение; вопросы сложного предложения и, наконец, вопросы контекстуального членения предложения.

Более подробно эти проблемы рассматривались в отдельных содокладах. Так, вопросы синтаксиса в связи со средствами синтаксического выражения были рассмотрены в содокладах Фр. Д а н е ш а (Прага) «Что такое синтаксис?», доц. Фр. К о п е ч н о г о (Брно) «Синтаксическая форма», М. М а р с и н о в о й «Грамматическая форма» и Я. Г о р е ц к о г о «Грамматический порядок слов». Проблематика синтагмы была затронута в содокладах М. У р б а н ч о к а «Деепричастные обороты» и Ш. О н д р у ш а «Сочетания с модальными выражениями». Большое внимание было уделено вопросу о членах предложения. Он был освещен в основном докладе и получил свое интересное теоретическое обоснование в содокладе К. Г а у с е н б л а с а (Прага) «К теории членов предложения». Я. О р а в е ц прочел содоклад «Разграничение членов предложения» (о границах между обстоятельством и дополнением); проблема сказуемого была изложена Р. М р а з к о м (Брно) в содокладе «О сказуемом»; интересный и до сих пор недостаточно изученный в словацкой грамматике вопрос затронул Я. С в е т л и к в содокладе «Второе сказуемое». Последним было выступление Фр. М и к о «Определение в родительном падеже».

В дальнейшей своей работе конференция обсуждала проблематику сложного предложения. О классификации сложного предложения говорил доц. Я. Б а у е р (Брно). Л. Д в о н ч а прочел содоклад на тему «О сложных предложениях усложненного типа». На повестку дня были поставлены также вопросы грамматических категорий и частей речи. Из трех предусмотренных сообщений было заслушано только сообщение Г. Г о р а к а «Категории времени и наклонения». Работы Й. М и с т р и к а «Частицы» и Ш. П е ч л а р а «К вопросу о классификации наречий» остались непроцитированными. В прениях приняли участие акад. Фр. Т р а в н и ч е к, проф. А. В. И с а ч е н к о, Ш. П е д а р, доц. Л. Д ю р о в и ч, доц. В. Б л а н а р, доц. Е. Й о н а, проф. Н. С. П о с н е л о в, проф. З. К л е м е н с е в и ч, проф. Б. М е р и д ж и и многие другие. Проф. Н. С. Поснелов выступил также с докладом на тему «К вопросу о структуре сложноподчиненного предложения». Материалы конференции будут напечатаны в отдельном сборнике.

Г. Балаж

КОНФЕРЕНЦИЯ В БРАТИСЛАВЕ

(впечатления участника)

По приглашению Института словацкого языка Словацкой академии наук я принимал участие в работе конференции по вопросам синтаксиса словацкого языка. Конференция, прошедшая на высоком теоретическом уровне, отличалась прежде всего тем, что все ее участники обращали особое внимание на спорные и до сих пор недостаточно разработанные вопросы синтаксиса, стремясь многое разрешить по-новому. Это в значительной мере стимулировало работу, начатую Институтом словацкого языка, над проблемами словацкого синтаксиса, в равной мере значительными и важными для синтаксиса других славянских языков. Отмечая атмосферу плодотворной и горячей дискуссии, бывшей на конференции, мне хотелось бы как ее участнику передать свои впечатления и выделить некоторые спорные вопросы, полагая, что дальнейшая дискуссия по ним может быть полезной.

Широкая дискуссия развернулась на конференции по программному докладу доц. Й. Р у ж и ч к и «Спорные вопросы синтаксиса словацкого языка». В докладе были поставлены вопросы: о границах между морфологией и синтаксисом, о синтагме как устойчивом (*usté leným*) способе выражения сочетания языковых единиц на основе определенного отношения и о типах синтагм, о принципах выделения и разграничения членов предложения с точки зрения синтагматики, о синтагматическом подходе к членению сложного предложения, о расчлененности предложений в контексте. По мнению докладчика, в синтаксисе должны рассматриваться только сочетания слов в их грамматической оформленности (*tvorov*), и с этой точки зрения выражения типа *chciel' hovorit'* «хотеть говорить» или *je upratané (mam upratané)* «убрано» — не формы, а сочетания слов и относятся к синтаксису, а не к морфологии. При такой постановке вопроса о разграничении морфологии и синтаксиса не учитывается в полной мере наличие в языке слоя промежуточных явлений «морфологического синтаксиса» — конструктивных единиц, возникающих в процессе построения предложения и не сводимых к синтагматическим сочетаниям слов.

В тезисах доклада Й. Ружички на основе противопоставления детерминации как выражения гипотаксиса и координации как выражения паратаксиса были намечены пять типов детерминативных синтагм в соответствии с пятью типами выражаемых ими

отношений: 1) собственно-детерминативная синтагма, выражающая определительное отношение; 2) предикативная синтагма, выражающая отношение, формирующее предложение (*vetný vzťah*); 3) объектная синтагма, выражающая дополнительное отношение; 4) адвербиальная синтагма, выражающая обстоятельственное отношение и 5) взаимообратимая (*reciprocáná*) синтагма, выражающая взаимопределяющее отношение, как это, например, имеет место в сочетаниях между вспомогательными глаголами и инфинитивом. Хотелось бы отметить, однако, что в своем докладе, в отличие от тезисов, И. Ружичка вывел предикативную синтагму из ряда прочих синтагм, что лишило его возможности свести предикативные отношения (*vetný vzťah*) к отношениям синтагматическим.

В освещении проблемы членов предложения И. Ружичка, отказываясь от традиционного учения об изолированных членах предложения, стремился вскрыть синтаксические различия между членами предложения на основе синтагматики, предлагая, например, признать наличие в словацком языке генитивного подлежащего и рассматривать *doplnok* как второе сказуемое. Однако на почве синтагматики едва ли возможно примирить семантический и синтаксический подход к анализу членов предложения. Что же касается проблемы второстепенных членов предложения, дискутировавшейся на конференции, то, я думаю, что признавая условность традиционной схемы нельзя не обнаружить структурной несоотнесенности между определением, вполне укладывающимся в структуру словосочетания¹, дополнением, всегда тесно связанным с другим, управляющим членом предложения, и обстоятельством, свободно функционирующим в предложении в качестве его члена.

Положив синтагматику и в основу анализа сложного предложения, И. Ружичка выдвинул тезис: «каждое придаточное в составе сложноподчиненного предложения имеет значение члена предложения». В силу этого обычное для чехословацкой научной традиции деление сложноподчиненных предложений на изъяснительные (*obšahové*) и обстоятельственные (*okolnostné*) и еще более старое разграничение субстантивных, адъективных и адвербиальных сложных предложений принималось только как подсобное. Эта точка зрения, однако, не получила широкого признания на конференции.

В своем докладе «К вопросу о структуре сложноподчиненного предложения» я стремился вскрыть глубокое структурное различие между нерасчлененными («одночленными») и расчлененными («двучленными») конструкциями сложноподчиненного предложения и охарактеризовал присубстантивно-определятельный, местоименно-соотносительный и присказуемостно-изъяснительный структурные типы как «объемлющие» конструкции сложного предложения, как в типических случаях своего построения явления, переходные от простого предложения к сложному. В противоположность «объемлющим» конструкции, выражающие временные, причинно-следственные, условные и уступительные отношения, характеризуются в типических случаях выражения названных отношений отчетливой двучленностью своего строения, причем вскрывается существенное грамматическое различие между случаями с пре- и постпозицией придаточной части. Классификация сложноподчиненных предложений, выдвинутая в докладе Я. Бауера, в которой наряду с изъяснительными (*obšahové*) и восполняющими (*doplnocasi*) выделены в особую группу сложноподчиненные предложения, выражающие обстоятельственные отношения, мне представляется близкой к тому пониманию структуры сложноподчиненного предложения, которое было изложено в моем докладе.

За недостатком места не могу остановиться на других интересных докладах и выступлениях участников конференции. Целая серия глубоко продуманных общетеоретических докладов (Фр. Данеша, Фр. Копечного, М. Марсильевой, Я. Горецкого) и докладов по отдельным вопросам синтаксиса предложения (К. Гаусенбласа, Я. Оравца, Р. Мразка, Я. Светлика, Фр. Мико, Л. Двонча), синтагматики (М. Урбанчика, Ш. Ондруша) и категориального анализа (Г. Горака) были подвергнуты живому обсуждению на конференции. Яркие и содержательные выступления акад. Фр. Травничка (Брно), проф. З. Клеменевича (Краков), проф. А. В. Исаченко (Оломоуц), доц. В. Бланара, доц. Л. Дюровича (Братислава) и других участников дискуссии обеспечили ей тот высокий уровень, который в полной мере соответствовал глубокой разработке вопросов, поставленных в докладах.

Организаторов конференции в Братиславе можно поздравить с большим и заслуженным успехом. Конференция явилась ярким свидетельством активной и плодотворной работы словацких и чешских языковедов. Ее можно считать, несомненно, шагом вперед в вопросах разработки синтаксиса славянских языков.

Н. С. Поспелов

¹ Ср. А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. I—Морфология, Братислава, 1954, стр. 324 (со ссылкой на гектографированный курс Е. Паулини «*Systém slovenského spisovného jazyka*», II). Ср. также А. И. Смирницкий, Синтаксис английского языка, М., 1957, стр. 232—233.

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

14 марта с. г. на заседании Ученого совета Института языкознания состоялся доклад проф. Ф. П. Филина на тему: «Принципы составления сводного областного словаря русского языка». В своем докладе Ф. П. Филин отметил, что сводный областной словарь русского языка предназначается для научно-исследовательских целей: изучения лексики русского языка в сравнительно-историческом аспекте, этимологии, истории пополнения словарного состава русского литературного языка, истории групп слов, отдельных слов и т. д.

Словарь, по мнению Ф. П. Филина, должен включать в себя только диалектные слова, диалектные значения и употребление слов, диалектную фразеологию, т. е. быть строго дифференциальным. В словаре должна найти себе место и терминологическая лексика, а также архаизмы, жаргонизмы и всякого рода иные слова, если они в своем распространении имеют локальный характер и не являются принадлежностью литературного языка.

В словарь должны включаться также названия урочищ нарицательного характера, прозвища и клички, имеющие историко-лингвистический интерес. Не следует отражать в словаре, как думает Ф. П. Филин, имена собственные, в том числе и собственные географические названия; слова, представляющие собою искажения современных литературных слов; всякого рода индивидуальные образования, а также ту профессиональную, этнографическую и арготическую лексику, которая не имеет локального употребления. Словарь не должен преследовать лингво-географических целей, хотя сведения лингво-географического характера в нем будут приводиться. Словарь, по мнению Ф. П. Филина, может включать в себя материалы разного времени — не только современные, но и материалы говоров XIX—XX вв.

Источниками словаря должны явиться большие накопления словарных сведений, собранных в течение XIX—XX вв. (диалектные материалы словарной картотеки ИЯЗ АН СССР, словарные фонды архива Р. Г. О. и других хранилищ, материалы, хранящиеся в вузах и у частных лиц, а также опубликованные в различных изданиях). Эти накопления должны непрерывно пополняться в процессе сбора новых диалектных слов. Имеющиеся материалы по своему качеству в значительной части неточны, часто неверны. Однако критика их на базе широкого сравнения разнообразных данных о том или ином слове позволит, по мнению Ф. П. Филина, избежать грубых ошибок и промахов. В качестве источников для словаря могут привлекаться также и фольклорные материалы. Ф. П. Филин указал, что весь комплекс значений многозначного диалектного слова почти никогда не реализуется в одном каком-либо говоре или группе говоров, он обычно представлен во многих говорах. Однако в словаре слово может быть дано в некоторой абстракции с учетом того, что реальное употребление этого слова обычно уже всей суммы его значений и иных особенностей, которые будут сведены в словаре. Поэтому докладчик считает, что в словарной статье можно свести воедино данные о значении слова, полученные в различных говорах, и расположить их по установленным значениям слова, независимо от географических и хронологических данных. Также независимо от времени и территории будут располагаться грамматические признаки слова, всякого рода сочетания и употребления и т. д. Толкования слов в словаре должны быть филологическими. В ряде случаев в силу необходимости возможны энциклопедические определения. В словаре должны иметься разного рода пометы: *перен.*, *бран.*, *ирон.* и т. д., а также, по мере возможности, сведения справочного характера. При каждом слове будут приводиться сведения географического и хронологического характера. Словарь целесообразно издавать, по мнению Ф. П. Филина, небольшими выпусками с тем, чтобы впоследствии при объединении их можно было бы вносить новые материалы и всякого рода поправки.

В обсуждении доклада приняли участие В. Г. Орлова, С. И. Ожегов, С. И. Котков, Б. В. Горнунг, А. М. Бабкин, Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров.

В. Г. Орлова указала, что планомерное изучение диалектной лексики является одной из первоочередных задач русских диалектологов. В настоящее время ведется сбор лексических материалов для региональных словарей отдельных диалектных зон русского языка. В дальнейшем материал этих словарей явится источником для будущего сводного областного словаря русского языка. Другой важный источник — это уже собранные, опубликованные и хранящиеся в рукописях лексические материалы. До сих пор они нигде не сведены должным образом и остаются разрозненными. Поэтому понятно, до какой степени важна и необходима работа по обобщению и публикации этих огромных фондов, о которой уже говорил докладчик. Только не следует, добавляет В. Г. Орлова, называть эти подлежащие систематизации материалы сводным областным словарем. Просто это будут материалы по диалектной лексике, публикацию которых целесообразнее было бы вести в двух сериях: южновеликорусские и северновеликорусские. При сборе материала для словаря, по мнению В. Г. Орловой, следует ориентироваться на общеразговорную лексику, минуя специальную профессиональную терминологию, которая должна собираться иными путями.

С. И. Ожегов отметил неправомерность сопоставления областного словаря с литературным, так как первый не является словарем одной системы языка: это печатное собрание материалов. Одной из основных задач словаря будет точная локальная фиксация материалов, согласно данным источников, причем в ряде случаев большую трудность представит решение вопроса о том, является ли то или иное слово общерусским или распространённым одновременно во многих диалектах.

По мнению С. И. Коткова, создание сводного областного словаря в том виде, в каком он задуман Ф. П. Филиным, является задачей невыполнимой. Областной словарь может быть только синхронным. То, о чем шла речь в докладе, может быть только материалом для словаря, который следует использовать в том виде, в каком он существует. Расположение же материала в словарной статье по установленным значениям создает опасность произвольной и субъективной подачи материала.

Б. В. Горюнг положительно отозвался о рассмотрении докладчиком областного словаря как дополнения к 16-тому академическому словарю. В связи с этим он считает оправданным положение о неизбежной абстракции при разработке словарной статьи.

А. М. Бабкин отметил, что термин «словарь» ни к чему не обижает, кроме алфавитного размещения материала. Не следует откладывать решение вопроса о словарной статье; как полагает А. М. Бабкин, она не должна быть похожа на словарную статью толкового словаря. В словарь должны войти слова, которые когда-то были диалектными, но впоследствии стали литературными.

Р. И. Аванесов отметил, что большая трудность при работе над словарем будет заключаться в том, что предметом словаря являются слова, входящие в состав разных частных систем русского языка, систем диалектных. Диалектное слово по природе своей локально, территориально прикреплено, поэтому каждое слово должно быть максимально обработано по территориальным признакам. Кроме того, необходима также хронологическая паспортизация материала, поскольку словарь будет включать материалы разного времени. Тщательно должны быть разработаны все вопросы, касающиеся построения словарной статьи.

В. Н. Сидоров предложил ограничить задачу работы: дать в словаре только сводный материал по имеющимся в наличии источникам. Сбор нового лексического материала по говорам, по мнению В. Н. Сидорова, проводить не следует. Это — задача региональных словарей, работа над которыми должна проводиться параллельно с работой над сводным словарем. Если будут составлены словари по отдельным говорам, их можно в дальнейшем даже не сводить.

Ф. П. Филин в заключительном слове сказал, что для создания словаря нужны квалифицированные кадры. При условии подготовки таких кадров субъективизм и произвол, возможные при критическом подходе к материалу, будут доведены до минимума. Не следует, по мнению Ф. П. Филина, делить словарь на отдельные серии: южновеликорусские и северновеликорусские, так как распространение отдельных диалектных слов не совпадает с границей оающих и акающих говоров.

В марте 1958 г. в г. Улан-Удэ Бурят-Монгольским научно-исследовательским институтом культуры и редакцией газеты «Бурят-Монголой унэн» совместно с Институтом языкознания АН СССР, Министерством просвещения и Министерством культуры Бурят-Монгольской АССР было организовано широкое обсуждение вопросов языкового строительства в республике.

Обсуждение было начато статьей зав. Сектором языка и письменности БМ НИИК Ц. Б. Цыдендамбаева «О некоторых актуальных вопросах бурятского языка» в газете «Бурят-Монголой унэн». Дискуссия по вопросам, выдвинутым автором статьи, продолжалась на страницах газеты в течение марта: было опубликовано до 50 писем.

С 17 по 20 марта проходило совещание, посвященное двум вопросам: обсуждению второй части «Грамматики бурятского языка», составленной проф. Т. А. Бертагаевым и канд. филол. наук Ц. Б. Цыдендамбаевым, и обсуждению доклада Ц. Б. Цыдендамбаева «О назревших вопросах развития бурятского литературного языка» и содоклада канд. филол. наук И. Д. Бураева «О состоянии и задачах бурятской диалектологии». На этом совещании выступило более 40 человек. В выступлениях по «Грамматике бурятского языка» отмечалось, что ее авторы проделали большую работу и в основном правильно разрешили поставленные задачи. Вместе с тем был указан и ряд недостатков. Так, из синтаксиса простого предложения полностью выпал интересный и нужный вопрос о словосочетании. Выделение двусоставных предложений только по подлежащему также недостаточно аргументируется автором соответствующего раздела. Раздел синтаксиса сложного предложения, как отмечало большинство выступавших, страдает недостатками структурного характера. Чрезмерно детализируется вопрос о причастных и деепричастных оборотах, почти все причастия и деепричастия рассматриваются автором как части оборота. Работа перегружена фактическим материалом, ино-

гда на нескольких страницах перечисляются одни, часто однотипные примеры без каких-либо комментариев. Автором раздела, как отмечали учителя бурятских школ, недостаточно учитываются практические стороны грамматики.

В обсуждении вопросов развития бурятского языка приняли участие научные работники, учителя, писатели и журналисты, представители общественных организаций республики, а также других городов нашей страны — Москвы, Ленинграда, Иркутска, Читы, представители Усть-Ордынского и Агинского национальных округов. Все выступавшие на совещании, а также на страницах газеты «Бурят-Монголой унэн» говорили о больших успехах в языковом строительстве, достигнутых бурятским народом за годы Советской власти. Вместе с тем отмечалось наличие некоторых недостатков.

Низок уровень переводческого дела: в нем преобладает буквализм и ремесленничество. На страницах газет и журналов публикуются вышолненные переводы, тогда как необходима широкая публикация оригинальных материалов, издание книг и брошюр по различным отраслям хозяйства, культуры и науки, написанных непосредственно на бурятском языке. Некоторые молодые поэты, чрезмерно увлекаясь конечными рифмами, идут на искажение слов, свойственного бурятскому языку порядка слов в предложении и т. д., в результате чего стихи непонятны читателям.

Необходима серьезная работа по нормализации орфографии бурятского языка. В правописании слов нет определенных твердых правил, одни и те же слова стали писаться по-разному. Заимствованные слова, давно вошедшие в лексический запас бурятского языка, стали писаться не по правилам бурятского языка, а так, как они пишутся в языке, из которого заимствованы. Аналогичны недостатки и в области терминологии. Ряд своих терминов подменяется заимствованными словами, или, наоборот, заимствованные термины, уже укрепившиеся в словарном фонде бурятского языка, стали заменяться сложными непонятными словосочетаниями. Одним из серьезных недостатков в деле развития и обогащения литературного языка является недостаточное внимание к изучению местных диалектов.

В ряде выступлений говорилось об изучении монгольского языка, о возможности заимствования из монгольского языка слов и терминов.

Несомненно, что для дальнейшего развития литературного бурятского языка нужны и практические меры по укреплению существующих сфер его употребления. В выступлениях приводились отдельные факты игнорирования родного языка, искусственного сужения его применения. Прогрессивное явление в жизни бурятского народа — массовое усвоение великого и могучего русского языка стало толковаться некоторыми неправильно, как факт непригодности и отмирания родного языка. Однако из выступлений выяснилось, что существующая сфера употребления бурятского языка, наоборот, укрепляется, она несомненно широка. Это язык бытового общения, начального и семилетнего школьного обучения, на нем проводится агитационно-пропагандистская и культурно-воспитательная работа, и, наконец, это язык национальной литературы и искусства.

Все участники констатировали, что игнорирование родного языка отрицательно сказывается на пропагандистской и воспитательной работе среди населения и тормозит дальнейшее развитие национальной культуры. Дело в том, что большинство населения сел республики еще не знает или плохо знает русский язык. Поэтому использование одного лишь русского языка на собраниях, лекциях, беседах и т. д. приводит к тому, что большая часть сельского населения не охватывается повседневной политико-воспитательной и культурно-просветительной работой. На совещании были внесены конкретные предложения о повсеместном развертывании обучения бурятскому литературному языку взрослого населения, в первую очередь партийных и советских работников, работников культурных и научных учреждений и высших учебных заведений, словом, тех, кто прежде всего обязан вести пропагандистскую и воспитательную работу среди населения. На совещании было указано на необходимость выработки норм и правил вокального исполнения музыкальных произведений и сценического исполнения на бурятском языке, улучшения языка переводных пьес, на то, чтобы программа и ведение концертов осуществлялись параллельно на двух языках. Особое внимание привлекли предложения по исполнению народных песен, улигеров и сказок с привлечением живых носителей фольклора с мест. Участники совещания по языковому строительству обратились к работникам культурных, научных и других учреждений с призывом широко распространять научные и научно-популярные знания среди бурятского народа на их родном языке.

По результатам обсуждения назревших вопросов языкового строительства в республике бюро Бурят-Монгольского обкома КПСС приняло специальное решение «Об усилении идеологической работы на бурятском языке».

11 апреля 1958 г. на очередном заседании методологического семинара в Институте языкознания АН СССР В я ч. В. И в а н о в сделал доклад «Теоретическое языкознание и прикладная лингвистика». Подчеркнув первостепенное значение практических приложений языкознания для развития лингвистической теории, Вяч. В. Иванов отметил, что современное прикладное языкознание требует построения системы конструктивных лингвистических понятий, оправдываемых определенным набором правил. В этом смысле строго конструктивной является теория сравнительно-исторического языкознания, которая сохраняет все свое значение и для прикладного языкознания. Необходимый отказ от некоторых традиционных понятий, прежде всего от расплывчатых указаний традиционной грамматики и семасиологии на значение того или иного слова или формы, отнюдь не означает, что при современном машинном переводе понятие значения (или смысла) не используется; оно постоянно привлекается при интерпретации текста, т. е. при соотнесении языковых элементов различных кодов. При этом значение всегда определяется известным набором правил. Вообще сам характер языковой системы (как и любой другой знаковой системы) не дает возможности при ее описании ограничиться лишь указанием соотношений между ее элементами. Получаемое в результате такого дистрибутивного описания некоторое абстрактное исчисление должно быть интерпретировано, т. е. следует указать правила его соотнесения с языковой субстанцией. Именно это обстоятельство связано с наибольшими трудностями, возникающими при автоматическом анализе устной и письменной речи.

Из более частных моментов докладчик отметил, что деление языка на разные уровни (фонологический, грамматический и т. п.) и разные планы (план выражения и план содержания) подтверждается разнообразными исследованиями, связанными с прикладной лингвистикой. Интересными данными в этом отношении располагает экспериментальная психология. И прежде говорилось о важности изучения афазий для исследования отношений между кодом и сообщением (языком и речью); новейшие работы свидетельствуют о том, что изучение афазий важно и для постановки вопроса об отношениях различных планов языка друг к другу. В работах советских психологов (прежде всего Л. С. Выготского и А. Р. Лурия) можно найти ряд выводов, чрезвычайно важных для теоретического языкознания. При этом существенно, что некоторые лингвистические идеи, выработанные в результате исследований сравнительно-исторического характера, находят подтверждение в позднейших работах по физиологии высшей нервной деятельности (теория фонемы, теория семантического поля).

Доклад вызвал оживленные прения, показавшие, что роль современного прикладного языкознания в развитии лингвистической теории понимается нашими лингвистами по-разному. Так, выступивший в прениях В. И. А б а е в говорил о своем несогласии с тем, что практические применения языкознания могут оказывать существенное влияние на развитие теоретической мысли. По мнению В. И. Абаева, они и впредь будут иметь лишь вспомогательное значение. А. А. Р е ф о р м а т с к и й, напротив, приходит к выводу, что языкознание сейчас находится на новом этапе своего развития, который определяется возрастающим значением прикладных его областей. Как и выступивший вслед за ним П. С. К у з н е ц о в, А. А. Реформатский выразил свое согласие с основными положениями доклада. Ю. Д. Д е ш е р и е в высказал некоторые соображения о применении новых методов исследования к младописьменным языкам Кавказа. По мнению М. М. Г у х м а н, в докладе недостаточно ясно было определено значение теоретических исследований, не имеющих непосредственного практического применения. Исторические и типологические исследования, сказала М. М. Гухман, должны осуществляться и независимо от задач прикладного характера.

17 апреля 1958 г. доцент Стокгольмского университета Х. Б и р б а у м прочел доклад о состоянии современного советского языкознания в Клубе по общему языкознанию Стокгольмского университета. Докладчик главным образом останавливался на состоянии общего языкознания и сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков в Советском Союзе и, в частности, уделил большое внимание проводимой в настоящее время журналом «Вопросы языкознания» дискуссии о лингвистическом структурализме. Среди самостоятельных лингвистических работ, считающихся с достижениями структурализма, докладчик особо отметил книгу О. С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии». Что касается индоевропейского языковедения, то доц. Бирибаум заметил, что советские языковеды, по-видимому, в большинстве склоняются к так называемой ларингальной теории, основанной, как известно, на данных хеттского языка. Доклад вызвал ряд вопросов и оживленные прения.

С 6 по 9 мая 1958 г. в Москве, в Институте русского языка АН СССР состоялось VI диалектологическое совещание, в котором приняли участие представители 50 вузов страны. Директор Института русского языка акад. В. В. В и н о г р а д о в во вступительном слове охарактеризовал основные задачи, стоящие перед институтом.

В. В. Виноградов подчеркнул, что изучение русских народных говоров (как составленные диалектологических атласов, так и подготовка к созданию областных словарей) связывается с главной задачей — широким исследованием русского языка в сравнительно-историческом славистическом плане — и является ее составным звеном.

Совещание заслушало несколько докладов. Доклад д-ра филол. наук В. Г. Орлова о в о й «Русско-белорусские языковые отношения по данным диалектологических атласов» был посвящен языковым фактам, общим для русского и белорусского языков. Анализ изоглосс, которые дают эти факты при картографировании русских и белорусских говоров, приводит автора к разграничению трех типов: 1) явления, связывающие белорусские говоры с южновеликорусским наречием в целом; 2) явления, связывающие белорусские говоры с западными русскими говорами (включая среднерусские и северновеликорусские); 3) явления, связывающие белорусские говоры со смоленско-калужскими; все эти явления должны рассматриваться как общие для двух самостоятельных языков. Изучение картографированного материала дает возможность ставить вопросы генетического характера — как о происхождении самих явлений, так и о формировании определенных диалектных групп.

В информационном докладе А. С. Фектисовой (Сектор диалектологии Института русского языка) «О работе над диалектологическими атласами в 1958 г.» подведены итоги экспедиционной работы вузов в 1957 г. и намечен план экспедиции 1958 г.

В информационном докладе А. И. Сологуб (Сектор диалектологии Института русского языка) «О дальнейшей работе над региональными словарями» отмечалось, что многие вузы — по мере выполнения ими плана по сбору материала для атласов — постепенно включаются в работу по сбору материала для региональных словарей. При этом следует в основном ориентироваться на охват общеразговорной диалектной лексики — как употребительной в настоящее время (в том числе и терминологической), так и перешедшей (или переходящей) в пассивный фонд. Основным методом сбора материала должна явиться фиксация слов и отрезков связной речи в процессе беседы; Сектором диалектологии Института русского языка подготовлен и выдвинут на обсуждение примерный перечень тем для бесед (В. Г. Орловой, А. И. Сологуб и Е. А. Твердовской составлен «План пособия для сбора диалектной лексики при подготовке региональных словарей»).

Прения по докладу А. И. Сологуб проходили одновременно с обсуждением книги Г. Г. Мельниченко «О принципах составления областных словарей»¹. В выступлениях отмечалась своевременность и ценность этой книги, обобщающей накопленный автором опыт работы по составлению словаря Ярославской области.

Совещание заслушало научные сообщения: А. Н. Качалкина (Ростов н/Д.) — «Проблема создания региональных исторических словарей» (на материале рукописных документов донского казачества XVIII в.), Е. А. Комшиловой (Москва) — «К изучению говоров Среднего Урала (кушвинский говор Свердловской области)», Г. С. Оксман (Саратов) — «О некоторых явлениях вокализма первого предударного слога после шипящих в южновеликорусских говорах», Г. Я. Симиной (Ленинград) — «О некоторых особенностях системы указательных местоимений в говорах Красноборского района Архангельской области» (диалектные формы местоимений *тот вот* и *тот там*), С. С. Высокского (Москва) — «О механической записи, применяемой в диалектологической работе».

Кроме того, совещание заслушало информационные сообщения сотрудников Института этнографии АН СССР: д-ра историч. наук П. И. Кушнера — о принципах составления русского этнографического атласа, кандидатов историч. наук Г. С. Масловой — о картографировании одежды, О. А. Ганцкой — о картографировании народного жилища и Д. В. Найдиной — о картографировании сельскохозяйственных орудий. Совещание приняло решение — считать двумя основными задачами диалектологов-русистов создание атласов русских народных говоров и подготовку региональных словарей. Территории отдельных региональных словарей должны характеризоваться единством говоров по лингвистическим признакам. В помощь собирателям диалектной лексики путем интенсивного обследования словарного состава надо создать специальное пособие, содержащее вступительную часть (общие установки и методика сбора материала), перечень тем для бесед, образцы записей материала и карточек словарной картотеки, инструкцию для построения словарной статьи, а также рисунки и схемы этнографического характера. Совещание рекомендовало Сектору диалектологии Института русского языка провести в 1959 г. лексикографический семинар диалектологов, занимающихся сбором материала для региональных словарей.

¹ «Уч. зап. [Ярославского гос. пед. ин-та им. К. Д. Ушинского]», вып. XXVI, XXXVI — Русский язык, 1957.

23 и 30 мая 1958 г. в Институте языкознания АН СССР состоялись очередные заседания методологического семинара. С докладом «Историзм как научное мировоззрение» выступил В. И. Абаев, отметивший, что крупнейшим завоеванием XIX в. был историзм — новое мировоззрение, проникшее во все области науки. Историзм, т. е. познание современности через историю, нужен не для изучения того, чем вещи были, а для изучения того, чем они стали. В языкознании это движение привело к созданию историко-сравнительного направления. По мнению В. И. Абаева, вторая половина XIX в. и начало XX в. ознаменовались отходом от историзма во всех областях. В языкознании этот процесс прошел два этапа: младограмматический и структуралистский. Это две последовательные ступени. Их роднит формализм. У структуралистов намечается возврат к донаучному описанию языка. Заслуги же их в деле изучения языков в себе и для себя ничтожны по сравнению с младограмматизмом. Существует и внутренняя связь между отходом от историзма в науке и отходом от реализма в искусстве и литературе. По мнению докладчика, в настоящее время в языкознании наблюдается известный теоретический разброд.

Б. В. Горнунг в содокладе, согласившись с основными тезисами докладчика, не счел возможным назвать настоящее положение в языкознании теоретическим разбродом, хотя ревизионизм в современном языкознании, быть может, и существует.

Оба доклада вызвали бурное обсуждение. Выступивший в прениях В. А. Никонов отметил, что историзм бывает разный и что следует отличать буржуазный, объективистский историзм от марксистского. По мнению В. А. Никонова, младограмматизм был прогрессивен для своего времени, так как призывал к изучению живых языков. В настоящее время новым прогрессивным фактом является развитие теории и практики машинного перевода и стремление к точным, объективным методам исследования.

По мнению Е. А. Бокарева, историзм — свойство подлинно научных исследований. Без него не может быть ни полноты, ни глубины. Однако резкое противопоставление «историзм — антиисторизм» надуманно и схематично. Современность и история дополняют друг друга. Историзм не в уходе от современности к глубокой истории, а в том, чтобы правильно понять специфику существующего. Неверно так резко противопоставлять традиционное и новое языкознание. Современное состояние языкознания — не методологический разброд. Появление новых подходов и методов — признак роста и силы.

М. М. Гухман отметила прогрессивность младограмматизма по сравнению с положениями Гумбольдта, наивность которых для нас очевидна, и неправильность сведения младограмматизма только к формализму. Неверно в наше время не использовать достижения фонологии. Иное дело, что в фонологии Трубецкого мы берем не все. Надо верно понять взаимодействие сторон языка. Важно не только «почему», но и «что» имеется теперь. Отгораживаться от синхронного языкознания — значит задерживать рост науки. Абаев прав в том, что у молодежи есть нигилистическое отношение к языкознанию XIX в. и к проблематике нашего языкознания, но не прав в том, что надо отказаться от всего современного и вернуться к Гумбольдту — Гримму.

Полемизируя с Б. В. Горнунгом, В. П. Григорьев сказал, что он не видит ни одного марксистского положения, которое бы отвергалось языковедами, названными Б. В. Горнунгом ревизионистами, и что теория информации не подменяет марксистской теории познания. Нельзя не учитывать специфики языкознания в ряду таких идеологических наук, как философия, литературоведение и др. Среди современных языковедов нет того теоретического разброда, который встревожил В. И. Абаева, однако необходимо усиление критического отношения к достижениям зарубежного языкознания.

В. И. Абаев в заключительном слове указал на то, что многие выступавшие отошли от основной темы, переключившись на проблемы синхронии и диахронии. Надо познавать законы развития и понимать систему как результат развивающейся системы.

Подводя итоги дискуссии, М. М. Гухман отметила, что острый вопрос о двух направлениях в науке был, действительно, подменен некоторым соотношением синхронии и диахронии. Сведение марксистского языкознания к одному лишь историзму — ошибка. Но и без историзма не может быть языкознания. На данном семинаре поднят очень важный вопрос, и рассмотрение его надо продолжить на следующих занятиях.

31 мая 1958 г. на филологическом факультете МГУ профессор Брненского университета И. Вахек выступил с докладом о развитии языка, рассматриваемого как система систем. В докладе на материале истории английского и славянских языков были показаны взаимосвязи развития фонологической системы с развитием грамматической и лексической систем. В обсуждении доклада, вызвавшего общий интерес, приняли участие профессор и преподаватели филологического факультета МГУ

23—24 июня 1958 г. в Ленинграде состоялось совещание Комитета по прикладной лингвистике. На совещании был составлен список тем по прикладной лингвистике с указанием учреждений, которые могли бы включить их в план 1959 г. Во время совещания была составлена также докладная записка по проблеме «Комплексное изучение речи в ее техническом и производственном применении». Комитет принял решение о проведении в 1959 г. совещания по теоретико-множественным моделям языка, языку-посреднику для машинного перевода и абстрактным языкам информационных машин, совещания по методике спектрального анализа и совещания по автоматическому различению звуков речи и букв письменного текста. Было принято также решение об установлении постоянной связи Комитета с объединением по машинному переводу. Совещание избрало А. А. Реформатского заместителем председателя Комитета по прикладной лингвистике и В. И. Григорьева, И. И. Ревзина и В. Ю. Розенцвейга — членами комитета.

9 июня 1958 г. на филологическом факультете МГУ состоялось очередное заседание семинара по некоторым применениям математических методов исследования в языкознании, преобразованного в межфакультетский семинар по математической и прикладной лингвистике. На заседании был заслушан доклад Вяч. В. Иванова «Машинный перевод и установление систем соответствий между языками», в котором был дан анализ работ кембриджской математико-лингвистической группы и указано сходство результатов ее исследований с итогами работ И. А. Мельчука и возглавляемой им группы советских исследователей. На заседании было заслушано также сообщение И. И. Ревзина о новой литературе по математической лингвистике и был обсужден план работы семинара на будущий учебный год.

16 июня 1958 г. состоялось общее собрание Отделения литературы и языка АН СССР, на вечернем заседании которого был заслушан доклад заведующего Сектором современного литературного языка и культуры речи Института русского языка АН СССР С. И. Ожегова «К вопросу о диалектной базе русского национального языка».

В первой части своего доклада С. И. Ожегов подверг критике лингвистов и историков, пытавшихся обосновать гипотезу, согласно которой в основе русского национального языка лежит курско-орловский диалект. Докладчик, ссылавшийся на работы С. И. Готкова, Г. П. Коляды, С. М. Кардашевского, историков И. М. Поненко и Г. И. Зикеева, указал на то, что гипотеза эта не могла получить научного обоснования, так как она не имеет почвы в реальном историческом процессе.

Во второй, исторической части своего сообщения С. И. Ожегов, подчеркнув чрезвычайную плодотворность марксистско-ленинского учения о ступенях народной жизни от родо-племенных состояний через ступень народности к нации для исторического языкознания, специально остановился на той стадии формирования русской нации, когда один из этапов развития великорусской народности становится отправным пунктом нового развития, возникновения новых начал в исторической жизни народа. Такой отправной пункт вырисовывается к исходу XVI — началу XVII вв., когда в экономической и общественно-политической жизни страны обнаруживаются явления, ставшие характерными в последующие эпохи развития (завершение государственного объединения, развитие товарно-денежных отношений, отчетливое классовое размежевание и т. д.). Докладчик отметил, что русский национальный язык не есть новый язык по отношению к языку великорусской народности, а лишь его дальнейшее развитие, поэтому вопрос о диалектной базе русского национального языка не может быть решен прямолинейно, без учета вопроса об образовании языка великорусской народности.

Последняя, собственно лингвистическая часть доклада была посвящена изложению новой гипотезы о диалектной базе русского национального языка. Подвергнув сомнению традиционную точку зрения на природу и происхождение средневеликорусских говоров (А. А. Шахматов, И. Н. Дурново), согласно которой средневеликорусские говоры есть результат взаимодействия двух уже сложившихся наречий — северновеликорусского и южновеликорусского, С. И. Ожегов говорил о том, что средневеликорусские говоры не могут быть вторичными по своему происхождению и должны иметь свои специфические и исконные языковые особенности. База общенародного языка не может представляться лишенной собственной языковой индивидуальности, неустойчивой, зыбкой. С. И. Ожегов отметил особую роль неодинаковых последствий процесса преобразования интонационно-музыкальных акцентных отношений в экспираторные для потомков вятичей и потомков словен и кривичей, считая, что разнородное развитие этого процесса началось одновременно и еще на довеликорусской территории и приводило к различным результатам в центральных зонах, т. е. в районах этнического смешения, и на периферии великорусской территории. Докладчик полагает, что предположение о раннем возникновении средневеликорусских говоров подтверждается исторической хронологией аканья, установленной Р. И. Аванесовым, а также вывода-

ми современных исследователей-диалектологов (С. И. Ожегов, в частности, ссылался на работы В. Н. Сидорова) Концентрация говоров средневеликорусской полосы нашла наиболее яркое выражение в московском говоре, который не мог быть простым соединением рядом живущих разноречий элементов. В заключение С. И. Ожегов отметил особую роль письменности в приобретении общенародным великорусским языком свойств языка национального.

Доклад вызвал оживленное обсуждение, в котором приняли участие старшие научные сотрудники С. И. Котков, В. Г. Орлова, В. Н. Сидоров, Б. В. Горнунг, Б. А. Серебренников, акад. В. В. Виноградов.

С. И. Котков, отвечая на содержащиеся в докладе критические замечания о работах, сказал, что он допустил довольно категорическое утверждение о том, что XVII в. застал на курско-орловской территории не диалектный хаос, а единый диалект, способный играть ведущую роль в процессе становления единого национального языка. Это нельзя признать правильным, отметил С. И. Котков. Нельзя также считать, что основой московского говора явился какой-то средний великорусский говор. В русском языке очень сильны были объединительные тенденции, поэтому следует говорить не о диалектной базе, а о диалектной доминанте.

В. Г. Орлова подчеркнула, что постановка вопроса о диалектной базе национального языка чрезвычайно своевременна и необходима. Заявив об отсутствии возражений против критической части доклада С. И. Ожегова, В. Г. Орлова указала, что новые диалектологические материалы все более и более укрепляют и обогащают традиционную точку зрения о происхождении и роли говоров, окружающих Москву, против которой докладчик выступает в лингвистической части своего сообщения. В. Г. Орлова отметила декларативный характер мотивов С. И. Ожегова, побуждающих к пересмотру старой традиционной концепции. Непонятно, о каком «этническом смещении» говорил докладчик. Те работы, на которые ссылается С. И. Ожегов — материалы «Атласа», статьи В. Н. Сидорова, — не могут служить, по мнению В. Г. Орловой, подтверждением его гипотезы. «Хорошо», сказала В. Г. Орлова, — что выдвинута еще одна новая точка зрения по этому вопросу, но хотелось бы видеть не общие умозаключения, а выводы, сделанные на основании непосредственного анализа языкового материала».

В. Н. Сидоров указал, что докладчик не привел никаких конкретных языковых фактов и строит свою гипотезу, по существу, без каких-либо серьезных лингвистических аргументов. Между тем вопрос о диалектной базе национального языка — вопрос именно конкретно-исторический. В. Н. Сидоров отметил, что далеко не все различия между северновеликорусскими и южновеликорусскими говорами связаны с различиями на почве акцентологической, как это получается у С. И. Ожегова. «В своих прежних работах я показывал», — говорит В. Н. Сидоров, — что севернорусский говор образовался на севернорусской основе. Непонятно, как это положение может служить доказательством гипотезы докладчика. Надо учитывать факты диалектографии, а они говорят о том, что около Москвы полоса среднерусских говоров самая узкая. Возможно, Москва являлась помехой распространению южных черт на север. Во всяком случае, это проблема, но С. И. Ожегов проходит в своих построениях мимо всех диалектологических и исторических проблем».

Б. В. Горнунг сказал о том, что метод исследования, избранный С. И. Ожевым, — метод исторический и единственно марксистский. Тезис о том, что среднерусское наречие не моложе южновеликорусского, не так абсурден, как кажется на первый взгляд. По мнению Б. В. Горнунга, некоторые археологические изыскания, с которыми так не любят считаться лингвисты, подтверждают этот тезис. Б. В. Горнунг считает очень ценным то, что С. И. Ожегов отказался от пространственных и временных абстракций.

Б. А. Серебренников отметил, что каждый национальный язык, в том числе и язык литературный, — по своей природе койне. В докладе же почему-то этот термин не фигурирует. Процесс образования русского национального языка — процесс двусторонний: мы должны говорить, с одной стороны, об образовании койне и, с другой, о базе этого койне, форсирующей его формирование.

В. В. Виноградов, выступивший в конце обсуждений, сказал о том, что из доклада С. И. Ожегова не совсем ясно, идет ли речь о национальном языке, отождествляемом с литературным языком, или же речь идет о создании некоторой народной разговорной общности, которую можно обозначить как койне. В докладе говорится о диалектной базе национального языка как проблеме чисто диалектологического характера, а между тем это проблема более широкая, носящая характер культурно-исторический. В чем же должна была сказаться эта диалектная база? В докладе говорится лишь о произносительной системе языка, отчасти о морфологической, и ничего не сказано о лексической, фразеологической, синтаксической стороне. Это лишает проблему конкретно-исторической определенности. Доклад С. И. Ожегова интересен по постановке вопроса, но хотелось бы видеть большую терминологическую точность и историческую ясность в решении этой важной проблемы.

В рукописном фонде Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) хранится оставшаяся неопубликованной любопытная рукопись перья слововины XVIII в.— пособие к изучению славяно-русского языка, составленное на немецком языке первым переводчиком Петербургской академии наук магистром Иоганном Паузе (I. W. Pause)¹. Рукопись представляет несколько тетрадей в четвертку листа; написана она довольно четко, хотя немалую трудность представляют заметки на полях, сделанные мелким и не всегда разборчивым почерком. Сохранность рукописи неоднородна, есть страницы потемневшие и выцветшие, которые, быть может, придется читать при свете люминесцентных ламп и пр. Общий объем рукописи составляет 219 страниц с оборотом (т. е. 437 стр.).

Начатое по инициативе акад. В. В. Виноградова изучение рукописи уже при предварительном ознакомлении с нею показало значительный интерес этого памятника, который отражает одну из первых попыток (в предломоносовский период) выяснения и описания (с применением сравнений с другими языками) специфики грамматического строя русского языка.

Грамматика, по признанию самого автора, предназначалась преимущественно «для нужд немецкой нации», отсюда и особенности ее построения. Грамматика названа грамматикой славяно-русского языка и содержит в себе сопоставительные примеры из церковнославянского, русского и немецкого языков.

Для лучшего усвоения русского языка автор использует большое число таблиц, не скупясь на даваемые примеры, приводя развернутые парадигмы склонения и спряжения. Автор широко применяет немецкую, латинскую и русскую терминологию. В изложении привлекается весьма распространенный в учебных пособиях XVII в. метод вопросов и ответов.

Рукопись не окончательно выправлена, что приводит к ошибкам в нумерации глав, к исправлениям и маргиналиям, подчас довольно распространенным. Первая часть пособия (18/17 глав) включает этимологию с предисловием и приложением. Этимология предшествует тщательное рассмотрение фонетической системы русского языка, причем в подробном описании звуков («букв») исключительно любопытным фактом является наличие элементов фонологического подхода. 1-я глава посвящена определению грамматики (стр. 10—19), 2-я — орфографическим правилам (стр. 19—25), 3-я — произношению и ударению (стр. 25—29), 4-я (5-я?) — частям речи (стр. 29—30), 6-я — изменению рода имен (стр. 31—32), 7-я — степеням сравнения прилагательных (стр. 33—39), 8-я — типам рода имен (стр. 39—41), 9-я — числу (стр. 41—42), 10-я — падежу (стр. 42—43), IX — склонению (стр. 43—64; парадигмы в этой главе занимают стр. 46—47, 50—51, 54, 56, 58—59), 10-я (!?) — словообразованию (отглагольные, умалительные, Patronymica, Gentilia) имен существительных и прилагательных (стр. 65—79), 11-я — словосложению (стр. 80—89), 12-я (приложение) — прочим изменениям слов (стр. 89—91), 13-я — местоимению (стр. 91—94), 14-я — глаголу (стр. 95—136), 14-я (!?) — причастию (стр. 136—142), 15-я — наречию (стр. 143—147), 16-я — предлогу (стр. 147—149), 17-я (18-я) — союзу (стр. 149—150), междометию (стр. 151); затем идет дополнение — об этимологических фигурах (стр. 151—153); протезис, эпентезис, паратезис, афарезис, синкопа, апокопе, метатезис, антитезис, тмезис, кразис.

Вторая часть грамматики состоит из тринадцати глав с небольшим введением и посвящена «синтаксису» (более 100 страниц), содержащимся которого по преимуществу служат семантические описания (с многочисленными иллюстрациями) словосочетаний. В первом разделе (гл. I—V): синтаксис имени числительного, вопрос и ответ, о согласовании имени с именем, имени с глаголом; во втором разделе (гл. VI—XIII): синтаксис управления, о синтаксической связи глагола с именем, о причастиях, о наречии, предлоге, союзе, об употреблении архаизмов, гебраизмов, грецизмов и пр.

Особенно интересным разделом этой рукописи следует признать словообразование; много существенного даст и толкование примеров, сопоставительное их приведение и т. д.

¹ Рукопись озаглавлена: «Anweisung zur Erlernung der Slavonisch-Russischen Sprache zum Nutzen Sonders der deutschen Nation angepaßt». Время ее написания — между 1725 и 1734 гг.

**О ТЕМАТИЧЕСКОМ ПЛАНЕ
ЖУРНАЛА «ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» НА 1959 г.**

За последние годы у советских языковедов значительно расширились возможности публикации исследований в различных областях науки о языке. С каждым годом выходит в свет все больше монографий и учебных пособий по языкознанию. Оживление работы в области славистики нашло яркое отражение в докладах и статьях, подготовленных советскими учеными к состоявшемуся в сентябре этого года в Москве IV Международному съезду славистов. Советская лингвистическая общественность активно сотрудничает в новых периодических изданиях — журналах «Советское востоковедение», «Советское китаеведение», «Русский язык в национальной школе», «Научные доклады высшей школы. Филологические науки». В 1959 г. начинает выходить еще один журнал — «Русская речь», орган недавно созданного Института русского языка АН СССР. Предполагается, кроме того, организация журналов по романо-германскому языкознанию и языкам народов СССР.

Рост числа лингвистических изданий и создание специализированных журналов делает еще более ответственными задачи, стоящие перед журналом «Вопросы языкознания». Его основной задачей остается разработка актуальных вопросов общего языкознания на материале самых различных языков. В центре внимания редколлегии находятся такие проблемы, как язык и общество, язык как форма национальной культуры, язык и мышление, методы лингвистического исследования, вопросы исторического развития общенародных национальных и литературных языков в их взаимоотношении с диалектами, актуальные проблемы языковой синхронии и диахронии, вопросы прикладного языкознания, история лингвистической мысли.

Редакция считает весьма желательным получение, наряду со статьями, посвященными важнейшим проблемам науки о языке, также кратких (до 10—12 стр. машинописи) заметок и конкретных материалов, новых наблюдений в области описательной и исторической грамматики, истории и этимологии отдельных слов, топонимики и ономастики, диалектологии и лингвистической географии, современного словоупотребления и культуры речи, лексикографии, семасиологии и т. д.

Чрезвычайно важной задачей журнала является своевременное критическое освещение новинок лингвистической литературы и текущих событий научной жизни. В связи с этим редакция заинтересована в получении кратких рецензий на выходящие в нашей стране и за рубежом новые книги, обзоров лингвистических журналов и тематических обзоров, а также в систематическом поступлении информации о научных дискуссиях и конференциях, о защите диссертаций, заседаниях семинаров и кафедр. Авторы, публикующих результаты своих исследований в виде монографий и брошюр или статей в других журналах, редакция просит присылать в ее адрес авторский экземпляр издания или оттиск статьи.

Ниже приводится примерная и, естественно, далекая от полноты тематика материалов, в получении которых редакция особенно заинтересована:

- 1) критический обзор современных лингвистических теорий и советское языкознание;
- 2) принципы описания языков;
- 3) закономерности исторического развития отдельных языков и групп родственных языков;
- 4) взаимодействие языков;
- 5) вопросы языковой типологии и проблема «универсальной грамматики»;
- 6) проблема «интернационализмов»;
- 7) «искусственные» языки;
- 8) экспериментальная фонетика и фонология;
- 9) о грамматическом характере корня (основы) на материале различных языков;
- 10) современная, в частности лингвистическая, терминология;
- 11) специфика художественной речи;
- 12) математические методы исследования в связи с проблемами общего и прикладного языкознания;
- 13) кибернетика и языкознание;
- 14) теория машинного перевода;
- 15) публикация текстов: памятники письменности; материалы по истории языкознания, отечественного и зарубежного, особенно в странах арабского Востока, Индии, Китае и Японии; материалы из архивов отечественных и зарубежных языковедов;
- 16) по страницам зарубежных журналов.

Редакция предполагает помещать систематическую информацию о том, над чем работают ведущие советские и зарубежные языковеды. Редакция обращается к авторам и читателям с просьбой присылать материалы для раздела «Консультации», рассчитанные на широкие круги интересующихся вопросами языкознания.

КНИГИ, ЖУРНАЛЫ И БРОШЮРЫ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ

Доклады к IV Международному съезду славистов

Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн. Лингвистическая география и структура языка. (О принципах общеславянского лингвистического атласа).—М., 1958. 30 стр.

П. Г. Богатырев. Некоторые задачи сравнительного изучения эпоса славянских народов.— М., 1958. 50 стр.

В. М. Жирмунский. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса.— М., 1958. 145 стр.

Т. П. Ломтев. О синтаксических соответствиях тождества и различия в глагольно-именных сочетаниях в славянских языках.— М., 1958. 24 стр.

Ю. С. Маслов. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида.— М., 1958. 39 стр.

Информационный бюллетень ЮНЕСКО.—1958, №№ 25, 26. 14 стр.

Тезисы докладов и сообщений на научной конференции по славянской филологии.— Фрунзе, 1958. 32 стр. (Киргизский гос. ун-т, филол. ф-т).

Труды Воронежского гос. ун-та. Т. LX, вып. 2 (сборник историко-филол. ф-та).— Воронеж, 1957. 88 стр.

Ученые записки [Ульяновского гос. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова]. Т. 16, вып. 1 (вопросы изучения и преподавания иностранных языков).— Ульяновск, 1958. 8 стр.

В. С. Байкип. Причины колебания ударения в русском литературном языке.— Чита, 1958. 19 стр.

А. П. Белощтан. Ударение членных имен прилагательных в современном украинском литературном языке. К вопросу о локально-акцентных типах и литературной норме ударения. Автореф. канд. диссерт. М., 1958. 16 стр.

И. А. Василенко. Сложное предложение в современном русском литературном языке. Автореф. докт. диссерт.— М., 1958. 37 стр.

П. А. Воробьева. К вопросу о развитии глагольной префиксации в русском языке (история приставки *в-*). Автореф. канд. диссерт.— Томск, 1958. 14 стр. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).

М. Н. Вьюкова. Относительные предложения в русском литературном языке XVIII века. Автореф. канд. диссерт.— Томск, 1958. 17 стр. (Томский гос. ун-т им. В. В. Куйбышева).

Н. Х. Демесинова. Порядок слов в простом предложении русского и казахского языков. Автореф. канд. диссерт.— Алма-Ата, 1958. 15 стр.

М. Думитреску. Именное склонение в Остромировом евангелии в сопоставлении с данными старославянских памятников. Автореф. канд. диссерт.— М., 1958. 13 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).

Г. Е. Камеиц. Неполная рамка и нерамочное строение предложения в немецком языке. Автореф. канд. диссерт.— Томск, 1958. 16 стр.

Н. Н. Заблнкова. Некоторые вопросы современной ботанической терминологии и принципы составления латинско-русского ботанического словаря. Автореф. канд. диссерт.— Л., 1958. 16 стр.

А. К. Ластовецкая. К истории чешской лексикографии (по XIV столетие включительно). Автореф. канд. диссерт.— Львов, 1958. 16 стр. (Львовский гос. ун-т им. Ивана Франко).

И. М. Мамедов. Карягинские говоры азербайджанского языка. Автореф. канд. диссерт.— М., 1958. 42 стр.

Э. С. Паулаускене. Варианты фразеологических единиц в современном английском языке. Автореф. канд. диссерт.— М., 1956. 14 стр.

Э. Паюсалу. Внешнеместные падежи в прибалтийско-финских языках (функции падежей). Автореф. канд. диссерт.— Таллин, 1958. 39 стр.

С. В. Протопопов. Роман И. С. Тургенева «Накануне». Автореф. канд. диссерт.— М., 1958. 20 стр.

Э. Р. Раднаев. Баргузинский говор бурят-монгольского языка. Автореф. канд. диссерт.— Улан-Удэ, 1958. 29 стр. (Ин-т языкознания АН СССР).

Э. П. Стасюлевиچуте. Отрицательные префиксы *un-* и *in-* в современном английском языке. Автореф. канд. диссерт.— М., 1958. 15 стр. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).

Б. С. Фокн. Конструкции глагола *venir* с инфинитивом во французском языке (к проблеме грамматики глаголов). Автореф. канд. диссерт.— М., 1958. 15 стр.

Т. К. Фомин. А. Философская терминология Цицерона (на основе анализа трактата «De finibus bonorum et malorum»). Автореф. канд. диссерт.— М., 1958. 21 стр.

Г. И. Х о р о ш к о. Роль практики в развитии языка. Автореф. канд. диссерт.— Минск, 1958. 17 стр.

М. М. Ц и к о л и а. Абжуйский диалект абхазского языка. Автореф. канд. диссерт.— Тбилиси, 1958. 18 стр. (Абхазск. ин-т языка, литературы и истории АН Груз. ССР).

М. А. Ч е р н ы ш к о. Особенности языка и стиля «Дела Артамоновых» А. М. Горького. Автореф. канд. диссерт.— Киев, 1958. 17 стр.

Р. А. Я к о в л е в а. Оборот с «for» в современном английском языке. Автореф. канд. диссерт.— М., 1958. 16 стр.

EOS. Organ polskiego towarzystwa filologicznego. Roczn. XLVII, zeszyt. 2.— Wrocław, 1954/1955. 419 стр.

Ob-Ugric metrics. The metrical structure of Ostyak and Vogul folk-poetry, by R. Husterlitz. — Helsinki, 1958.

Onomastica. Pismo poświęcone nazewnictwu geograficznemu i osobowemu. Roczn. III p.—Wrocław 1957. 577 стр.

1-re conférence internationale des universités populaires. № 1 — Paris, 1957. 64 стр. (на франц. яз. и на яз. эсперанто).

Report of the Seventh annual round table meeting on linguistics and language study, ed. by Paul L. Garvin.— Washington, D. C., 1957. VII + 232 стр. (Monograph series on languages and linguistics, № 9. Georgetown university).

Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar.— Uppsala — Wiesbaden, jan. 1955 — dec. 1957. VII + 130 стр.

Studia et acta orientalia. I (1957).— Bucarest, 1958. 404 стр. (Société des sciences historiques et philologiques de la R. P. R. Section d'études orientales).

Xifang Yuwen (Западные языки и литературы). 2.— 1958. С 129 по 246 стр. (КНР, Пекинский ин-т иностр. языков; на китайск. яз.).

Вл. Г е о р г и е в, И. Д у р и д а н о в. Увод в езиковедство. — София, 1958. 172 стр. (Учебник за учителските институти).

K. H e i n t s c h. Ze studiów nad szwajpołtem fiolem. Część I (Materiały do życiorysu i działalności fiola). — Wrocław, 1957. 112 стр.

J. L o r e t. Czechizmy w «Żywotach filozofów» i w pierwszym wydaniu «Kroniki świata» Marcina Bielskiego.— Łódź, 1955. С 201 по 214 стр. (Rozprawy komisji językowej — т. II).

СОДЕРЖАНИЕ

Состояние разработки и задачи дальнейшего изучения вопроса о диалектной основе русского общенародного языка	3
А. В. Д е с н и ц к а я (Ленинград). О морфологической структуре албанского языка	11
<i>ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ</i>	
Б. А. С е р е б р е н н и к о в (Москва). К критике некоторых методов типологических исследований	24
В я ч. В. И в а н о в (Москва). Типология и сравнительно-историческое языкознание	34
В. М. Ж и р м у н с к и й (Ленинград). О синхронии и диахронии в языкознании	43
Ю. А. Ж л у к т е н к о (Киев). Конверсия в современном английском языке как морфолого-синтаксический способ словообразования	53
Т. А. Б е р т а г а е в (Москва). Субъект и подлежащее	65
<i>СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ</i>	
И. П. Р а с п о п о в (Пятигорск). К вопросу о предикативности	70
Е. А. Г л и к и н а (Москва). Опыт экспериментального изучения элементов динамического ударения (На материале английского языка)	78
Т. Б. А л и с о в а (Москва). Место прилагательного по отношению к определенному существительному в итальянском языке	86
В. П. Т и м о ф е е в (Челябинск). О переходе некоторых кратких прилагательных в категорию состояния	93
М. В и д н е с (Хельсинки). О некоторых изменениях в позиции выражения принадлежности в русском языке XVIII—XIX вв.	99
В. П. Г р и г о р ь е в (Москва). Заметки о сложных словах	102
<i>КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ</i>	
Обзоры	
Проблема соотношения языка и мышления (Обзор статей, поступивших в редакцию)	105
Р е ц е н з и и	
Ю. С. С о р о к и н (Ленинград). <i>G. Hüttl-Worth. Die Bereicherung des russischen Wortschatzes im XVIII. Jahrhundert.</i>	111
В. И. Г о р е л о в (Москва). <i>С. Е. Яхонтов. Категория глагола в китайском языке</i>	118
Г. М. М а к е е в а (Москва). «Дослідження з мовознавства в Українській РСР за сорок років»	122
В. А. Г о р ц е в с к а я, В. Д. К о л е с н и к о в а, О. А. К о н с т а н т и н о в а (Ленинград). <i>J. Benzing. Die tungusischen Sprachen</i>	125
Л. А. Г и н д и н (Москва). <i>A. Carnoy. Dictionnaire étymologique du proto-indo-européen</i>	128
И. А. М е л ь ч у к (Москва). <i>J. Gonda. The character of the Indo-European moods</i>	132
Г. М. Г а б у ч а н (Москва). <i>H. Birkland. Growth and structure of the Egyptian Arabic dialect</i>	135
Д. Г. Л а х у т и, Б. А. У с п е н с к и й (Москва). <i>J. W. Perry, A. Kent, M. M. Berry. Machine literature searching</i>	138
<i>НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ</i>	
Ш. Ш. С а р ы б а е в (Алма-Ата). Языкознание в Казахстане	140
Над чем работают ученые	144
Т. М. Н и к о л а е в а (Москва). Конференция по машинному переводу	149
Л. Р. З и н д е р (Ленинград). Симпозиум по вопросам разборчивости речи	151
Г. Б а л а ж (Братислава). Конференция по вопросам синтаксиса словацкого языка	152
Н. С. П о с п е л о в (Москва). Конференция в Братиславе (Впечатления участника)	153
Хроникальные заметки	155
О тематическом плане журнала «Вопросы языкознания» на 1959 г.	164
Книги, журналы и брошюры, поступившие в редакцию	165

S O M M A I R E

Articles: Le niveau de l'étude contemporaine et tâches pour l'investigation ultérieure de la base dialectale de la langue russe nationale; A. V. D e s n i t s k a ĩ a (Leningrad). Sur la structure morphologique de l'albanais; **Discussions:** B. A. S e r e b r e n n i k o v (Moscou). Critique de quelques méthodes de l'investigation typologique; V. V. I v a n o v (Moscou). La typologie et la linguistique comparative historique; V. M. J i r m o u n s k i (Leningrad). Sur la synchronie et la diachronie dans la linguistique; J. A. J l o u k t e n k o (Kiev). La conversion en anglais moderne comme moyen morphologico-syntactique de la formation des mots; T. A. B e r t a g a y e v (Moscou). Le sujet logique et le sujet grammatical; **Communications et notices:** I. P. R a s p o p o v (Piatigorsk). Sur la prédicativité; E. A. G l i k i n a (Moscou). Étude expérimentale de l'accent dynamique en anglais; T. B. A l i s o v a (Moscou). La place de l'adjectif attributif par rapport au nom en italien; V. P. T i m o f e y e v (Tcheliabinsk). Sur la transgression de quelques formes brèves des adjectifs russes en catégorie d'état; M. V i d n e s (Helsinki). Sur quelques changements de la position des mots possessifs dans la langue russe de XVIII—XIX siècles; V. P. G r i g o r i e v (Moscou). Remarques sur les mots composés; **Critique et bibliographie; Vie scientifique:** Ch. S a r y b a y e v (Alma-Ata). Linguistique au Kazakhstan; Plans de travail des savants; T. N. N i k o l a y e v a (Moscou). La réunion consacrée à la traduction mécanique; L. R. Z i n d e r (Leningrad). Symposium consacré aux problèmes de l'articulation; G. B a l a g e (Bratislave). La réunion sur la syntaxe slovaque.

C O N T E N T S

Articles: The present-day study and tasks for further investigation of the dialectal basis of the Russian national language; A. V. D e s n i t s k a y a (Leningrad). On the morphological structure of the Albanian language; **Discussions:** B. A. S e r e b r e n n i k o v (Moscow). Critics of some methods of typological investigation; V. V. I v a n o v (Moscow). Typology and comparative historical linguistics; V. M. D h j i r m u n s k y (Leningrad). On synchrony and diachrony in linguistics; J. A. D h j l u k t e n k o (Kiev). Conversion in modern English as a morphological-syntactical means of word-formation; T. A. B e r t a g a e v (Moscow). Logical and grammatical subject; **Notes and queries:** I. P. R a s p o p o v (Piatigorsk). On the predicativity; E. A. G l i k i n a (Moscow). An experimental study of the dynamic stress in English; T. B. A l i s o v a (Moscow). The place of the attributive adjective in relation to the noun in Italian; V. P. T i m o f e y e v (Tcheliabinsk). On the transgression of short forms of Russian adjectives into the category of state; M. V i d n e s (Helsinki). On some changes in the position of possessive words in the Russian language of the XVIII—XIX centuries; V. P. G r i g o r i e v (Moscow). Notes on compound words; **Critics and bibliography; Scientific life:** Sh. S a r y b a y e v (Alma-Ata). Linguistics in Kazakhstan; Working-plans of scientists; T. N. N i k o l a y e v a (Moscow). A conference on machine translation; L. R. Z i n d e r (Leningrad). Symposium on problems of articulation; G. B a l a g e (Bratislava). A conference on the syntax of the Slovak language.